

Министерство культуры Республики Алтай
ГНУ «Агентство по культурно-историческому наследию РА»

МОО «Горно-Алтайский центр специальных работ и экспертиз»

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Выпуск 7

Горно-Алтайск
2008

ББК 63.4
63.5
Изу 39

Изу 39 Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири.
Выпуск 7.

Сборник научных трудов

/ Под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. 160 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук **В.П. Ойношев**,
кандидат филологических наук **Т.М. Садалова**,
кандидат исторических наук, доцент **В.И. Соёнов**,
кандидат исторических наук, с.н.с. **А.С. Суразаков**,
кандидат исторических наук **С.В. Трифанова**

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 16.
ГНУ «Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай».
Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gornyu.ru

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, 16-5.
МОО «Горно-Алтайский центр специальных работ и экспертиз».
E-mail: soyonov@mail.gornyu.ru; soyonov@mail.ru

Кубарев В.Д.
(г. Новосибирск)

ДВА РЕДКИХ РИСУНКА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ЧУЙСКОЙ КОТЛОВИНЫ (ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)

Горы, окружающие Чуйскую котловину, очень насыщены наскальными рисунками. Петроглифы встречаются на отдельных глыбах древних камнепадов, на скальных выходах, – в устье многочисленных рек и ручьев, образующих бассейн р. Чуи.

Наиболее крупное и известное местонахождение петроглифов находится в долине реки Елангаш (Дьелангаш). Более подробные сведения об истории исследования этого уникального памятника, а также список литературы, посвященной петроглифам Елангаша, можно найти в препринтом издании Кубарева В.Д. и Маточкина Е.П. (1992). Здесь сосредоточены десятки тысяч разновременных рисунков, но особый интерес представляет один из ранних пластов хронологии петроглифов, датируемый эпохой бронзы. Наше внимание привлек один из них, скопированный более десяти лет назад сотрудниками российско-французской экспедиции, на одной из возвышенностей правого берега р. Елангаш. Он представлял собой небольшой гравированный рисунок, едва различимый на поверхности камня. Сюжет (рис.1 – 1) напоминает маски или личины, с усложненным головным убором, известные по петроглифам соседней Тувы. Они в большом числе найдены в Мугур-Сарголе и близ пос. Кызыл-Мажалык (Дэвлет М.А., 1976, рис.6 – 18-21). Судя по этим аналогиям, и наша находка из Елангаша, также датируется эпохой бронзы.

Но, не менее интересны, в научном плане, пункты с петроглифами, которые находятся в юго-восточной части Чуйской котловины, на северных отрогах пограничного хребта Сайлюгем. Первое упоминание о них можно найти в небольшой сводной статье зоолога И.И. Ешелкина – сотрудника противочумной экспедиции (г. Горно-Алтайск). Он приводит краткие данные о девяти местонахождениях петроглифов, прилагая карту их расположения (Ешелкин И.И., 1974, с.63-64). В работе приводятся прорисовки 37 композиций и отдельных рисунков. Любопытны, достаточно точные определения И.И. Ешелкина видового состава диких животных по наскальным рисункам. Однако, в отдельных случаях мнение автора носит явно субъективный характер. Речь идет о небольшой сценке, приведенной на рисунке № 30, в которой он видит всадника «...на северном олене» (Ешелкин И.И., 1974, с.67). Однако изображение настолько схематично и условно, и потому непонятно какие морфологические признаки позволили прийти к выводу о том, что на рисунке запечатлен именно северный олень? Необычным и редким можно считать изображение лосей или оленей с лосиными рогами? на скалах, в долине р. Бураты. Они, по мнению И.И. Ешелкина, никогда не заходили так далеко в зону опустыненных высокогорий. Изображения лосей или оленей “на кончиках копыт” вызвали интерес у Я.А. Шера, как яркий образец аржано-майэмирского стиля (1980, рис.49). Заинтересовался ими и М.П. Грязнов, который просил прислать ему копию рисунка. Наши поиски этих петроглифов в Буратах в течение нескольких кратковременных посещений, были безрезультатными. Не мог их найти и сам автор открытия И.И. Ешелкин. Но вот в 2005 году участниками российско-корейской экспедиции, наконец, была найдена знаменитая сцена (Кубарев В.Д., 2007). Ее координаты: N 49° 45' 96, E 88° 59' 52, высота над уровнем моря 2054 м. В результате нового копирования, проведенного нами, более, чем через 30 лет, выявлены новые изображения, не замеченные И.И. Ешелкиным. Прежде всего надо сказать о слабо различимом изображении быка, расположенном в левой, нижней части сцены, а также о фигурках оленя, козлов и кабанов? Возможно, неточности были неизбежны, учитывая применяемую в начале 70-х годов, методику копирования петроглифов.

На протяжении многих лет, рассматриваемый археологический микрорайон продолжает изучаться автором данного сообщения. Так, значительная часть различных археологических памятников открыта В.Д. Кубаревым и его коллегами ещё в период 1968–1970 гг. (1980, с.69-91; 1981, с.188; 1983, с.90-109; 1992, с.11; и т.д.).

Наиболее насыщенным и содержательным, несомненно, ценным памятником древнего искусства являются петроглифы горы Жалгыз-Тобе. За последние три десятилетия к ним обращались многие исследователи. В том же полевом сезоне 1980 года, после открытия на памятнике древнетюркских граффити и рунической надписи (Кубарев В.Д., 1981, с.187-188), Жалгыз-Тобе вместе с автором обследовали А.П. Окладников и В.М. Надеяев. В следующие два полевых сезона (1981-1982 гг.) петроглифы Жалгыз-Тобе были полностью скопированы и частично опубликованы Е.А. Окладниковой (1986, с.183-190), а надпись и ее перевод появились в сводной работе о рунических памятниках Алтая (Надеяев В.М., 1981, с.65-81). Спустя десять лет петроглифы Жалгыз-Тобе были заново скопированы горно-алтайскими археологами. Результаты их исследований отражены в кратком сообщении (Елин В.Н., Тамилев А.М., 1992, с.77-78).

В 1993-1994 гг. автор вместе с французскими и американскими коллегами работал на Жалгыз-Тобе. Были сняты на миколент и эстампированы на полимерные материалы несколько крупных композиций в южной части памятника (Шер В.Д., Франкфор А.П., Кубарев В.Д., 1995, с.315; Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2000, с.68). Работами российско-французской экспедиции 1994 года, в Жалгыз-Тобе был частично раскопан полуразрушенный курган эпохи бронзы, доследованный затем в 1995 г. (Кубарев В.Д., 2000, с.31-35). В последние годы на Жалгыз-Тобе работали также В.В. Горбунов (1998, с.102-128) и Д.В. Черемисин (2000, с.435-440). Таким образом, наскальные рисунки горы Жалгыз-Тобе изучались многими исследователями, и в настоящее время назрела необходимость публикации памятника в полном объеме.

На Жалгыз-Тобе, также как и в Елангаше, наиболее ранними изображениями являются петроглифы эпохи бронзы. Многие из них имеют эскизный характер, то есть, выполнены тонкими гравированными линиями, как, например, «солнцеголовый» персонаж с посохом? (рис.1 – 2). Его рисунок, несомненно, выдержанный в каракольском стиле, имеет небольшие размеры и нанесен на каменной плоскости, обращенной на юг.

Еще совсем недавно памятники каракольской культуры (погребения и петроглифы) были известны только в центральных районах Алтая. Но открытия в Восточном Алтае, граничащим с Монголией и Китаем позволяют наметить пути продвижения каракольцев на юго-восток. Основанием для такого вывода служат и два редких рисунка из местонахождений петроглифов у горы Жалгыз-Тобе и в верховьях р. Елангаш.

Литература

1. Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С.102-128.
2. Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976. 120 с.
3. Ешелкин И.И. О наскальных изображениях некоторых животных в горах юго-восточного Алтая // Учен. зап. ГАНИИИЛ. Горно-Алтайск, 1974. Вып.11. С.63-68.
4. Елин В.Н. Исследования на петроглифических памятниках Курман-Тау и Бураты // ALTAÏKA. Новосибирск, 1993. №2. С.52-55.
5. Елин В.Н., Тамилев А.М. Граффити Жалгыз-Тобе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С.77-78.
6. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск. Новосибирск, 1980. С.69-91.
7. Кубарев В.Д. Работы на Алтае // АО 1980 года. М., 1981. С.187-188.
8. Кубарев В.Д. Погребение эпохи бронзы у г. Жалгыз-Тобе // Обзорение 1994–1996. Новосибирск, 2000. С. 31-35.
9. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.
10. Кубарев В.Д. «Случайная» находка в логу Бураты (Восточный Алтай) // Nota Bene: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2007. С.92–94.
11. Надеяев В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. №11. Вып.3. С.65-81.
12. Окладникова Е.А. Петроглифы г. Жалгыз-Тепе // Полевые исследования Института этнографии. М., 1986. С.183-190.

13. Черемисин Д.В. Исследование петроглифов г. Джалгыз-Тобе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т.VI. С.435-440.
14. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. 328 с.
15. Шер Я. А., Франкфор А.П., Кубарев В.Д. Обследование петроглифов Алтая // АО 1994 года. М., 1995. С.315.

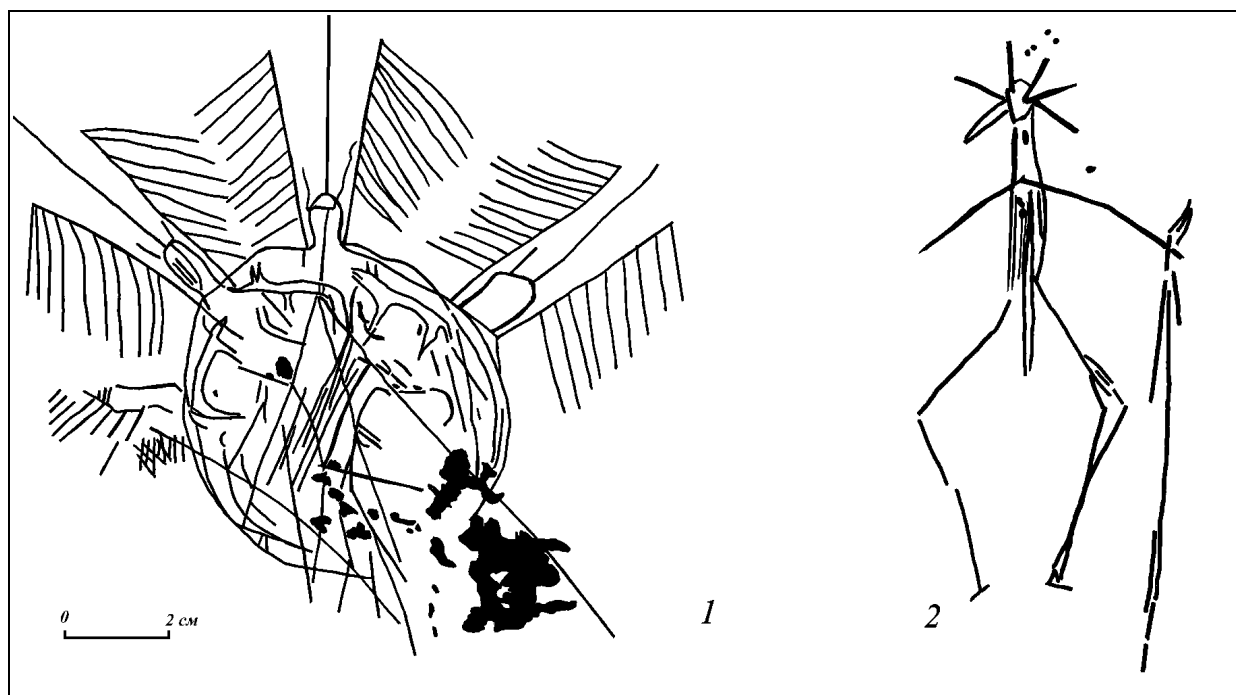

Рис.1

Петроглифы Чуйской котловины. 1 – Елангаш, 2 – Жалгыз-Тобе.

Соёнов В.И.
(г. Горно-Алтайск)

ГОРНЫЕ КАМЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ШИБЕ ЮЖНОЙ ОКРАИНЫ ЧУЙСКОЙ КОТЛОВИНЫ*

Специальное археологическое изучение древних и средневековых памятников Чуйской котловины в Юго-Восточном Алтае началось во второй половине XIX века. Первые научные раскопки были сделаны в 1865 году В.В. Радловым на р. Табажек (Захаров А.А., 1926, с.74-76). Эти изыскания дали ему важные материалы, которые были использованы исследователем при создании схемы периодизации древностей Сибири. Чуть позже в Чуйской котловине М.А. Брецинским обнаружено одно из крупнейших местонахождений петроглифов на Алтае, расположенное в долине р. Елангаша – правого притока Чуи (Брецинский М.А., 1881, с.27).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-01-61103а/Т).

В XX веке раскопочные работы в Чуйской котловине продолжены в 1924 г. А.Н. Глуховым и С.И. Руденко, которые вскрыли в Сайлюгемской степи несколько тюркских оградок (Кубарев В.Д., 1984, с.8; Руденко С.И., 2004, с.116). После этого, вплоть до второй половины XX века, каких-либо заметных событий в археологических исследованиях древних и средневековых памятников Чуйской котловины не наблюдалось.

С 60-х гг. XX в. началось систематическое изучение археологии Чуйской котловины, которое продолжалось до конца XX века. К этому периоду относятся изыскания экспедиций под руководством Е.С. Богданова, Ж. Буржуа, А.С. Васютина, А.П. Деревянко, Н.М. Зинякова, Б.Х. Кадикова, В.А. Кочеева, В.Д. Кубарева, Г.В. Кубарева, И.Л. Кызласова, О.В. Ларина, Л.С. Марсадолова, А.И. Мартынова, В.А. Могильникова, А.П. Окладникова, Е.А. Окладниковой, Д.Г. Савинова, И.Ю. Слюсаренко, В.И. Соёнова, А.С. Суразакова, Д.В. Черемисина, А.В. Эбеля. Ими изучались различные памятники, а в первую очередь, вскрывались погребения раннего железного века и раннего средневековья, копировались разновременные петроглифы и рунические надписи, фиксировались оленные камни и изваяния, изучались памятники железоделательного производства и т.д.

Необходимо особо отметить, что основным первооткрывателем и исследователем древностей Чуйской котловины является д.и.н., главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН В.Д. Кубарев. За четыре десятилетия он обнаружил большое количество погребальных и поминальных памятников, наскальных рисунков, местонахождений, керамических и доменных печей, изваяний, а также раскопал более 160 объектов на 18 курганных могильниках по долинам притоков Чуи: Юстыда, Уландрыка, Барбургазы, Бугузуна, Бураты и т.д. (Кубарев В.Д., 1979; 1980; 1984; 1987; 1991; 1992; 1997; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992; и др.).

В начале XXI века, в силу объективных и субъективных причин, раскопочные работы в Чуйской котловине практически прекратились. Усилия исследователей в последние годы в основном были направлены на сплошное обследование локальных участков для выявления и картографирования на них археологических объектов, проверку литературных и устных сведений о памятниках, поиск определенных типов объектов и т.д.

Таким образом, результатами многолетней работы исследователей различных научных учреждений в Чуйской котловине стали сотни зафиксированных археологических объектов. Произведенные изыскания значительно расширили сведения об археологических памятниках Горного Алтая, материальной культуре населения, а также увеличили количество данных по всем эпохам от палеолита до сегодняшнего дня. Это позволяет высоко оценить значение историко-культурного наследия Чуйской котловины для реконструкции малоизученных страниц истории древнего и средневекового населения Алтая и человечества в целом. Тем не менее, нужно констатировать, что не все разновидности памятников Чуйской котловины стали объектом внимания ученых. Сплошные разведочные и картографические работы с использованием ГИС-технологий на нескольких больших участках в долинах рек Юстыд, Себистей, Чаган-Бургазы и др., начатые российско-американской экспедицией под руководством В.Д. Кубарева и Э. Якобсон в 90 гг. XX в. и продолженные в последнее десятилетие совместной алтайско-бельгийской экспедицией под руководством Ж. Буржуа и А.В. Эбеля и экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН под руководством И.Ю. Слюсаренко и Е.С. Богданова показали, что существенное количество разновидностей археологических объектов Чуйской котловины до сих пор не раскапывалось, а, следовательно, не имеет ни хронологической, ни культурной, ни этнической привязки. Некоторые типы памятников фактически выпали из поля зрения исследователей, хотя, быть может, имеют большое значение для решения многих ключевых вопросов археологии, как Горного Алтая, так и всего региона Южной Сибири и Центральной Азии.

Одна из таких малоизученных категорий памятников – горные каменные сооружения *шибе*^{*}. Они были известны в Горном Алтае и ранее, но объектом специальных исследований стали недавно (Тишкин А.А., 2002, с.61-67; Соёнов В.И., 2004а, с.337-340).

^{*} Алтайский термин *шибе* – крепость, специально укрепленное, иногда просто труднодоступное место (Бородаев В.Б., Соёнов В.И., 2004, с.162) – по всей видимости, заимствован из монгольского языка. Монгольский термин *шивээ* обозначает форт, укрытие, укрепление, изгородь, частокол (Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А., 1982, с.778, 797; Молчанова О.Т., 1979, с.348).

До начала работ нам были найдены сведения о трех *шибе* на южной окраине Чуйской котловины. Два горных каменных сооружения были отмечены в литературе. Первое сооружение «... остатки древней крепости на правом берегу р. Чаган-Бургазы, в 15 км юго-восточнее Кош-Агача» упоминается А.П. Уманским со ссылкой на краеведа А.Ф. Чумыкаева (В.Ф. Чумакаева? – В.С.) (Уманский А.П., 1959, с.104). Вторая крепость, по описанию В.Д. Кубарева, находилась в 10 км от бывшей метеостанции Уландрык вверх по левому берегу р. Большие Шибеты* (Кубарев В.Д., 1980, с.73). Про третье каменное сооружение в долине р. Себистей нам сообщил А.В. Эбель.

В ходе работ по выявлению и картографированию горных каменных сооружений нам удалось найти и обследовать объекты по рр. Большие Шибеты и Себистей. Поиск крепости на правом берегу р. Чаган-Бургазы в 15 км юго-восточнее Кош-Агача результатов не дали. Возможно, расширение района поиска в дальнейшем позволит обнаружить объект, упоминаемый в книге А.П. Уманского.

В полевых работах принимали участие к.и.н. С.В. Трифанова, Т.А. Акимова (Вдовина), С.Н. Очурдяпов, а также студенты исторического факультета ГАГУ и школьники. Водитель экспедиционного автомобиля – В.Ю. Коробченко. Предварительные сведения о результатах произведенных поисковых работ нами ранее публиковались (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., 2003, с.156-160; Соёнов В.И., 2003, с.405-406; 2004б, с.466-467; 2005, с.486-487). В данной статье мы вводим в научный оборот объекты, обследованные на южной окраине Чуйской котловины.

В горах левобережья р. Большие Шибеты и междуречья Больших Шибетов и Ак-Сая нами обнаружены и обследованы четыре объекта (рис.1).

Объект Большие Шибеты.

Находится в 10 км выше Уландрыкской метеостанции по долине р. Большие Шибеты, на южной стороне горного водораздела между рр. Большие и Малые Шибеты, в 2,5 км к северо-западу от впадения р. Аксай в р. Большие Шибеты. Географические координаты объекта: N – 49°67'710", E – 88°95'718".

На восточном склоне одного из отрогов водораздела, около скал у бывшей животноводческой стоянки зафиксировано сооружение с пятью участками остатков каменных стен (рис.2). Западный участок и был зафиксирован В.Д. Кубаревым как укрепление Большие Шибеты (Кубарев В.Д., 1980, с.73). Все стены сложены всухую из рваного камня и плит разных размеров и примыкают одним или двумя концами к скальным выходам. Ширина стен от 0,4 до 1 м, максимальная высота 1,2 м. Развал камней стен по склону. Самый южный участок длиной 50 м, примыкающий двумя концами к скальным выходам и образующий полуовал в плане, в северо-восточной части имеет двойную стену. На стоянке под скалой длительное время содержался скот, о чем свидетельствуют остатки загона в виде столбиков или пней от спиленных столбиков и слой капролита на окружающей территории. Для проверки величины слоя капролитов в центре полуовала был заложен шурф размером 1х1 м (рис.3 – 1). Слой оказался довольно мощным, только с глубины 1,2 м начинался слой камней от естественного разрушения скал. В шурфе на глубине 0,55 м найден фрагмент лепной неорнаментированной керамики серого цвета (рис.3 – 2).

Объект Большие Шибеты II.

Находится в долине р. Большие Шибеты, на южной стороне горного водораздела между рр. Большие и Малые Шибеты, в 650 м к северу от объекта Большие Шибеты. Географические координаты объекта: N – 49°68'181", E – 88°96'001".

На восточном склоне одного из отрогов водораздела около скал зафиксировано сооружение с четырьмя участками остатков каменных стен (рис.4). Все стены сложены всухую из рваного камня и плит разных размеров и примыкают двумя концами к скальным выходам. Ширина стен от 0,5 до 1,5 м, максимальная высота 1,5 м. Развал камней стен по склону.

* По сведениям В.Д. Кубарева, укрепление небольших размеров сооружено высоко в скалах. Оно с трех сторон окружено труднодоступными крутыми склонами и обрывом. С единственной (восточной) стороны, имеющей пологий спуск, тесная площадка укрепления отделена мощной стеной, сложенной из тщательно пригнанных сланцевых плит. В окрестностях собраны бронзовые и железные наконечники стрел (Кубарев В.Д., 1980, с.73).

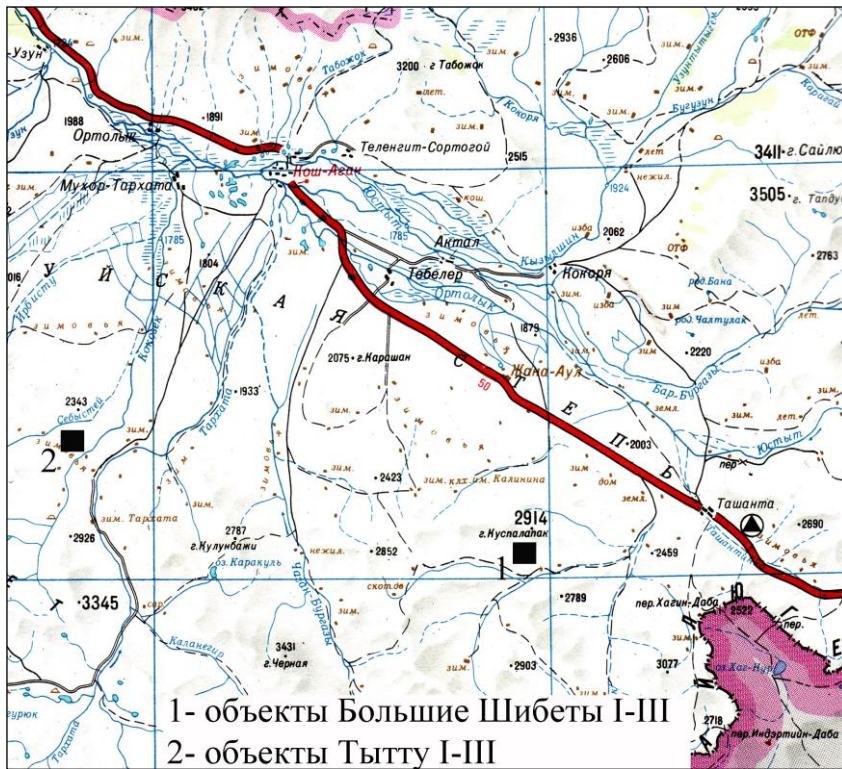

Рис.1
Месторасположение объектов на карте М1:500000.

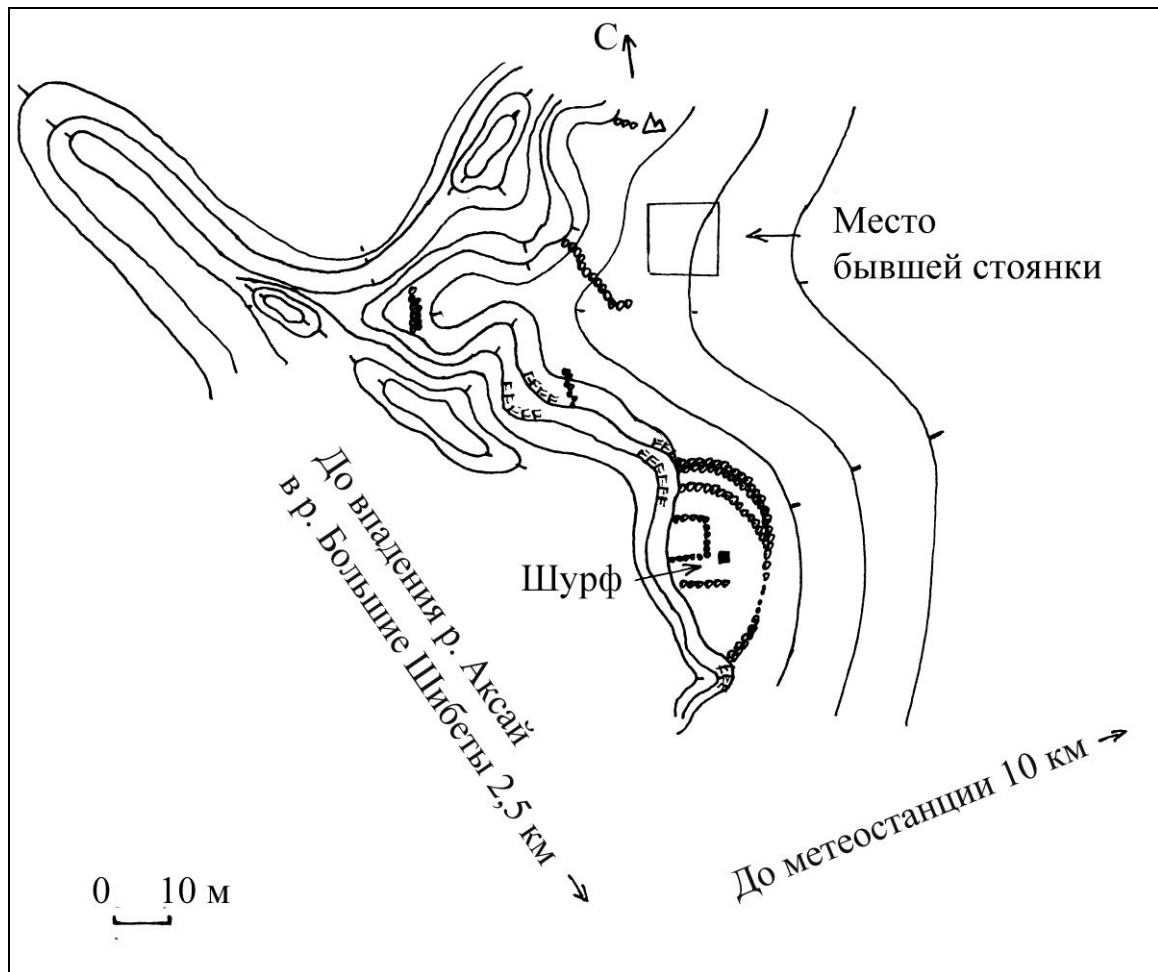

Рис.2
Глазомерный план объекта Большие Шибеты I.

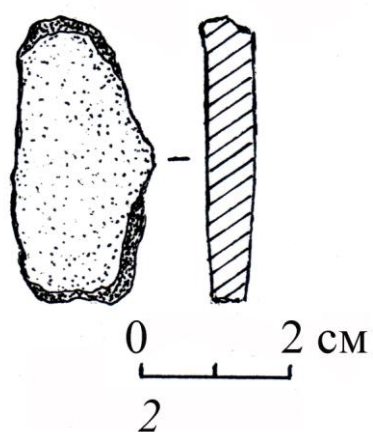
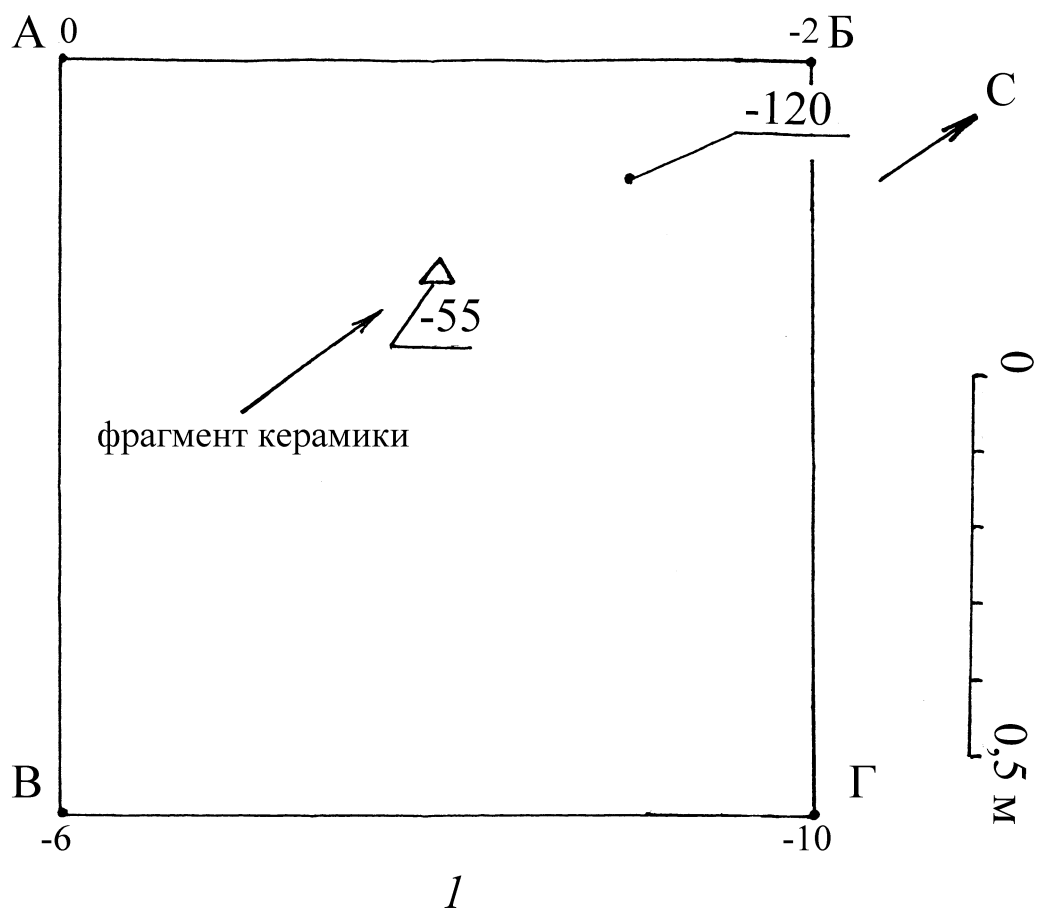

Рис.3

1 – План шурфа на южном участке объекта Большие Шибеты I;
2 – Фрагмент керамики из шурфа на объекте Большие Шибеты I.

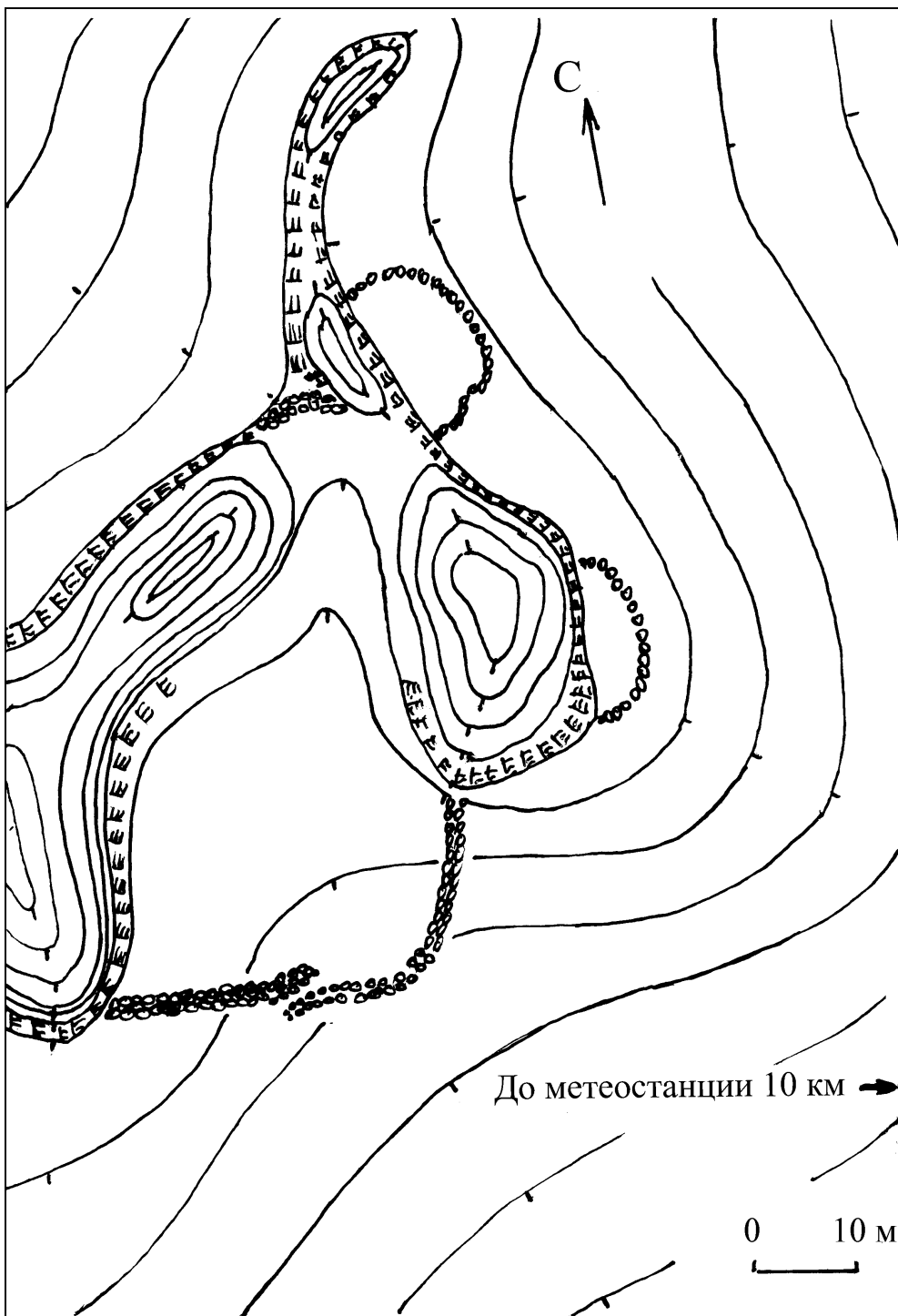

Рис.4
Глазомерный план объекта Большие Шибеты II.

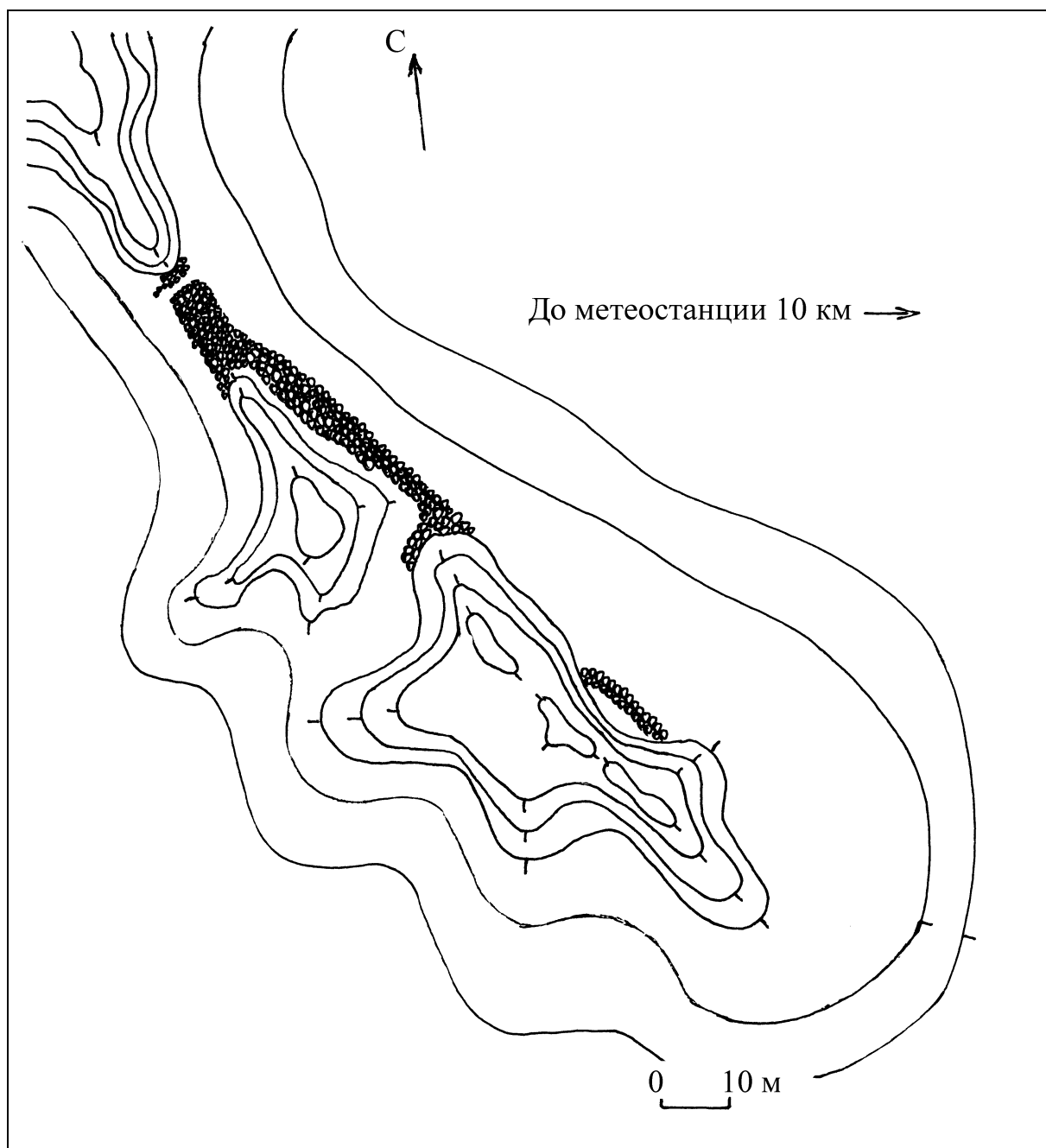

Рис.5
Глазомерный план объекта Большие Шибеты III.

Рис.6
Глазомерный план
объекта Большие
Шибеты IV.

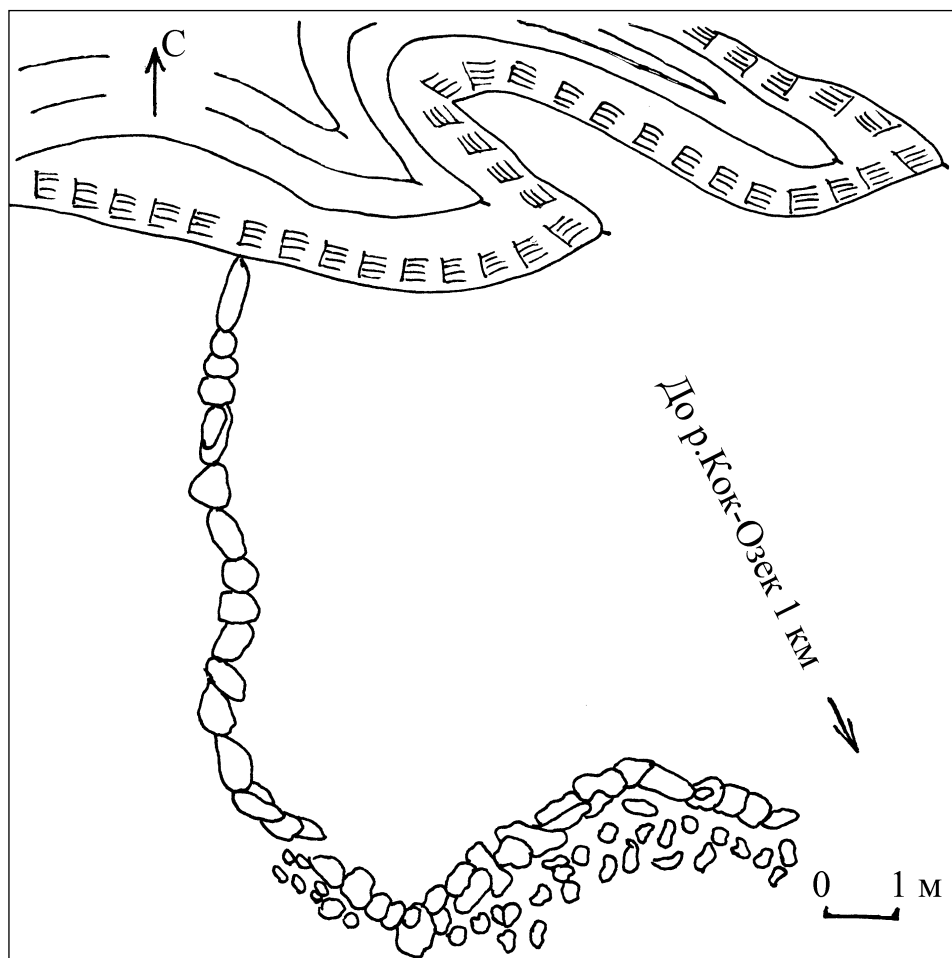
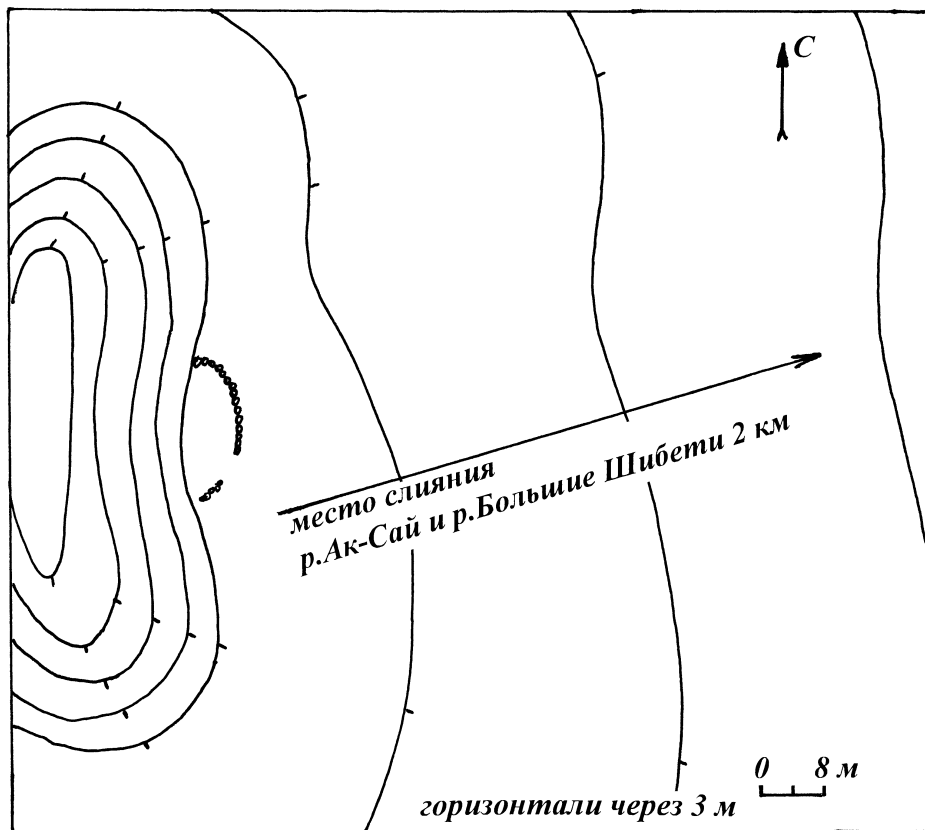

Рис.7
Глазомерный план
объекта Тытту I.

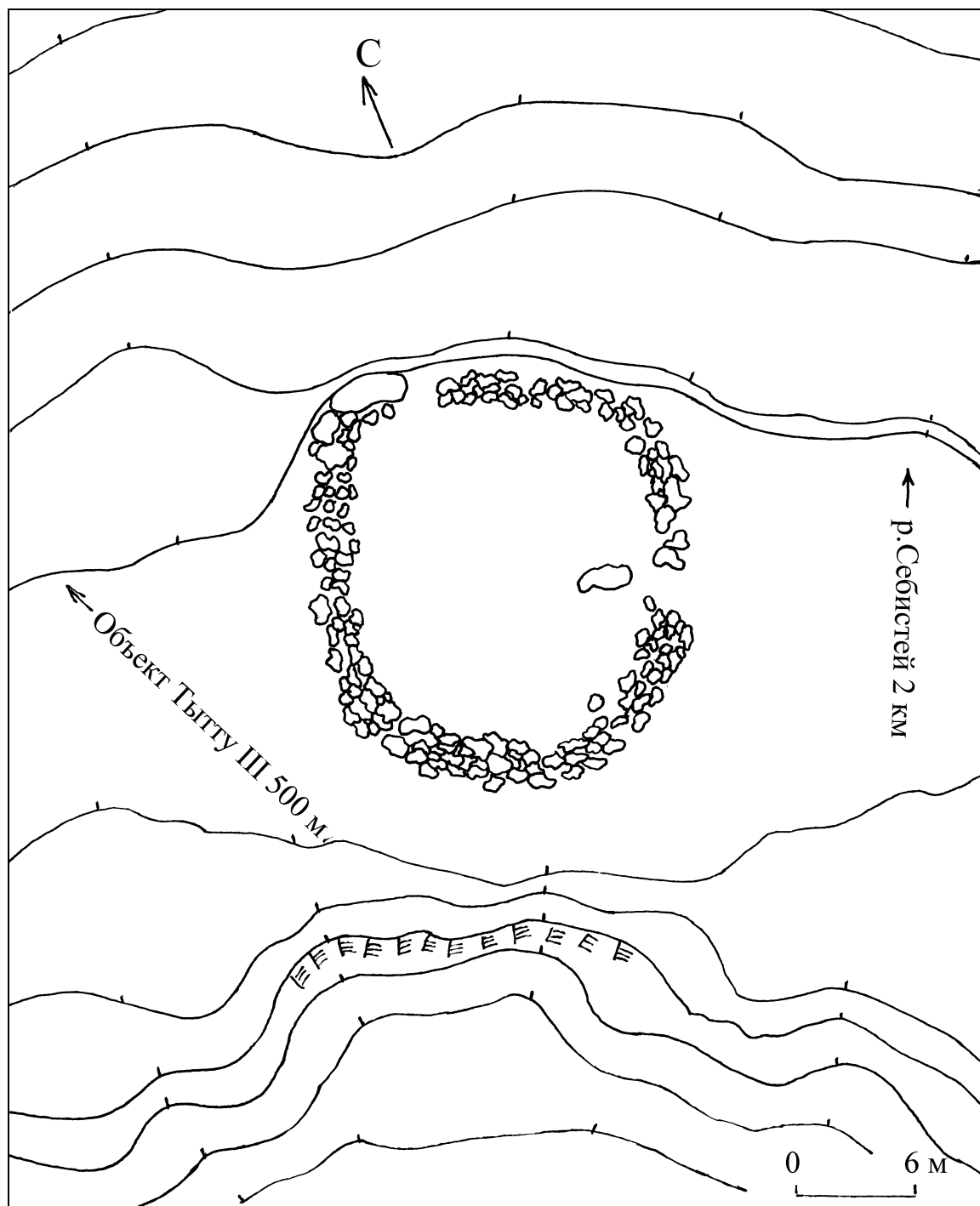

Рис.8
Глазомерный план объекта Тытту II.

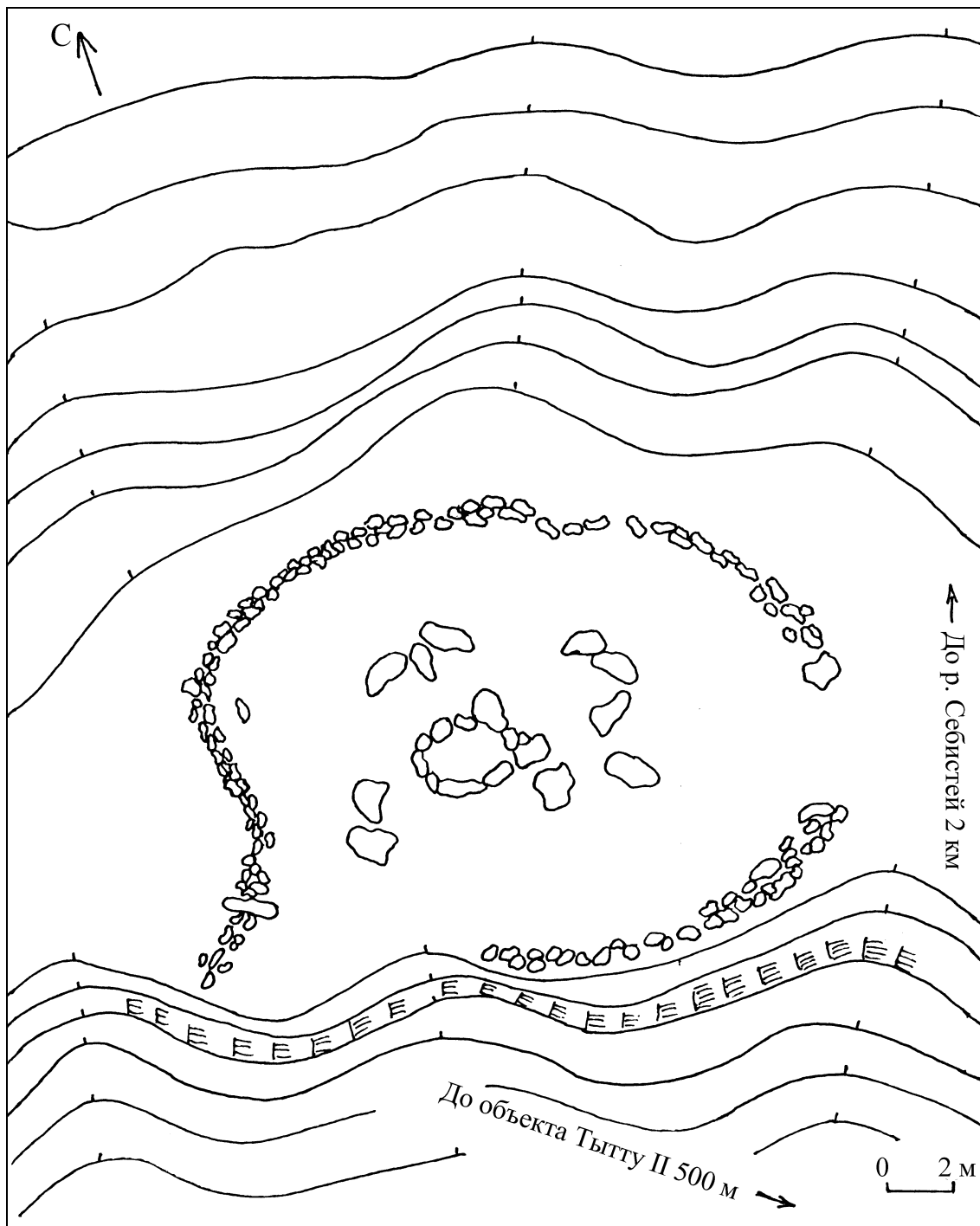

Рис.9
Глазомерный план объекта Тытту III.

Сохранившийся в виде задернованного каменного вала южный участок длиной 50 м, на южной стороне имеет ворота, выполненные в захлест. Северный участок имеет зигзагообразно выложенную стену с воротами, выполненными в захлест.

Объект Большие Шибеты III.

Находится в долине р. Большие Шибеты, на южной стороне горного водораздела между рр. Большие и Малые Шибеты, в 600 м к северо-востоку от объекта Большие Шибеты II. Географические координаты объекта: N – 49°68'383'', E – 88°96'646''.

На гребне одного из отрогов водораздела около скал зафиксировано сооружение, сохранившееся в виде двух участков каменных валов из рваного камня разного размера (рис.5). Основу валов, видимо, составляют камни естественного разрушения скал. Длина северо-западного участка 60 м, а юго-восточного – 15 м. Ширина каменного вала 3-7 м. Местами прослежены перемычки, установленные поперек оси вала. В оконечности северо-западного участка прослежены ворота, от которого к скале по вершине вала на более позднем этапе сложена невысокая стена.

Объект Большие Шибеты IV.

Находится в 13 км выше Уландрыкской метеостанции по долине р. Большие Шибеты, в междуречье Больших Шибетов и Ак-Сая, в 2 км к западу-юго-западу от места их слияния, под скалой. Географические координаты объекта: N – 49°39'45,8'', E – 88°56'20,6''. Высота 2505 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Объект представляет собой остатки каменной стены, сложенной всухую из рваного камня разных размеров (рис.6). Стена примыкает двумя концами к восточной стороне скального выхода и образует полуовал в плане. Она не сплошная, в юго-восточной части участками только обозначена. Четкой системы кладки не зафиксировано. Общая длина 21 м. Ширина от 0,4 до 0,8 м, максимальная высота сохранившейся кладки 0,75 м.

Поиск каменного сооружения в долине р. Себистей осуществлялся по сведениям А.В. Эбеля, который видел его в 1997 г, но не зафиксировал точное местонахождение. По устному описанию, нам удалось обнаружить на северном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Себистей каменное сооружение (объект Тытту III). В ходе дальнейших поисков были обнаружены еще два каменных сооружения: один на этом же склоне г. Тытту (объект Тытту II); второй на южном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Кок-Озек (объект Тытту I).

Объект Тытту I.

На южном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Кок-Озек, в 1 км к северо-западу от русла Кок-Озек, под скалой зафиксированы остатки стены небольшого каменного сооружения. Географические координаты объекта: N – 49°76'392'', E – 88°37'874''.

Стена, идущая зигзагом, образует угол со сторонами СЮ и ЗВ (рис.7). Третьей стороной служит скала, а четвертая сторона открытая. Стена сложена всухую. Начало кладки северного конца стены примыкает к скальному выходу. Далее стена идет на юг и через 7 м сворачивает на восток. Конец стены на востоке нависает над основной осью. Углы, образованные зигзагом, имеют длину основания 5 м, высоту 0,7 и 2 м. Ширина стены от 0,4 до 1 м, максимальная высота с внешней стороны 0,8 м. Нижние слои стены выложены из крупных камней в один ряд в ширину. Некоторые длинные камни уложены поперек направления стены. Для верхних слоев использованы и крупные и более мелкие камни. Южная часть стены имеет развал камней наружу, т.е. по склону.

Объект Тытту II.

Находится под скалой на северном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Себистей, в 800 м к северо-западу от объекта Тытту I. Географические координаты объекта: N – 49°76'803'', E – 88°37'159''.

Объект представляет собой остатки стены небольшого подовального в плане каменного сооружения размерами 17х16 м (рис.8). Западный сектор сооружения зарос кустарником. Стена сложена всухую из камней и плит. Ее развал имеет ширину 2-2,5 м, но, судя по некоторым участкам, первоначальная ширина составляла около 1 м. Максимальная высота сохранившихся участков стен 0,7-0,9 м с внешней стороны. В северной части сооружения естественный скальный выход включен в сооружение. В юго-восточном секторе имеются ворота шириной 1 м.

Объект Тытту III.

Находится под скалой на северном склоне г. Тытту, обращенном в долину р. Себистей, в 500 м к северо-западу от объекта Тытту II. Географические координаты объекта: N – 49°77'056", E – 88°36'331".

Объект представляет собой остатки стены небольшого каменного сооружения, идущей зигзагом и образующей в плане фигуру в виде несомкнутого овала размерами 20x14 м (рис.9). Стена примыкает к скальному выходу. Она сооружена из больших камней и вкопанных вертикально в захлест плит. Многие из плит сейчас повалились в разные стороны. Максимальная высота сохранившихся участков стены 0,7 м с внешней стороны. В юго-восточном секторе имеются ворота шириной 2 м. В центре сооружения находятся: каменная оградка из вертикально поставленных плит высотой до 1 м, горизонтально лежащие большие плиты.

На данном этапе изучения горных каменных сооружений *шибе* в Горном Алтае сложно рассматривать вопрос о хронологической принадлежности объектов Тытту I-III и Большие Шибеты I-IV. Обнаружение фрагмента керамики (рис.3 – 2) в шурфе, заложенном на объекте Большие Шибеты I, пока никоим образом не облегчает решение вопроса о датировке объекта, поскольку этот фрагмент керамики – единичная находка, которая к тому же имеет небольшие размеры и не орнаментирована. Возможно, какие-то результаты даст технико-технологический анализ фрагмента, но все же о более точной датировке объекта можно будет говорить только после раскопок и обнаружения датирующих предметов.

Не исключено, что собранные в окрестностях объекта Большие Шибеты I бронзовые и железные наконечники стрел (Кубарев В.Д., 1980, с.73), имеют непосредственное отношение к этому сооружению. Но пока находки могут быть связаны с ним только гипотетически, т.к. Большие Шибеты I – не единственный объект на данном участке. К северо-востоку от него нами зафиксированы три каменных кургана. Кроме того, на склоне водораздела повсеместно отмечены одиночные курганы и небольшие могильники. Внизу, в долине р. Большие Шибеты и у места впадения в нее р. Аксай также имеются курганы различных периодов, керексуры, выкладки.

О нижней хронологической границе бытования горных каменных сооружений *шибе* в Горном Алтае косвенно свидетельствуют исследования последних десятилетий на сопредельной территории – Хакасско-Минусинской котловине. В результате раскопок на ряде памятников установлено, что каменные горные сооружения там начали функционировать именно с эпохи бронзы (Готлиб А.И., 1999, с.14-16).

У части обследованных нами сооружений (Тытту I-III) нет явных признаков современного использования. Наиболее задренованным и архаичным из всех них выглядит Тытту II, а остальные объекты визуально выглядят более поздними или имеют некоторые следы недавнего использования. Поэтому можно уверенно полагать, что часть обследованных нами каменных конструкций возведена в этнографическое время. О верхней хронологической границе бытования горных каменных сооружений свидетельствуют остатки животноводческой стоянки советского времени на объекте Большие Шибеты I. Не исключено, что в этом конкретном случае мы имеем дело с перестройкой и переиспользованием в XX веке древних или средневековых каменных сооружений. Тем более что топоним, связанный с термином «*шибе*», имеет явно более раннее происхождение.

Таким образом, пока датировка сооружений Тытту I-III и Большие Шибеты I-IV может быть намечена в хронологических пределах от эпохи бронзы до этнографической современности.

О характере описанных выше объектов сегодня можно строить только предположения, т.к. раскопки внутри них не производились. Идея о военном предназначении сооружений Тытту I-III и Большие Шибеты I-IV практически исключается, поскольку у них наблюдаются весьма слабые фортификационные возможности. Некоторые признаки, а, в первую очередь, не совсем практичная конструкция объектов не позволяют настаивать и на чисто хозяйственном их предназначении. Возможно, часть из них возведена в хозяйственных целях, а часть – в ритуально-культовых.

Изучение горных каменных сооружений *шибе* в Горном Алтае только начинается и, очевидно, после раскопок ряда перспективных участков, систематизации морфологических и топографических особенностей станет возможным их хронологическая, функциональная и историческая интерпретация.

Литература

1. Бородаев В.Б., Соёнов В.И. Полевое каменное укрепление Курее-Таш в высокогорье близ с. Мендур-Соккон (результаты рекогносцировочного обследования) // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. №12. С.162-170.
2. Брецинский М.А. Исследование путей в Алтайском крае // Изв. ЗСОПГО. Омск, 1881. Кн.III. С.1-30.
3. Готлиб А.И. Горные сооружения-све Хакасско-Минусинской котловины. Автореф. дисс... кандидата исторических наук. Новосибирск, 1999. 18 с.
4. Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. Улаанбаатар, 1982. 840 с.
5. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды Государственного Исторического Музея. М., 1926. Выпуск 1. С.71-106.
6. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979. 120 с.
7. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С.69-91.
8. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.
9. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
10. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
11. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 219 с.
12. Кубарев В.Д. Древнейшие памятники высокогорного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. №2. С.135-138.
13. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.
14. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. 398 с.
15. Руденко С.И. Краткий отчет о раскопках С.И. Руденко, произведенных им по поручению Русского Музея летом 1924 года в Восточном Алтае // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С.115-117.
16. Соёнов В.И. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С.405-406.
17. Соёнов В.И. Изучение крепостей и городищ в Горном Алтае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004а. С.337-340.
18. Соёнов В.И. Археологические разведки и раскопки в Горном Алтае // Археологические открытия 2003 года. М., 2004б. С.466-467.
19. Соёнов В.И. Разведки в Горном Алтае и раскопки на могильнике Верх-Уймон // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С.486-487.
20. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А. Изучение каменных крепостей в Горном Алтае в полевой сезон 2002 года // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №11. С.156-160.
21. Тишкин А.А. Крепостные сооружения в Горном Алтае // Мир Центральной Азии. Археология, этнология. Улан-Удэ, 2002. С.61-67.
22. Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959. 252 с.

Кубарев В.Д., Ойношев В.П., Розвадовски А.
(г. Новосибирск, г. Горно-Алтайск, г. Познань)

ЧАШЕЧНЫЕ КАМНИ БЕШ-ОЗЕКА

При обследовании разрушенных погребений каракольской культуры в 2008 г., в огороде усадьбы с. Беш-Озек, найдены два чашечных камня, ранее, возможно, использовавшихся как стелы (рис.1). Приведем их краткое описание:

Стела 1. Размеры 150 x 37 x 3 см. Материал – слоистый сланец светло-серого цвета. На одной грани выбито три неглубоких лунки (рис.2 – 1). Обратная сторона повреждена сплошными сколами, изображений нет.

Стела 2. Размеры 155 x 45 x 8 см. Материал – слоистый сланец светло-серого цвета. На одной грани, в верхней части камня выбит слабо изогнутый поперечный желобок, под ним два симметрично расположенных кружка и «ожерелье?» с неразборчивым изображением. В средней части несколько неглубоких лунок (рис.2 – 2). На оборотной стороне, в верхней части стелы пять чашечных углублений и две лунки в средней части камня.

Стелы из Беш-Озека относятся к числу уникальных и наиболее древних объектов Алтая. Подобные монументы в археологической литературе получили название «чашечных камней», благодаря наличию на поверхности стел округлых чашечных углублений. Первые чашечные камни на Алтае были открыты В.Д. Кубаревым в 1982 году на левом берегу реки Теньги (1984, с.211) и опубликованы в 1986 (с.68-80). Здесь, в устье лога Малый Булундук, близ третьей Теньгинской фермы в Онгудайском районе, ранее располагался разновременный археологический комплекс. Он включал: группу афанасьевских курганов; несколько каменных стел и древнетюркских изваяний, перемещенных к ферме уже в наше время; а также наскальные рисунки в северо-западной части лога. В комплекс также входили погребения каракольской культуры, впоследствии исследованные охранными раскопками (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979; Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992; Вдовина Т.А., Трифанова С.В., Кобзарь М.В., 2006).

В районе с. Озерного А.С. Суразаковым в 1977 г. была также найдена плита-стела? с изображениями быков, оленей и др. животных, а затем вывезена А.П. Погожевой в музей народов Сибири. В настоящее время она экспонируется в фойе института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). Этому редкому памятнику посвящена отдельная публикация (Молодин В.И., Погожева А.П., 1989). Исследователи относят плиту к каракольской культуре. Однако, животные на ней, в частности, реалистично выполненные рисунки быков очень похожи на отдельные их изображения в петроглифах известного памятника Калбак-Таш I. Близкие по стилю изображения быков известны также в Туве и Монголии. Заметим, однако, что, рисунков быков в росписях на плитах гробниц каракольской культуры пока нет. Как известно, небесный бык и священная корова был популярен у населения афанасьевской и окуневской культуры Хакасии, – каракольцы, как и афанасьевцы Алтая, по-видимому, поклонялись маралу (петроглифы) космическому лосю или матери–лосихе? судя по их изображениям, которые всегда расположены в верхней части обломанных каракольских стел.

Дальнейшая судьба теньгинских стел неизвестна, наверное, они использованы для строительства жилых и хозяйственных построек, но самый крупный мегалит (200 x 150 см.) до недавнего времени стоял в одном из огородах частного дома пос. Озерного. На нем со всех четырех сторон беспорядочно были нанесены десятки выбитых лунок и плохо различимые изображения животных. При очередном обследовании памятников Озерного в 2008 г., выяснилось, что и он давно разрушен при расчистке огорода.

Ареал чашечных камней Алтая пока ограничивается бассейном Урсула и приустьевой частью Чуи. Кратко перечислим эти памятники.

Долина р. Урсул. Крупные мегалитические стелы с лунками, или, как их принято называть, чашевидными углублениями, имеются и в долине р. Урсул (лев. приток Катунь). В известном урочище Шибя и у с. Талда (Онгудайский район) отдельные чашечные камни были переиспользованы и стоят в качестве балбалов с восточной стороны больших курганов пазырыкской культуры Алтая. Другая их часть также использована вторично – это оленные камни и древнетюркские изваяния (Кубарев В.Д., 1986, с.76, табл.2).

Долина р. Каракол. В.Д. Кубаревым в 1995 г. найдено несколько мегалитических стел (высотой 3–4 м) у дер. Боочи, на левом берегу р. Каракол (правый приток Урсула). На их гранях имеются чашечные углубления, а сами монументы, возможно, находятся *in situ*. Об этом свидетельствуют их массивность и обособленное расположение с западной стороны больших курганов пазырыкской культуры.

Стелы в окрестностях Ини. На восточной окраине с. Иня, ранее стояло уникальное каменное изваяние. Верхняя его часть, с зооантропоморфной личиной, была отбита уже в наше время и хранится в музее г. Горно-Алтайска. После публикации этого памятника (Кубарев В.Д., 1979, с.9, табл.2 – 2) в архиве Горно-Алтайского музея С.В. Киреевым была найдена и старая фотография еще целого памятника. Кроме того, что поиски по фото-

графии первоначального местонахождения изваяния увенчались полным успехом, в непосредственной близости от нижней обломанной части этого изваяния, были обнаружены еще три массивные стелы, переиспользованные в качестве ограждения древнетюркского поминального комплекса. Их огромные размеры (высота одной из стел превышала 4 м) и форма свидетельствуют, что они органически входили в один культовый комплекс вместе с ранее описанными монументальными памятниками эпохи бронзы. Причем одна из стел, была затем превращена в оленный камень, на котором, однако, кроме пояса и архаического чекана, других изображений не оказалось. Все три менгира были нами установлены в предполагаемом первоначальном положении.

Бичикту-Кая. На правом берегу р. Катунь, чуть ниже ее слияния с р. Чуей, у известного бома Бичикту-Кая найден чашечный камень, гигантских, поистине мегалитических параметров. Он представляет собой серую гранитную плиту неправильных очертаний, полными размерами 420 x 300 x 27 см. На одной плоскости камня около двух десятков чашечных углублений диаметром от 2,5 до 4 см, глубиной 0,5–15 мм. К сожалению, обратная сторона камня осталась необследованной, потому что массивная плита повалена и лежит на краю вспаханного поля. При этом нижняя, вкопанная часть, выходящая обломанным краем на дневную поверхность, указывает ориентацию чашечного камня. Он был обращен лицевой? стороной на юго-запад.

Вокруг нижней части камня произведены раскопки, позволившие определить глубину ямы (170 см) под камень и установить его форму и полные размеры. В основании чашечный камень для большей устойчивости был тщательно забутован крупными камнями. Вокруг основания камня большое число кварцитовых и гранитных галек белого цвета, очень правильной шаровидной формы. Они связаны с широко распространенным на Алтае культом обо, а в данном случае с поздним (этнографическим?) почитанием еще недавно возвышавшегося мегалита.

Обломок каменного блока с чашечными углублениями, шлифованными поперечными полосами и глубокими параллельными “резами” недавно найден в устье Чуи, на местонахождении Калбак-Таш II. Он до сих пор лежит в 30 м от полотна Чуйского тракта.

Стелы из Калбак-Таш I. На правом берегу Чуи, между с. Иодро и с. Иня, находится местонахождение петроглифов Калбак-Таш I. Проводившиеся здесь в 1987 г. работы по их копированию позволили обнаружить две небольшие плиты с рисунками, возможно, использовавшиеся в древности как стелы. Они весьма близки описанным выше теньгинским чашечным камням наличием рисунков и чашевидных углублений на двух широких гранях плит. По современному нахождению плит-стел можно предположить их первоначальное место установки: с юго-западной стороны, у подножия скал Калбак-Таша. Возможно, и они были ориентированы лицевой стороной (одна из граней с рисунками) на юг. Однако, судя по их небольшим размерам и рисункам, калбакташские плиты–стелы, очевидно, были установлены несколько позже, чем теньгинские или каракольские.

Стела в окрестностях Иодро с выбитыми рисунками и чашечными углублениями обнаружена поваленной, с восточной стороны полуразрушенного кургана. Находится прямо у Чуйского тракта, рядом с селом Иодро, на левом берегу Чуи. Стела была поставлена недавно новосибирскими археологами, в предполагаемом первоначальном положении.

Не случайно, надо полагать, именно в этих районах сконцентрированы древние погребения населения афанасьевской и каракольской культур. Дальнейший поиск рассматриваемых памятников здесь весьма перспективен.

Если обратиться к опубликованным археологическим материалам соседних с Алтаем стран, то можно найти очень похожие монументальные памятники, датируемые эпохой бронзы или даже более архаичным временем. Очевидно, на раннем этапе первые азиатские «менгиры» были более массивны, грубы и бесформенны. Они не имеют никаких изображений. Подобные менгиры, достигающие высоты 4–6 м, известны в Центральном Казахстане. Характерной особенностью их является расположение на возвышенных местах, вблизи древних поселений и у некрополей эпохи бронзы. Некоторые из них, благодаря причудливой природной форме, названы бараньими, медвежьими и даже верблюжьими камнями (Маргулан А.Х., 1979, с.277-278; 286-287). Та же традиция установки зооморфных менгиров практиковалась и в Хакасии (Кызласов Л.Р., 1986, с.148-151, табл.86; 88). На втором этапе в Саяно-

Алтае, возможно, появляются стелы с чашевидными углублениями и редкими рисунками парнокопытных (лось, марал и бык). Причем для нанесения, священных в древности животных, могли служить как ранние, монументальные памятники, так и специально подобранные каменные плиты, и блоки, более пропорциональных форм. Такие стелы-obelisks известны в центральных и западных областях Казахстана: в местности Койшоки и на р. Кантегир (Маргулан А.Х., 1979, с.287, с.292-294, табл.212; 215); а также в Дыкылтасе (Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996, с.218-234, табл.1 – 7). Нанесенные на них изображения (кольца, поперечные полосы и “перехваты”) уже напоминают оленные камни раннескифского времени. Однако не исключено, что часть стел Дыкылтаса (рыбообразной и саблевидной формы) гораздо древнее периода установки оленных камней и может быть отнесена к ранней бронзе. Об этом могут свидетельствовать: использование широкой грани в качестве лицевой, наличие пропилов и чашечные углубления. По этим элементам казахские менгиры и ранние хакасские стелы тазминской культуры близки теньгинским стелам Алтая.

Монгольские мегалитические стелы располагаются, как и алтайские у подножия гор. Они, возможно, маркировали древние родовые угодья, одновременно служа визуальными ориентирами на путях кочевания. Один “чашечный камень” найден в одном из рядов, недавно открытого комплекса оленных камней в местности Цагаан-Асга. Стелы у сомона Ногонуур и оз. Ачит-Нуур, наличием чашечных углублений в верхней части (Кубарев В.Д., 2000 табл.1 – 4), напоминают теньгинские стелы Алтая. На р. Цагаан-Гол, в 1999 г. обнаружен чашечный камень, переделанный в оленный камень (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 2000, табл.7 – 1). Еще два небольших камня с чашечными углублениями – своеобразные “чуринги” бронзового века, недавно были найдены на р. Ховд и в центре насыпи циклопического керексура у оз. Цагаан-Нуур (Кубарев В.Д., 2000, табл. 1 – 6,7). Последняя находка по условиям местонахождения явно повторяет ситуацию ритуального комплекса Уйтас на р. Коксай, где чашечный камень (с тремя лунками и другими изображениями) находился с восточной стороны сооружения, напоминающего по конструкции керексуры Монголии (Марьяшев А.Н., Потапов С.А., 1999, с.104, табл.4).

Чашевидные углубления на алтайских стелах, несомненно, семантически близки подобным символам, нанесенным на окуневских стелах, изваяниях, менгирах Хакасии и Казахстана. Применяясь в качестве отдельных изобразительных элементов (глаза, уши, солярный знак, корпускулы лучевых корон, и т.д.), они на некоторых изваяниях кажутся излишне многочисленными, сюжетно не связанными с основными изображениями. К примеру, на изваянии Чалгыс-оба “...выявлены 22 выдолбленные округлые ямки, в их расположении никакой системы не наблюдается” (Кызласов Л.Р., 1986, табл.19). То же самое отмечено на изваяниях в котловине Сорга и на Черном озере (там же, с.103, табл.33; с.144, табл.81; с.148, табл.86 и т.д.). Причем, чашевидные углубления выполнены на них, как на боковых сторонах, так и на лицевой части и даже на макушке изваяний. Приведенные примеры позволяют высказать предположение, что ритуал установки стел с чашевидными углублениями (подобных алтайским чашечным камням) существовал и в Хакасии. Он возможно древнее традиции изготовления окуневских изваяний. Поэтому отдельные стелы в более позднее время дополнительной обработкой могли быть превращены в изваяния. То есть и в данном случае предполагается неоднократное использование более архаичных монументальных памятников. Близкой точки зрения придерживаются и другие исследователи, допускающие принадлежность некоторых изваяний афанасьевцам или еще более древнему населению Минусинской котловины. Правомерность таких предположений покажут дальнейшие исследования, но нахождение чашевидных углублений на плитах ограждения одного из афанасьевских курганов Алтая, наверное, подтверждает очень раннюю дату чашечных камней Алтая. Этот памятник, расположенный в верховьях р. Каерлык (Онгудайский район) был обследован автором в 1978 г., а затем раскопан А.П. Погожевой в 1981. На одной из плит ограды лунки были настолько глубоки, что при выбивке плита оказалась пробитой насквозь. Подобный случай (сквозное отверстие квадратной формы) отмечен и на одной из плит, использованной для раннескифского погребения (Марсадолов Л.С., 1991, с.27-29). Вполне вероятно, что именно такие тонкие плиты с чашевидными углублениями могли быть взяты из более древних памятников населением каракольской культуры для сооружения своих гробниц. Не исключено и нанесение углублений самими афанасьевцами или опять же применение плит, взятых из каких-то памятников более древних культур Алтая.

Рис.1

Общий вид «чашечного камня», найденного в с. Беш-Озек.

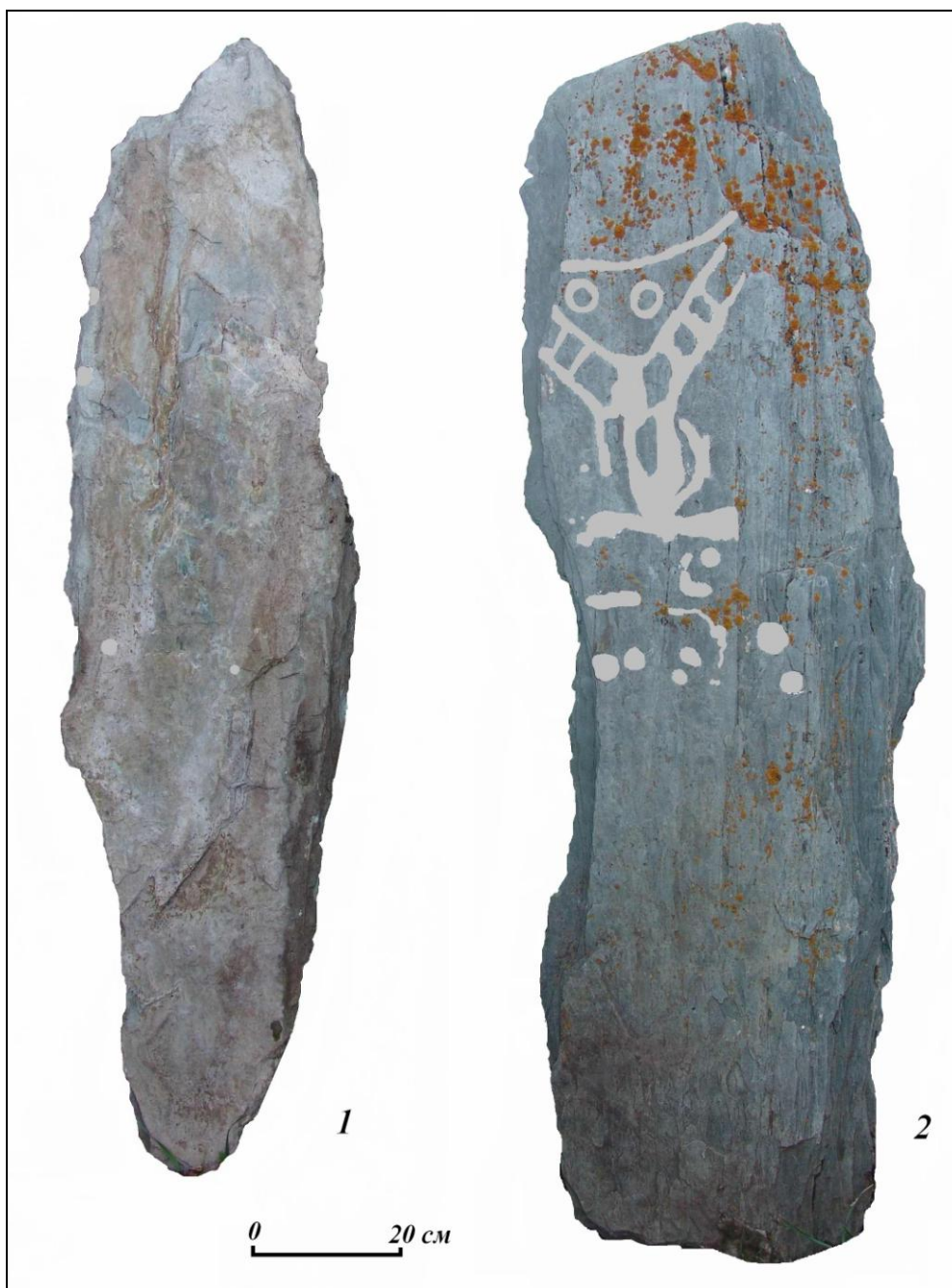

Рис.2

Прорисовка чашечных углублений и изображений на камнях-стелах.

Таким образом, если суммировать многочисленные факты, то они работают в пользу авторской версии о хронологии и назначении теньгинских стел и чашечных камней Центральной Азии. Монументальные памятники Алтая, а также синхронные им “тазминские” (по Л.Р. Кызласову) стелы Хакасии, в том числе и стелы на тагарских курганах вторично или даже многократно переиспользованы в надгробных сооружениях более поздних культур. Они, несомненно, старше самых древних курганов Саяно-Алтая и относятся к эпохе энеолита-бронзы, а может быть и к финальному неолиту Южной Сибири (Шер Я.А., 1980, с.217-233; Кызласов Л.Р., 1986, с.185-187). Возможно, и стелы из Беш-Озека датируются тем же временем, учитывая то обстоятельство, что село расположено прямо на курганах афанасьевской и каракольской культур Алтая.

Литература

1. Вдовина Т.А., Трифанова С.В., Кобзарь М.В. Коллективное погребение эпохи бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып.3,4. С.61-66.
2. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979. 120 с.
3. Кубарев В.Д.. Охранные работы на Алтае // АО 1982 года. М, 1984. С.209-210.
4. Кубарев В.Д. Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С.68-80.
5. Кубарев В.Д. "Мифические" чашечные камни Алтая и их аналогии в древних культурах Евразии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. С.104-108.
6. Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С.49-51.
7. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Тегга inkognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С.48-56.
8. Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М, 1986. 295 с.
9. Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 336 с.
10. Марсадоллов Л.С. Астрономическая обсерватория в Горном Алтае // Археологические культуры Евразии и проблемы их интерпретации. СПб, 1991. С.27-29.
11. Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Камни с чашевидными углублениями из Семиречья // История и археология Семиречья. Алматы, 1999. С.104-109.
12. Молодин В.И., Погожева А.П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. 1989. №1. С. 167-177.
13. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С.80-85.
14. Самашев З.С., Ольховский В.С. Стелы Дыкылтаса // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996. Вып.1. С.218-234.
15. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М, 1980. 328 с.

Степанова Н.Ф.
(г. Барнаул)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСХОДНОГО СЫРЬЯ И ФОРМОВОЧНЫХ МАСС КЕРАМИКИ НЕОЛИТА-БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ И ЕГО ПРЕДГОРИЙ*

Для эпох неолита и ранней бронзы Горного и Предгорного Алтая не решенными остаются многие вопросы, в том числе хронологии, культурной принадлежности памятников, контактов населения, исторических судеб. В сложившейся ситуации особое значение имеет изучение керамики, которая нередко является единственным источником информации. Исследование технологии изготовления керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий началось сравнительно недавно (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995; Степанова Н.Ф., 1997; 2004; 2005а, б; 2006; 2007; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1998; Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., 2006 и др.). В данной работе подведены некоторые итоги изучения исходного сырья и формовочных масс.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект «Процессы культурной адаптации на территории Южной Сибири в эпоху бронзы – раннем железном веке»

Технико-технологические исследования проводились в рамках историко-культурного подхода по методике А.А.Бобринского (Бобринский А.А. 1978; 1980; 1994; 1999). Основная задача в исследовании сводилась к тому, чтобы выявить специфику культурных традиций на двух ступенях производственного процесса (отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс). В рамках этой задачи рассматривались вопросы: 1) выделение культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; 2) выявление местных и неместных культурных традиций в навыках отбора глины и подготовки формовочных масс; 3) признаки смешения этих традиций. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 изучались свежие изломы и поверхности образцов. Для определения сортности глин они были дополнительно нагреты в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850°C. При изучении особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, случаи использования одной или двух глин.

Исследованы образцы от 530 сосудов с 45 памятников, датированных с V - до середины II тыс. до н.э. Коллекции неравнозначны по количеству сосудов, что связано с изученностью памятников.

Неолит. В общей сложности исследованы фрагменты от 35 сосудов эпохи неолита с 6 памятников, которые различаются хронологической и культурной принадлежностью. Малочисленность изученных образцов не позволяет охарактеризовать в достаточной мере технологию изготовления керамики этого времени. Наиболее древние, по видимому, фрагменты сосудов с поселений Элекманар-3 и Малый Дуган. К сожалению, сохранились только обломки, по которым невозможно реконструировать форму и размеры изделий. На сохранившихся фрагментах нет орнамента. Толщина стенок сосудов 2-3 мм. Они красноватого цвета или двухцветные в изломе (коричневый и черный). Тонкостенные сосуды (толщина от 2,5 до 4 мм) характерны и для других неолитических памятников Горного Алтая (Усть-Куюм, Тыткескень-2).

В качестве исходного сырья древние мастера использовали ожелезненные глиноподобные материалы, которые содержали естественные примеси в большой концентрации. Иногда применялись пластичные или очищенные глины. Выявлены рецепты глина+дресва, глина+шерсть, глина+дресва+шерсть. Большинство составляют рецепты №2 и 3. В нескольких фрагментах рецепта №1 зафиксированы отдельные отпечатки волоса, наличие которого вряд ли могло сказаться на качестве изделия. Фрагментарность находок исключает возможность сделать окончательные выводы по поводу нахождения волоса в стенках сосудов.

Из предгорного Алтая фрагменты неолитических сосудов изучены с поселения Комарово-1. Исходным сырьем послужили пластичные ожелезненные и слабоожелезненные глины, в которые добавляли дресву. Зафиксирована и органика. Однако характер ее определить не удалось.

Большемысская культура. Памятники этой культуры известны в Барнаульско-Бийском Приобье (до границ Кемеровской и Новосибирской области), в Горном Алтае (на Средней Катунь) (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 38, рис.1). Большемыссские сосуды остродонные со своеобразным орнаментом (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис.2-13).

Исследованы фрагменты от 80 сосудов с 10 поселений из Горного и Предгорного Алтая (Комарово-1, Костенкова Избушка, Коровья Пристань-I, III, Малый Дуган и др.). Были выбраны фрагменты только с характерной для большемысской культуры орнаментацией. Различаются они толщиной стенок – от 3-4 до 7-8 мм, цветом (в изломе одноцветные – темные, серые, красновато-коричневые или 2-3 цветные).

Изучение *исходного сырья* показало, что использовались пластичные глины, которые различаются по естественным примесям и степени ожелезненности. Предпочтение отдавалось ожелезненным глинам, достаточно много сосудов из слабоожелезненных глин. В нескольких случаях и шамот был из слабоожелезненной глины. Один сосуд с Комарово-1 изготовлен из неожелезненной глины. Анализ исходного сырья показал, что на каждом поселении использовалось сырье из нескольких источников.

Формовочные массы. Выявлены рецепты – глина+дресва, глина+дресва+шамот. Органика зафиксирована во всех образцах, но, как правило, ее мало и характер ее трудно определить. В нескольких случаях она была добавлена в формовочные массы в жидком состоянии.

Преобладает первый рецепт, который подразделяется на варианты в зависимости от размерности частиц (от 0,5 до 2-3 мм) и их концентрации (от 1:1 до 1:3-4, но преимущест-

венно 1:1-2). Дробили граниты, в которых в большом количестве содержались частицы мусковита (наличие блестящих частиц на поверхности большемысской керамики – один из ее характерных признаков). Смешанные рецепты (глина+дресва+шамот) выявлены на всех памятниках, с которых было изучено больше 5 образцов. Как правило, в шамоте зафиксирована мелкая дресва. Шамот и сосуды, в которых он обнаружен, изготовлены из разного исходного сырья, которое различается по ожелезненности. Шамот по ожелезненности также подразделяется на ожелезненный и слабоожелезненный. Рецептов только с шамотом пока не известно, за исключением двух случаев с Костенковой Избушки, где концентрация дресвы очень незначительна и частицы могли попасть в формовочную массу из шамота. Смешанные рецепты свидетельствуют о смешении культурных традиций, потому что дресва и шамот выполняют одинаковую технологическую функцию. Смешение традиций связано со смешением населения, т.к. механизм передачи навыков изготовления керамики, как правило, происходил по родственным каналам (Бобринский А.А., 1978; 1980; 1994; 1999).

Поскольку в большинстве сосудов зафиксирована дресва, то можно сделать вывод, что эта примесь была характерна для большемысского населения в целом, что подтверждено и визуальными наблюдениями (частички мусковита имеются в большом количестве в большемысской керамике и хорошо видны на поверхности сосудов).

Ирбинский тип керамики. Сосуды ирбинского типа найдены в предгорном и Горном Алтае (Средняя Катунь). Их известно намного меньше чем большемысских. Форма ирбинских сосудов яйцевидная или параболоидная с приостренным или округлым дном. Толщина стенок 4-8 мм, обычно 5-7 мм. Орнаментирована вся поверхность изделий, в том числе срезы венчиков и их внутренняя сторона, нередко одним и тем же орнаментом (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис.18-19).

Были проведены технико-технологическим исследованием образцов от 22 сосудов с поселений Комарово-1, Усть-Куюм и др. Исследование исходного сырья и формовочных масс позволило установить, что сосуды изготовлены из ожелезненных глин (большинство из среднеожелезненных, один из сильноожелезненной). Из естественных примесей обычно встречается бурый железняк, в одном изделии была значительная примесь мелкого речного песка. Большая концентрация песка (до 1:1 и 1:2) выявлена еще в нескольких изделиях. Поскольку известны выходы глин, которые содержат подобный песок и в таком же количестве, то заключение об искусственном или естественном характере песка в этих фрагментах не может быть окончательным.

Зафиксировано несколько рецептов составления формовочных масс. Из искусственных минеральных примесей зафиксирована только дресва. В трех сосудах искусственно введенных минеральных примесей не отмечено. Выделяет ирбинскую керамику наличие в большом количестве органики. Несмотря на то, что органика различается, во всех образцах ее очень много. Исключение составляют лишь два сосуда, где органика есть, но ее немного. В большинстве образцов помимо того, что зафиксирована жидкая органика, отмечена также в большом количестве шерсть. Выделяются три сосуда, в которых отмечены экскременты животных и не выявлено шерсти, еще в одном изделии органика более всего напоминает птичий помет.

Несмотря на небольшое количество исследованных образцов, они очень разнообразны. Объединяет их использование пластичных ожелезненных глин; дресвы, как основной минеральной примеси; органики, в большом количестве введенной в формовочные массы, одним из компонентов которой была шерсть животных. Наличие нескольких рецептов свидетельствует и о нескольких традициях в изготовлении керамики, что в свою очередь свидетельствует о неоднородности населения, даже на таком памятнике как Комарово-1, с которого происходит основное количество керамики (Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., 2007).

Афанасьевская культура. Памятники ее известны в Горном Алтае. Керамика афанасьевской культуры в основном яйцевидной формы с острым дном, хотя известны круглодонные и плоскодонные сосуды (Цыб С.В., 1984; Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С., 2006).

Исследованы образцы от 250 сосудов с 27 памятников из Горного Алтая. Изучение исходного сырья показало, что применялось ожелезненное глиноподобное сырье (условно – глины), которое различается по степени ожелезненности. Сильно ожелезненное сырье использовалось редко. Практически не встречаются слабо ожелезненные и известны единич-

ные случаи использования нежелезненных глин с могильника Сальдьяр-1, к.24 (Степанова Н.Ф., 2005а). Различается сырье по составу и количеству естественных примесей. Традиционным было использование низко- и среднепластичных глин, т.е. с большим количеством естественных примесей крупных размеров (длина частиц может быть более 5 мм). Соотношение глины и продуктов разложения глинистого характера, кварцевых частиц достигало 1:1. Реже применялись пластичные или очищенные глины. На всех памятниках отмечено использование нескольких источников исходного сырья. Как правило, использование гончарами одного поселка нескольких источников исходного сырья свидетельствует о том, что гончары приспособлялись к новым условиям, осваивали новые для них территории и залежи глин (Бобринский А.А., 1978, с.76-79). Между исходным сырьем с разных памятников есть общее – залежи глин содержали большое количество минеральных примесей.

Для афанасьевской керамики зафиксировано несколько рецептов составления формовочных масс, в том числе глина + органика, глина + шамот + органика, глина + дресва + органика, глина + дресва + шамот + органика. Органика отмечена во всех образцах. В одних случаях в жидком состоянии она была искусственно введена в формовочные массы, в других определить ее характер затруднительно. Возможно, что в некоторых изделиях она не была искусственно введенной. Преобладает рецепт глина+органика. Далее по численности следует рецепт глина+шамот+органика. Этот рецепт подразделяется по количеству шамота в изделиях. Большинство составляют сосуды, в которых добавление шамота незначительно. Наличие шамота в небольших количествах можно рассматривать как пережиточную традицию, т.к. добавление шамота в этих случаях не могло повлиять на качество изделия. Кроме того, добавление шамота в сырье с такими естественными примесями не могло быть необходимым, потому что эти примеси при обжиге выполняли ту же функцию, что и сам шамот. Рецепт, где есть и шамот, и дресва зафиксирован всего в нескольких изделиях и свидетельствует о смешении носителей разных навыков приготовления формовочных масс, т.к. и шамот, и дресва выполняли одинаковую технологическую функцию – повышение огнестойкости керамики. Выбор какой-либо из этих добавок зависит от традиций, сложившихся в данной группе гончаров, а не от свойств глины (Бобринский А.А., 1978, с.90-94). В нескольких сосудах из погребений зафиксирована дресва в качестве минеральной примеси (Степанова Н.Ф., 2004). В керамике с поселений дресва встречается чаще. Однако в целом этот рецепт не характерен для афанасьевской керамики. Он мог появиться только вследствие контактов афанасьевцев с населением, для которого было характерно добавлять дробленый камень в формовочные массы. Наличие нескольких рецептов на одних памятниках, свидетельствует о разных культурных традициях у афанасьевских гончаров и о смешении населения.

Эпоха бронзы. Исследованы образцы от 90 сосудов с территории Горного Алтая и 50 из предгорий. К сожалению, культурная принадлежность большинства памятников эпохи бронзы Горного Алтая не определена, хронологические рамки установлены условно. Большинство сосудов баночной формы, наиболее распространенный способ нанесения орнамента – прокатывание, на многих сосудах отмечены ряды жемчужника, орнаменты имеют крупные прямоугольные редкоставленные зубцы (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1998). Среди исследованных образцов большинство составляет керамика с этих памятников, кроме нее изучены фрагменты сосудов елунинского, крохалевского типов. Из северных предгорий изучена елунинская керамика, крохалевского, ложнотекстильного типов и др.

Керамика эпохи бронзы из Горного Алтая с неопределенной культурной принадлежностью различается не только по внешним признакам, но и по составу формовочных масс (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1998; Степанова Н.Ф., 2005). Для изготовления сосудов этой группы использованы пластичные и низкопластичные ожелезненные глины. Выявлены рецепты – глина+шерсть, глина+дресва+шерсть, глина+дресва+органика, глина+органика. На памятниках отмечено преобладание какого-либо одного рецепта. В общей сложности большинство составляют сосуды, при изготовлении которых была использована шерсть. Многочисленную группу составляют сосуды с дресвой. Эти две примеси выполняют разные технологические функции и не заменяют одна другую (Бобринский А.А., 1978, с.90).

Керамика *елунинского* типа исследована с поселения Усть-Кулом из Горного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф., 1997)*. Сосуды изготовлены из ожелезненного пластичного и среднепластичного глиноподобного сырья. Зафиксированы рецепты формовочных масс: глина+дресва+органика; глина+дресва+шамот+органика. Органики мало. Иногда наряду с растительными остатками прослежены и единичные отпечатки волоса животного. Дресва различается по размерности, концентрации, по породам использованного камня. Учитывая, что отмечены разные традиции, как в выборе исходного сырья, так и в составлении формовочных масс, можно утверждать, что это свидетельствует о неоднородности населения, оставившего керамику елуниинского типа в устье р.Кулом. Наличие смешанного рецепта (дресва+шамот) свидетельствует не о механическом смешении, а о более сложных процессах и непосредственных контактах гончаров. Керамика елуниинской культуры с поселения Комарово-1 изготовлена из пластичного ожелезненного сырья, из естественных примесей зафиксирован бурый железняк. Выявлены такие рецепты формовочных масс: глина+дресва+органика, глина+дресва+шамот+органика. Несмотря на значительное расстояние между памятниками, зафиксированы одни и те же традиции и процессы смешения населения.

Керамика с *ложнотекстильной* орнаментацией (поселение Комарово-1) изготовлена из ожелезненного пластичного сырья, в качестве естественных примесей отмечен бурый железняк. Зафиксированы такие рецепты формовочных масс: глина+дресва+органика, глина+дресва+шамот+органика. Органика есть во всех образцах, в ряде случаев она была добавлена в жидком состоянии, в других определить ее характер затруднительно, хотя, как правило, она была введена искусственно. Большинство составляет рецепт №1. Также как для большемысской и елуниинской керамики отмечены смешанные рецепты, т.е. смешение местного населения, которое использовало в качестве минеральной добавки дресву с пришлым, которое добавляло в формовочные массы шамот.

К эпохе бронзы относится сосуд из могильника Улита из Горного Алтая (Степанова Н.Ф., 2001). Хронологически он, возможно, близок каракольской культуре. Сосуд изготовлен из сильно ожелезненного низкопластичного глиноподобного сырья, в которое добавлена жидкая органика и шерсть. Волос расположен пучками или скоплениями. Отпечатки волоса расположены горизонтально и вертикально по отношению к дну сосуда.

Крохалевский тип. Исследовано 7 сосудов с поселений Комарово-1 и Лебедь-1 (Абдулганеев М.Т., 1987; Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С., 2006). Для изготовления сосудов древними мастерами использовались ожелезненные пластичные глины, в которые добавлены дресва и органика. Дресва различается по размерности и концентрации. В состав органики входила шерсть.

Сравнивая полученные результаты, необходимо отметить следующее.

С эпохи неолита в Горном Алтае прослежено две традиции в выборе **исходного сырья**: 1) использование низко- и среднепластичных глин с большим количеством естественных примесей и 2) пластичных или очищенных глин. Выбор сырья был обусловлен как сложившимися традициями, так и, видимо, большей доступностью сырья с большим количеством естественных примесей. Для керамики афанасьевской культуры характерно исходное сырье, содержащее в большом количестве крупные минеральные примеси, для большемысской культуры и эпохи бронзы Горного Алтая отмечены обе традиции. По степени ожелезненности исходного сырья отмечены существенные различия у большемысской и афанасьевской керамики, большемысской и ирбинской. Большемысцам были хорошо известны слабоожелезненные глины.

Формовочные массы. Для Горного Алтая и его северных предгорий добавление дресвы (искусственно дробленного камня) при изготовлении керамики можно считать местной традицией. Для керамики неолита, большемысской культуры, ирбинского типа, эпохи бронзы характерно использование в качестве искусственной минеральной примеси дресвы. Исключение составляют афанасьевские сосуды, которые изготовлены преимуще-

* На поселении Усть-Кулом найдены фрагменты 15-20 сосудов баночной формы открытого и закрытого типа. Орнамент наносился шаганием или шаганием с протаскиванием инструментами с крупными зубцами в сечении близкими к прямоугольным или квадратным, а на двух сосудах отпечатки получены штампом с длинными, но узкими зубцами.

щественно без искусственных минеральных добавок или реже – с шамотом. В целом для изученных коллекций из Горного и предгорного Алтая отмечено незначительное использование шамота и, как правило, он зафиксирован в смешанных рецептах в тех сосудах, которые и по другим признакам могут быть связаны с пришлым (неместным) населением.

Органика. Очевидны различия в использовании органики, например, у населения эпохи неолита и бронзы, с одной стороны, большемысской и афанасьевской культур, с другой. Ирбинская керамика выделяется тем, что при ее изготовлении добавлялось большое количество органики. В то же время ирбинская керамика имеет сходство с керамикой неолита и ранней бронзы в том, что при ее изготовлении в большинстве случаев добавляли шерсть.

Использование шерсти гончарами эпохи неолита, ирбинскими и разными группами населения эпохи бронзы заслуживает особого внимания. С эпохи неолита (поселения Тыткескень-2 и Усть-Куюм) в качестве органических примесей зафиксирована шерсть. Ее достаточно много и случайное попадание исключено, в том числе с навозом животных. Отпечатки волоса могут располагаться плотно, в несколько параллельных рядов. Иногда каналы расположены перпендикулярно относительно друг друга. В других случаях по отпечаткам можно предположить, что в формовочную массу был добавлен просто клочок шерсти. Различается волос диаметром – от очень тонкого до 3-4 (?) мм. На одном памятнике обнаружены сосуды с волосом разного диаметра, который располагался в формовочной массе в определенном порядке или совершенно беспорядочно. Как правило, отпечатки грубого волоса располагались параллельно. К сожалению, датировка сосудов определена приблизительно, поэтому нельзя утверждать, что сосуды одновременны.

Различия диаметра волоса связаны не только с тем, что у одного животного диаметр волоса различен, известно, например, что волос из подшерстка тоньше. По-видимому, для изготовления керамики использовали волос разных животных. В ряде случаев шерсть более всего напоминает шерсть овцы, в других случаях, уже с эпохи неолита, волос большего диаметра и более грубый. В настоящее время можно сказать, что для изготовления керамики использовали волос крупных и мелких животных. Идентификация пока преждевременна, для этого нужны дополнительные исследования.

В данной работе учтено более 100 сосудов, при изготовлении которых использована шерсть (сосуды, на внешней поверхности которых есть отдельные отпечатки волоса, а в формовочной массе его не обнаружено, не учитываются). Как правило, в сосудах, в которые добавлена шерсть, ее отпечатки прослеживаются и на внутренней, и на внешней поверхности. К сожалению, большинство из них представлено фрагментами, поэтому невозможно реконструировать расположение волоса в изделиях. В некоторых случаях в тех местах сломов, где есть соединения лоскутов или лент, удалось проследить, что волос находился поверх этих лоскутов или лент. В других изделиях он находился непосредственно в формовочной массе и не был добавлен с экскрементами животных и не попал случайно, о чем свидетельствует его количество. По-видимому, существовали разные приемы использования шерсти животных при изготовлении керамики. Даже если предположение И.Г.Глушкова*, что волос добавлялся для скрепления лент (лоскутов, жгутов) соответствует действительности, оно никак не противоречит тому, что шерсть при изготовлении керамики предотвращает усадку глины и разрушение сосуда при сушке и обжиге.

Использование шерсти при изготовлении глиняной посуды достаточно редкое явление. Несмотря на некоторые различия, факт, что для изготовления керамики эпохи неолита и бронзы в Горном Алтае применялась шерсть, не может быть случайностью. Он позволяет предположить, что существовала преемственность традиций между населе-

* И.Г.Глушков по материалам нескольких сосудов неолитического слоя с поселения Тыткескень-2 предположил, что волос мог использоваться как арматура уже на этапе формовки, т.е. им обматывали сосуд (Глушков И.Г., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2004, с.5). Этот способ, по его мнению, является формовочной операцией, предупреждающей растрескивание сосуда в процессе его изготовления и сушки и в таком случае следы волоса вряд ли имеют отношение к собственно примесям. Однако далее И.Г.Глушков не исключает, что «Этот прием выполнял сразу две функции – армирования в процессе формовки (основная) и внесение таким образом органических добавок в тесто (второстепенная) (Глушков И.Г., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2004, с.5).

нием неолита и бронзы Горного Алтая (как известно, навыки изготовления глиняной посуды передаются контактным путем – Бобринский А.А., 1994, с.14). В то же время шерсть в керамике эпохи неолита и ранней бронзы отмечена не только в Горном и предгорном Алтае, но и в Казахстане (Шевнина И.В., 2004). Памятники относятся к разным археологическим культурам и непосредственными контактами населения это явление объяснить, видимо, нельзя. Возможно, традиция добавления шерсти в формовочные массы сложилась в эпоху неолита и сохранялась достаточно долго, распространяясь на новые территории. Со временем культура населения во многом изменилась, но традиция использовать при изготовлении глиняной посуды шерсть сохранялась.

Подводя итог, необходимо отметить, что исследования технологии изготовления керамики дают очень важную информацию. Например, они позволяют фиксировать появление нового населения, выделить местные и неместные традиции изготовления керамики, возможность сохранения этих традиций в течение длительного времени путем передачи от поколения к поколению. Это подтверждается проведенными исследованиями: использование дресвы, которое отмечено у большемысского и неолитического населения, эпохи бронзы афанасьевской культурной принадлежности, характерно для горной и предгорной территории. В то же время у афанасьевцев отмечено использование шамота, которое более характерно для территорий, где нет камня. Подобные наблюдения приводят к выводу о складывании некоторых навыков изготовления глиняной посуды у афанасьевцев не в горной местности и могут свидетельствовать о том, что афанасьевцы – пришлое население на территории Горного Алтая. Есть и другие свидетельства, что афанасьевцы – неместное население в Горном Алтае. Это касается приемов обработки камня (Кунгуров А.Л., 2006; Кунгурова Н.Ю., 1994). У афанасьевцев выявлены инновационные технологии каменной индустрии. Н.Ю. Кунгурова отметила, что имеются свидетельства вырождения технических приемов, объяснимых либо полной заменой основных форм орудий металлическими, либо полной заменой сырьевой базы. По ее мнению, наиболее вероятно, что афанасьевское население потеряло навыки обработки камня еще до прихода на Алтай. Подтверждается предположение о том, что афанасьевское население – пришлое в Горном Алтае и исследованиями антропологов. Совокупность морфологических признаков и маркеров стресса показывает, что скелетная конституция населения афанасьевской культуры Горного Алтая представляет собой локальный вариант степного морфотипа, адаптивные особенности которого формировались под воздействием холодового стресса и гипоксии (Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.72).

Крайне важны различия в технологии изготовления керамики большемысской культуры и ирбинского типа, т.к. большемысские и ирбинские сосуды нередко найдены на одних памятниках. Сравнивая большемысскую и ирбинскую керамику с поселения Комарово-1 очевидно, что общее только в использовании в качестве искусственной минеральной примеси дресвы. Однако и здесь имеется существенное отличие, т.к. использовали разные породы камня (для большемысской керамики характерны граниты, содержавшие частички мусковита (слюды)). Это, по-видимому, не случайно. В остальном отмечены существенные различия. Для большемысцев и ирбинцев характерны совершенно разные традиции в использовании органики. Одним из главных отличий ирбинской керамики от большемысской следует признать использование ирбинцами большого количества органики, в т.ч. шерсти животных, при изготовлении посуды. Ни в одном большемысском сосуде не было органики в таком количестве как в ирбинской, не зафиксирована шерсть. Большемысцы использовали более разнообразные источники исходного сырья, некоторые из которых имели качественное отличие от ирбинских. Несмотря на то, что у большемысцев зафиксировано смешение культурных традиций и, следовательно, разных групп населения, эти другие группы населения – не ирбинцы, которым не была свойственна традиция применения шамота. Различия в отборе исходного сырья и составе формовочных масс дополняются разными навыками в конструировании и обработке поверхности сосудов, а также в способах орнаментации. Проведенные исследования свидетельствуют, что навыки изготовления посуды у большемысского и ирбинского населения складывались независимо друг от друга.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово-1 – новый памятник эпохи раннего металла // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С.67-80.
2. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Ранние культурные слои Малого Иткуля-1 и Городища-3 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С.18-27.
3. Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Ранние керамические комплексы поселения Комарово-1 // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы VIII международной конференции. Горно-Алтайск, 2007. Т.1. С.3-6.
4. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. 272 с.
5. Бобринский А.А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения // Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь, 1980. М., 1980.
6. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 1999. 232 с.
7. Бобринский А.А. Отражение эволюционных и миграционных процессов в особенностях древней гончарной технологии // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С.14-16.
8. Глушков И.Г., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Специфика формовочных операций в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескен-2 // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1994. Вып.12. С.3-6.
9. Кирюшин Ю.Ф. Исследования энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С.35-39.
10. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 293 с.
11. Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследований исходного сырья и формовочных масс керамики большемысской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 341-344.
12. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 293 с.
13. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры. Барнаул, 1995. 150 с.
14. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Елунинский комплекс в устье р. Куям // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С.36–41.
15. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика эпоха ранней бронзы с поселений Средней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998.
16. Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. М., 1956. Вып. 65. С.93-103.
17. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987. С.252-267, 364-373.
18. Кунгурова Н.Ю. Поселение Енисейское-1 – памятник ирбинского типа // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып.1. С.3.-9.
19. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.
20. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Том 1. Новосибирск, 2001. 127 с.
21. Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. Ч.1. 233 с.
22. Семибратов В.П., Степанова Н.Ф. Керамические комплексы поселения Усть-Бийке-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С.119-125.
23. Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С.113–116.

24. Степанова Н.Ф. Памятники эпохи бронзы Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. № 6. С.54-62.
25. Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследования формовочных масс афанасьевских сосудов из погребальных комплексов Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск, 2004. Т. X. Ч. II. С.236-240.
26. Степанова Н.Ф. Некоторые результаты изучения формовочных масс керамических комплексов поселений эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск, 2005. Т. XI. Ч. I.
27. Степанова Н.Ф. Результаты исследований формовочных масс сосудов из афанасьевского могильника Сальдьяр-1 // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005. С.155-159.
28. Степанова Н.Ф. О традициях изготовления глиняной посуды в эпоху бронзы в Горном Алтае (исходное сырье и формовочные массы) // Производственные центры: источники, "дороги", ареал распространения. СПб., 2006. С. 159-163.
29. Степанова Н.Ф. К вопросу об адаптации населения афанасьевской культуры Горного Алтая (по материалам керамических комплексов) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С.95-104.
30. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая. Автореферат дисс... Кемерово, 1984. 19 с.
31. Шевнина И.В. Керамика с эталонных памятников маханджарской культуры // Хабарлары Известия. Серия общественных наук. Алматы, 2004. Вып. 1.
32. Шмидт А.В. Ирбинский тип памятников (историографический аспект проблемы) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С.260-262.

**Киреев С.М., Алехина Е.В., Сафронов А.М.,
Акимова (Вдовина) Т.А., Уваров С.В.
(г. Горно-Алтайск)**

ОБЪЕКТ XXI МАЙМИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Археологи, систематически занимающиеся исследованием поселенческих комплексов, всегда с особым интересом относятся к поискам и раскопкам расположенных рядом с поселениями одновременных им объектов: зольников, культовых мест, производственных и сторожевых пунктов, временных жилищ и пр. Одним из таких памятников и являлся объект XXI Майминского археологического комплекса, расположенного в северных предгорьях Алтая на р. Катунь. В последние полтора десятка лет с памятников комплекса получено большое количество разновременного материала, давшего интересные результаты о характеристике культур Алтая от финала эпохи камня до раннего средневековья (Киреев С.М., 1992, с. 55-56; Киреев С.М., Буржуа Ж., Эбель А.В., 2000, с. 109-110). Объект XXI расположен примерно в 100 м. к востоку от многослойного поселения Майма-XII, относящегося к трем хронологическим эпохам: мезолиту-неолиту, поздней бронзе (ирменская культура) и раннему железу (быстрянская культура). Он находился на небольшой ровной площадке на скале, возвышающейся над поселением Майма-XII на 10-12 м. С этого места открывается прекрасный обзор не только на лежащее внизу поселение, но и на значительное пространство к югу, западу и северо-западу по долине р. Катунь.

Предположив, что на удобном скальном возвышении мог находиться сторожевой пункт, или культовое место древних обитателей поселения Майма-ХII в один из периодов его существования, нами в 2000 г. был заложен раскоп на всей территории площадки над скалой, кроме небольшой ее восточной части, перерезаемой проходящей здесь проселочной дорогой (рис.1 – 1). Общая площадь раскопа составила 36 м. кв. (рис.1 – 2). Находки начинались под слоем плотного дерна с глубины 18-20 см и располагались до скальных выходов (31-58 см. от современной поверхности) в слое черно-коричневого гумуса. По площади раскопа они распределялись в основном равномерно, но наибольшей насыщенностью отличались квв. А-3, Б-2 и Б-3. На глубине 18-35 см встречена преимущественно керамика, немногочисленные кости животных, бронзовый нож и несколько экземпляров отщепов. В нижнем культурном слое на глубине 36-58 см обнаружено небольшое количество керамики и основная часть каменного инвентаря. Таким образом, по распределению находок по вертикали, достаточно четко прослеживается стратиграфия культурного слоя объекта Майма-ХII

1. верхний культурный горизонт: керамика, кость, бронза;
2. нижний культурный горизонт: каменный инвентарь.

В нижнем культурном горизонте обнаружены отщепы, сколы из мелкозернистого песчаника и кварцита черного и серого цвета, 5 концевых скребков (рис.2 – 1-5) и 10 микропластин, большинство из которых имели следы употребления (рис.2 – 6-15). Особо следует выделить находку массивного тесла из мелкозернистого песчаника размерами 23x7,5x4 см, весом 920 гр., обработанного крупными сколами по всей его поверхности и небольшими следами работы на одном из концов (рис.2 – 16). Орудие было изготовлено на месте, так как в нескольких квадратах раскопа встречено около двух десятков отщепов подобной же породы. Здесь же найдено несколько расколотых и оббитых катунских галек, назначение которых не ясно, но, предположительно они могли служить отбойниками. Нижний культурный горизонт может быть отнесен к эпохе мезолита-неолита, а попавшие в него немногочисленные фрагменты керамики более позднего происхождения.

Из верхнего культурного горизонта происходит небольшая коллекция керамики, принадлежащая не менее, чем девяти сосудам, из которых выделяются два неполных развала, обнаруженные в квв. А-1 и А-3, которые частично реконструируются. Очевидно, часть керамики была сброшена или смыта с площадки вниз. По форме все сосуды принадлежат горшкам небольших и средних размеров, днища плоские. Они в основном хорошего обжига, с мелкими примесями дресвы и песка в тесте, орнамент на посуде или отсутствует (рис.3 – 5-6), или же достаточно прост. Один из сосудов – горшок с диаметром устья около 12 см, шейка и плечики слабо профилированы, по шейке проходит орнаментальный пояс из ряда жемчужин с разделителем в виде угла лопаточки (рис.3 – 1). Подобным орнаментом украшен венчик другого сосуда (рис.3 – 2). Еще один тонкостенный горшок орнаментирован наклонными пророченными линиями по венчику, шейке и плечиками (рис.1 – 4). Неорнаментированные сосуды часто встречаются в материалах пазырыкской культуры, реже – быстрианской. Орнамент из пояса жемчужин с разделителем широко представлен в культурах раннего железного века Алтая. Сосуды, практически идентичные горшку с Маймы-ХХI найденные в курганах 11 и 50 быстрианского могильника Майма-VII, расположенного в трех км к северу. Несколько сосудов с прочерченным орнаментом обнаружено в погребениях также расположенных недалеко могильниках IV-III вв. до н.э. Майма-VI и Майма-VI. Следует также отметить, что фрагменты неорнаментированных сосудов и жемчужник с разделителем часто встречаются среди остатков тризн в насыпях или около насыпей майминских курганов быстрианской культуры и северного варианта пазырыка (Киреев С.М., 1999, рис.1, 2).

Из всей керамики выделяются два фрагмента тонкостенного сосуда хорошего обжига светло-коричневого цвета с орнаментом из ряда наклонных неглубоких оттисков гладкого штампа (рис.3 – 7-8), которые без сомнения относятся к майминской культуре I в. до н.э. - V в н.э. (Абдулганеев М.Т., 1993, с.3-5). Следует отметить одну особенность: на памятнике обнаружены фрагменты только горшков, в то время как на поселениях быстрианской культуры наиболее часты находки баночных сосудов. Наиболее интересной находкой в верхнем культурном горизонте объекта Майма-ХХI является бронзовый нож, обнаруженный в кв. Б-2 на глубине 22 см (рис.3 – 9). Он имеет выделенную плавным уступом рукоять, обушок дуго-

образной формы. По классификации А.С. Суразакова нож относится ко второму разделу второго отдела т.е. с выделенной рукоятью, дугообразнообушковый, без навершия (Суразаков А.С., 1988, с.16-17). Длина ножа 11,2 см, ширина лезвия в средней части 1,5 см, ширина рукояти 1,2 см. Подавляющее количество ножей раннего железного века прямые, без выделенной рукояти. Дугообразнообушковые с выделенной рукоятью встречаются достаточно редко. Наиболее близкие аналогии нашему ножу найдены в кургане 3 могильника Точилинский Елбан, датируемого VI в. до н.э., а нож авторами раскопок назван "достаточно архаичным" (Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А., 1999, рис.5 – 3, с.102) и в могильниках староалейской культуры Обские плесы 2 (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис.10 – 2) и Клепиково I (Фролов Я.В., 1996, рис.2 – 1), первый из которых отнесен к V-нач. IV вв. до н.э., а второй – V-III вв. до н.э. Практически, идентичный ножу с Маймы-XXI, но несколько меньших размеров нож встречен в погребении А кургана № 36 быстрянско-го могильника Майма-VII. В кургане № 4 этого же памятника найден нож данного типа, но с отверстием на конце рукояти. Похожий, но железный нож обнаружен в насыпи кургана № 34 Маймы-VII (Киреев С.М., 1999, рис.2 – 19). Все три кургана по комплексу материалов датированы в пределах V-III вв. до н.э. Находки ножей на поселениях Горного Алтая и его предгорий в эпоху раннего железного века достаточно редкое явление. Так, А.С. Суразаковым учтен 151 бронзовый и железный нож и все они происходят из погребений (Суразаков А.С., 1988, с. 16-29), но им не приняты во внимание два бронзовых ножа, обнаруженных на поселении Кара-Тенеш. Один из них длиной до 18 см. также имеет слабовыгнутую спинку, но отделение рукоятки от лезвия лишь слегка заметно (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1980, рис.5). Другой известный нам бронзовый нож с выделенной уступом рукоятью, найден на поселении Точильное I и отнесен к V-III вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., 1996, с.14).

Бронзовый нож и является основным датирующим артефактом верхнего культурного горизонта Майма-XXI. Основанием для этого могут быть следующие аргументы: дугообразная спинка и выделение рукояти от лезвия – это достаточно ранний признак VII – нач. IV вв. до н.э. Более поздние ножи, хотя это начинает проявляться и ранее, имеют тенденцию к утрате выделенной рукояти и к исчезновению выпуклого обушка, т.е. превращению в прямые. Другой хронологической особенностью является уменьшение ножей по размеру, но это в большей мере относится к ножам из погребений. Ножи, происходящие с поселений, которыми пользовались в быту, судя по их немногочисленным находкам, также уменьшались со временем, но не до такой степени, чтобы терять свои функциональные свойства, как это наблюдается в погребальном обряде к концу скифской эпохи Алтая. Также относительно металлических изделий в целом следует помнить, что в период IV-III вв. до н.э. происходит почти полная смена бронзового инвентаря железным (Абдулганеев М.Т., 1996, с.14). Учитывая эти доводы, бронзовый нож с Маймы-XXI можно датировать VI-нач. IV вв. до н.э., как и весь верхний культурный горизонт памятника и отнести его к первому этапу быстрянской культуры. Этому не противоречит и керамический материал, за исключением двух венчиков сосуда майминской культуры. Интерпретировать же памятник можно, скорее всего, как сторожевой пункт, привязанный к поселению Майма-XII и существовавший в период двух эпох: мезолита-неолита и раннего железа.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С.3-5.
2. Абдулганеев М.Т. Поселения скифского времени лесостепного и подгорного Алтая. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Барнаул, 1996. 37 с.
3. Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С.99-111.
4. Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С.88-114.
5. Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990-1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая (материалы к конференции). Горно-Алтайск, 1992. С.55-56.

6. Киреев С.М. Тризны и тризновая керамика майминских погребений раннего железного века // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С.92-99.
7. Киреев С.М., Буржуа Ж., Эбель А.В. Краткие итоги исследования и проблемы сохранения памятников Майминского археологического комплекса // Наука и образование. Горно-Алтайск, 2000. С.109-110.
8. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Раскопки многослойного поселения Кара-Тенеш. 1976 г. // Источники по археологии Северной Азии. Новосибирск, 1980. С.199-216.
9. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 215 с.
10. Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С.135-143.

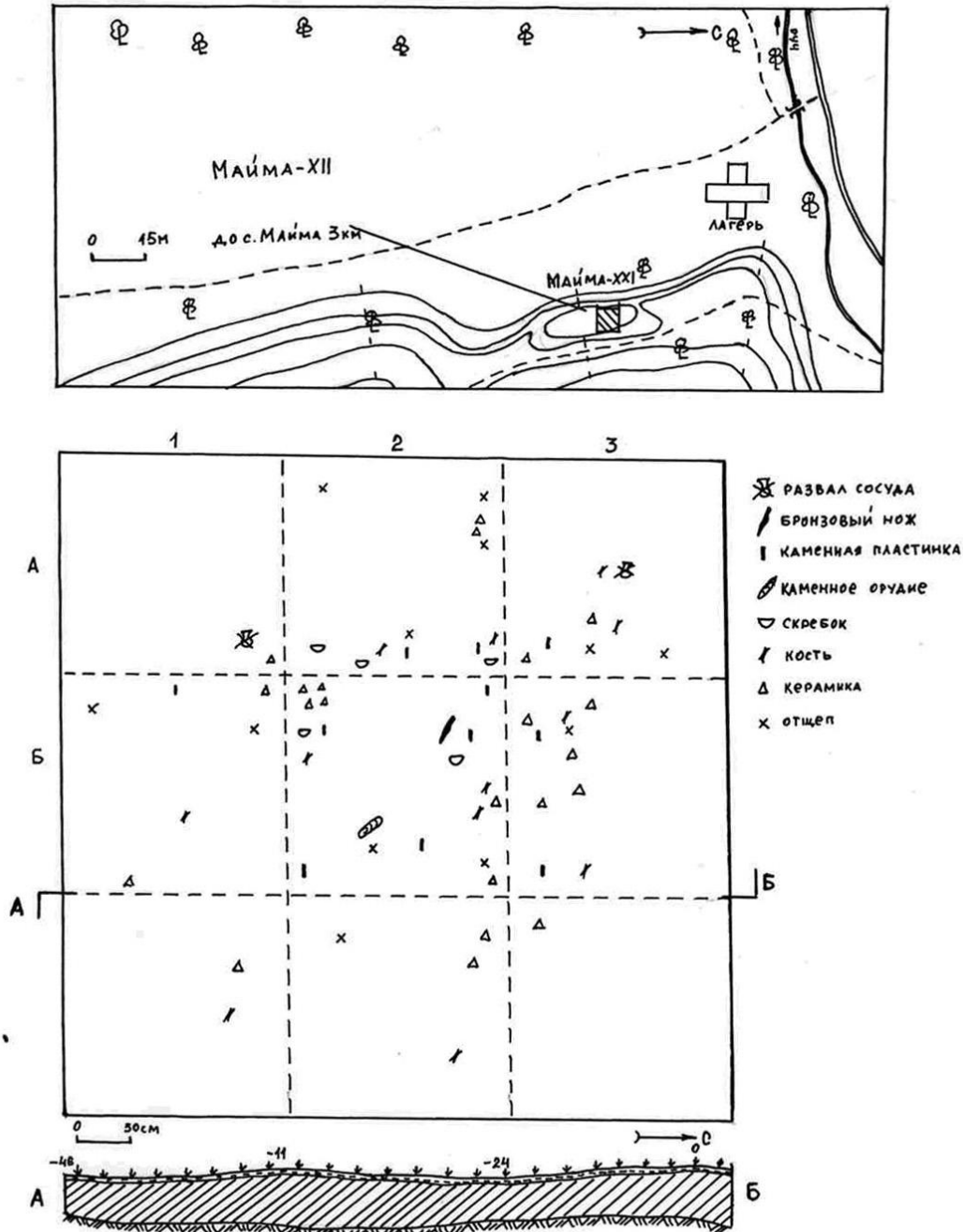

Рис.1

1 – План расположения объекта Майма-XXI. 2 – План раскопа объекта Майма-XXI.

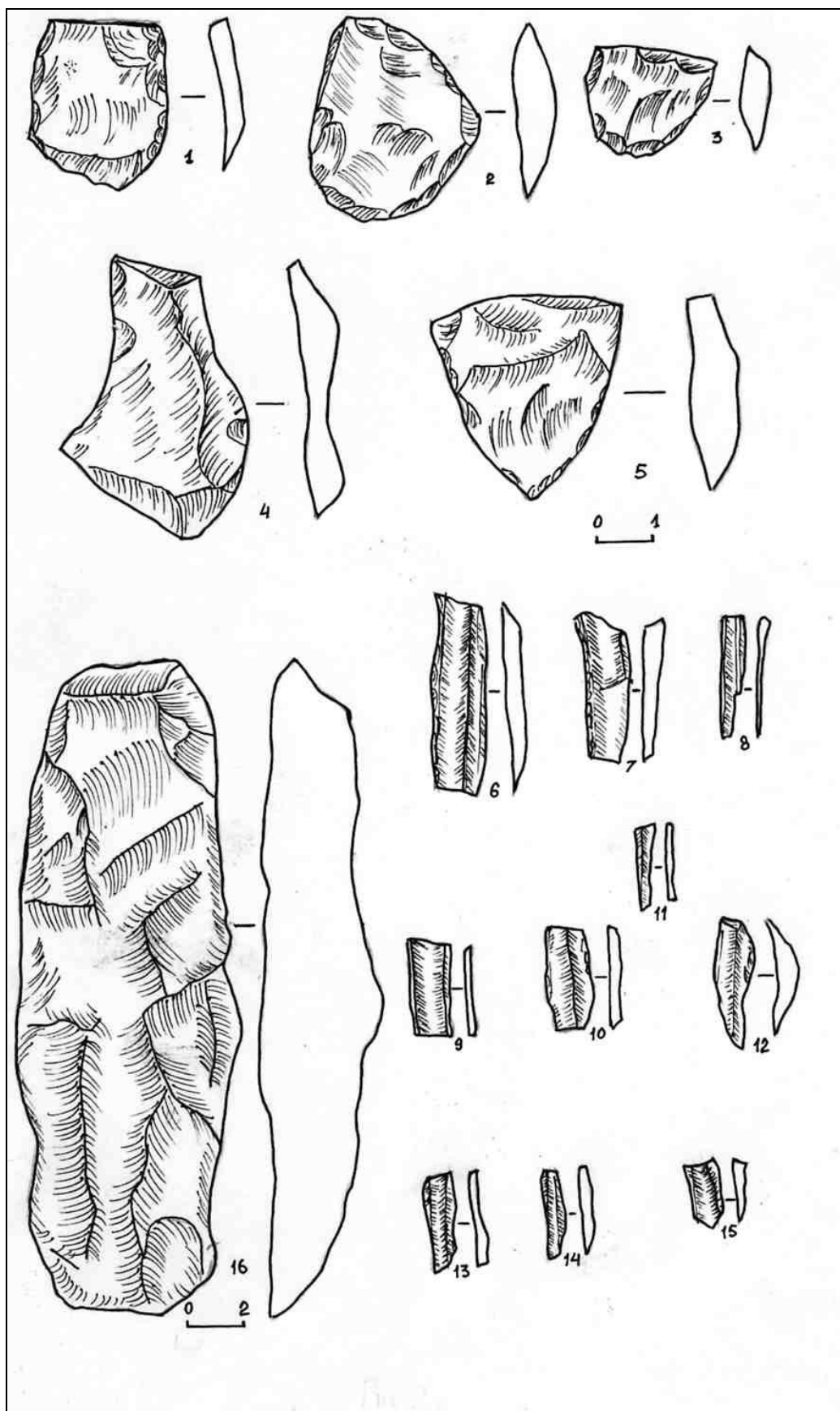

Рис.2

Каменный инвентарь с объекта Майма-XXI.
1-5 – скребки, 6-15 – микропластины, 16 – тесло.

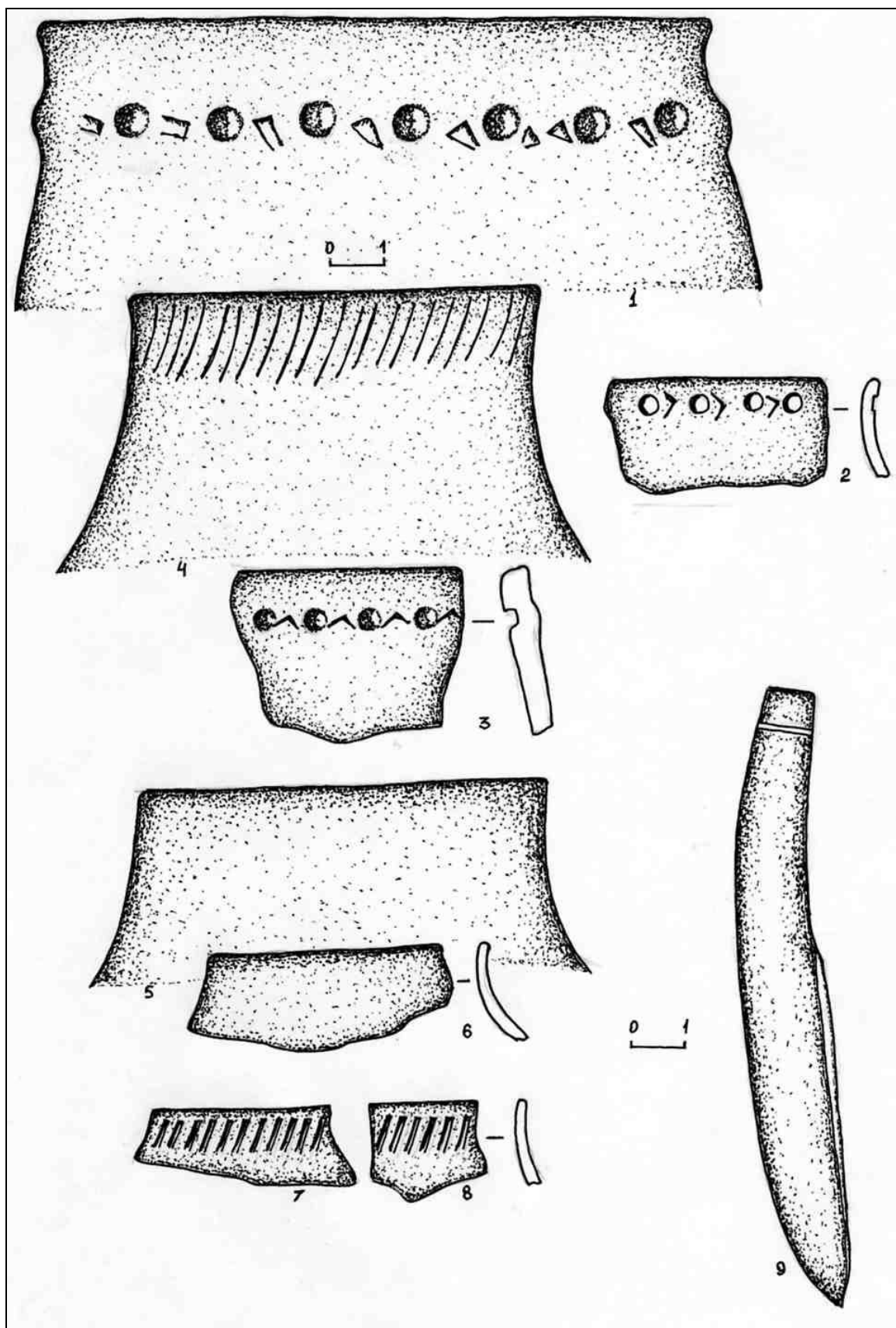

Рис.3

Инвентарь с объекта Майма-XXI.
1-8 – керамика, 9 – бронзовый нож.

Акимова (Вдовина) Т.А.
(г. Горно-Алтайск)

**ПОСЕЛЕНИЕ УРЛУ-АСПАК-1
В МАЙМИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ**

В июле 2007 года, в Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай (АКИН) поступила заявка от Барнаульского филиала ГИПРОДОРНИИ о согласовании проекта границ реконструкции автодороги Бирюля – Александровка – Урлу-Аспак Майминского района Республики Алтай. Сотрудниками АКИН был осуществлен выезд на место планируемой реконструкции автодороги и произведен визуальный осмотр территорий непосредственно прилегающих к автодороге. Выяснилось, что дорожные работы уже ведутся на участке км 0 – км 3 (окрестности с.Урлу-Аспак). На вскрытой бульдозером территории признаков культурного слоя и отдельных археологических предметов обнаружено не было. На северо-западной окраине с.Урлу-Аспак, рядом с сельским кладбищем, был осмотрен мысовидный выступ надпойменной террасы правого берега р.Майма. В естественных разрушениях грунтовой дороги и канавы-промоины было найдено четыре фрагмента толстостенной, лепной, неорнаментированной керамики, обломок керамического пряслица, орнаментированного наколами и каменный отщеп. Предварительно, данный объект был обозначен как местонахождение Урлу-Аспак-1. По информации, предоставленной ГИПРОДОРНИИ, на участке автодороги пересекающей данный мыс с юго-запада, реконструкция планировалась в пределах существующей трассы. Данный факт не являлся угрожающим для состояния памятника археологии, т.к. юго-западная часть мыса уже была значительно повреждена во время прежнего строительства дороги. В конце августа 2007 г. на согласование в АКИН поступил проект реконструкции автодороги Бирюля – Александровка – Урлу-Аспак (км 0 – км 3). В проекте, на интересующем нас участке было запланировано выпрямление трассы, огибающей оконечность мыса. В связи с этим, Агентством по культурно-историческому наследию, в начале сентября, было организовано проведение срочных аварийных археологических работ на памятнике.

Местонахождение Урлу-Аспак 1 расположено на северо-западной окраине села Урлу-Аспак на мысовидном выступе надпойменной террасы правого берега р. Майма в 60 м к северо-востоку от русла реки. Координаты памятника по GPS-приемнику: N-51° 41.435'; E-086° 12.398'. Высота над уровнем моря (по балтийской системе высот) 635 м. С северо-запада мыс ограничен ручьем Тайташ, южная, склоновая часть мыса разрушена, пересекающей его автомобильной дорогой Бирюля – Александровка – Урлу-Аспак (рис.1 – 1). От центра села до археологического объекта – 800 м, до г. Горно-Алтайска – 40 км.

Значительная часть ровной поверхности террасы занята сельским кладбищем. По словам местных жителей, до возникновения на данной территории кладбища, поверхность террасы интенсивно распаивалась. В настоящее время терраса покрыта типичной луговой растительностью, характерной для этих мест. Окрестные склоны гор поросли смешанным лесом. Пойма р. Майма и ручья Тайташ обильно заросли тальником и березами.

Объект Урлу-Аспак-1 находится на правой майминской террасе второго уровня, которая тыловой частью прислонена к склону горного массива. Терраса имеет наклонную поверхность по направлению к реке. Общая полезная площадь поверхности террасы, которая могла быть занята в древности поселением, составляет около 21000 кв. м. На самом возвышенном и ровном участке, в северо-восточной ее части, в настоящий момент расположено сельское кладбище занимающее площадь около 6000 кв. м. Перспективными для археологических исследований остаются северный, северо-западный и юго-западный участки террасы.

В юго-западной части мыса, где намечалось проведение дорожно-земляных работ, нами был заложен раскоп, который был разбит на квадраты размером 3х3 м, за исключением квадрата 4Б (2х3 м). Раскоп располагался на склоновой части мыса, перепад высот составлял более 40 см. Выборка грунта велась слоями 15-20 см. Общая площадь раскопа 51 кв. м. Стратиграфический разрез раскопа был представлен слоем дерна 8-10 см. под которым лежал слой перепаханного чернозема мощностью 30-40 см. Ниже распола-

гался предматриковый слой представленный желтоватым суглинком. Материк – желтая, плотная глина. Впущенные в материк объекты – очаг, прокал, хозяйственные ямы и пр. имели четкие границы.

Из-за многолетней распашки, находки распределялись крайне неравномерно. Уже в дерновом слое были найдены как фрагменты керамики, так и предметы каменной индустрии. В относительно непотревоженном состоянии артефакты залегали на уровне контакта гумусного слоя и предматрикового суглинка. На этом уровне основная масса находок приходится на квадраты 1А, 2А, 2Б.

На вскрытой площади 51 кв. м была зачищена часть жилища (рис.2). В центральной части раскопа зафиксирован очаг (кв.2А, 2Б, 3А, 3Б) и прокал (кв. 3Б). В материк впущены две хозяйственные ямы (кв. 2А, 2Б) и неглубокие ямки, с закругленным дном без находок (кв. 2А). Все ямы выявлены после зачистки до уровня материка. В квадратах 3А, 3Б, 4Б выявлены заглубленные в материк канавки V-образной формы в разрезе. При зачистке всей вскрытой площади выявилась единая система канавок-рукавов соединяющаяся с очагом, расположенным по центру раскопа и прокалом из квадрата 3Б. В заполнении канавок встречались мелкие угольки и фрагменты керамики.

На уровне предматрикового слоя квадрата 1А объектов и конструкций обнаружено не было, в северо-западном секторе зафиксировано большое количество фрагментов керамики.

В восточной части кв. 2А зафиксирована хозяйственная яма №1 неправильной округлой в плане формы, заглубленная в материк на 45 см от уровня пола жилища. Размеры ямы 95х90 см, заполнение – черный гумус. В разрезе хозяйственная яма имела прямые отвесные стенки и слегка округлое дно. В заполнении было найдено несколько фрагментов керамики, на дне ямы – развал крупного плоскодонного керамического горшка, оформленного в верхней трети тремя рядами крупных оттисков угла лопаточки (рис.3 – 22). В 25 см к северу от хозяйственной ямы №1 зафиксирована неглубокая ямка с округлым в разрезе дном впущенная в материк на 10 см. Часть ямки уходит в северную стенку квадрата 2А. Диаметр зачищенной части ямки составляет 80 см. Находок в заполнении ямки не обнаружено. Подобная ямка меньших размеров расположена в 92 см к югу от хоз. ямы №1. Ямка округлой в плане формы, 34 см в диаметре также имела в разрезе округлое дно, впущена в материк на 5 см. Находок в ее заполнении также не обнаружено.

Очаг округлой формы размерами 1х1,1 м, слой прокаленной почвы в нем красно-оранжевого цвета, мощностью до 15 см. Очаг оформлен десятью рваными камнями средней величины которые заглублены в материк на 5-10 см. Юго-восточная часть свободна от каменной обкладки. В заполнении очага обнаружены следы золы, угольки, фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики, каменный отщеп. Скопление керамики отмечено в кв. 2А к северу от очага.

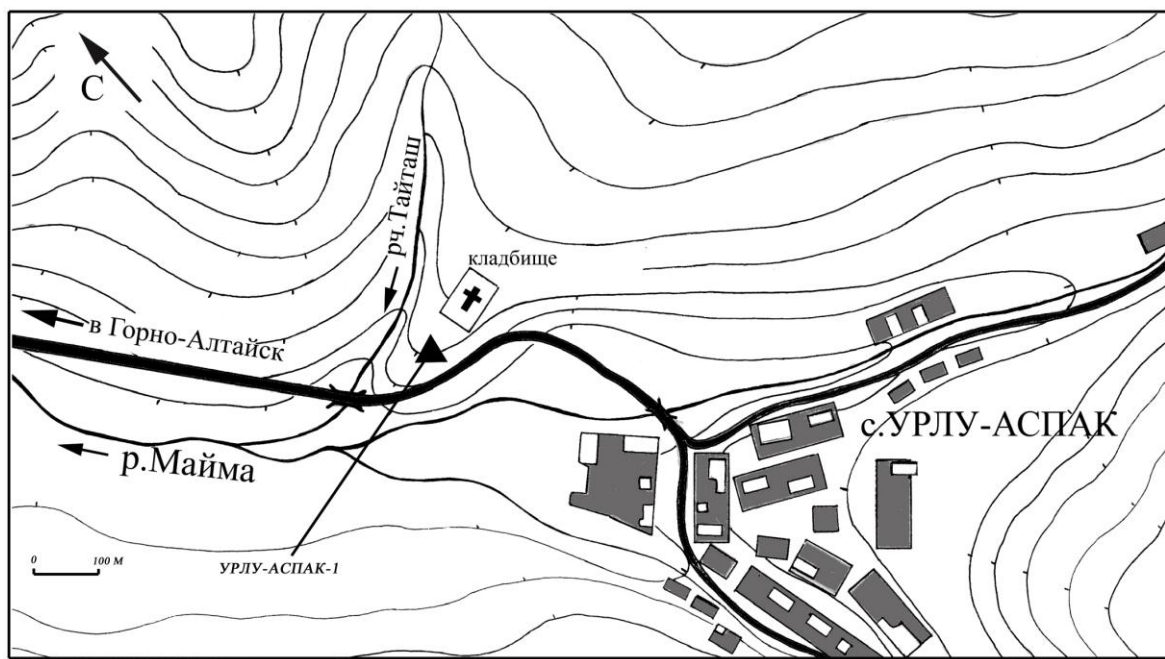
Хозяйственная яма №2 располагалась в восточной части кв. 2Б, овальной в плане формы, заглубленная в материк на 35 см от уровня пола жилища. Размеры ямы: 105х95 см. В гумусном заполнении ямы найдены крупные фрагменты орнаментированных венчиков не менее чем от трех сосудов (рис 1 – 6, 7) и неорнаментированные фрагменты керамики. Кроме того, на дне ямы обнаружены нижний камень зернотерки и фрагмент куранта. С северо-западной стороны к яме примыкали углубления впущенные в материк на 10-15 см.

В предматриковом слое желтоватого суглинка в квадратах 2А и 2Б было найдено наибольшее количество фрагментов керамической посуды, в этих же квадратах расположены хозяйственные ямы.

Количество керамики в квадратах 3А, 3Б, 4Б значительно меньше. Здесь выявлены остатки системы обогрева жилища соединяющейся с очагом и прокалом, расположенным в кв. 3Б. Прокал ярко-оранжевого цвета, зафиксирован при зачистке материка. Мощность прокала 5-10 см, овальной формы вытянут по линии СЗ–ЮВ, размерами 70х40 см. Возле прокала найдено несколько фрагментов керамики.

Основными находками на исследованной части поселения являются фрагменты орнаментированных и неорнаментированных плоскодонных керамических сосудов. Формы сосудов – горшки, банки, чаши. Общее количество фрагментов 2210 шт., включая орнаментированные венчики, донца. Варианты орнаментации разнообразны. Это ряды наколов (рис. 1 – 7; рис. 3 – 3, 20) и различные сочетания наколов с оттисками гладкого и гребенча-

того штампа (рис.1 – 6; рис.3 – 8, 9, 11, 12, 14, 15, 16, 23, 24), ногтевые вдавления (рис.3 – 5), оттиски угла лопаточки (рис.3 – 22), оттиски гребенки, образующие ряды, елочные узоры и зигзаговые линии (рис 3 – 6,19). Верхний срез венчика у многих фрагментов имеет различные варианты оформления: отпечаток угла палочки, гребенки, насечка (рис.3 – 4, 5, 8, 11, 12, 14, 15). Кроме того, найдены: целое керамическое пряслице без орнамента (рис.3 – 21), фрагмент пряслица, орнаментированного наколами, керамический шарик с ногтевыми (?) вдавлениями. Предметы из камня: нижний камень зернотерки, фрагмент куранта,

1

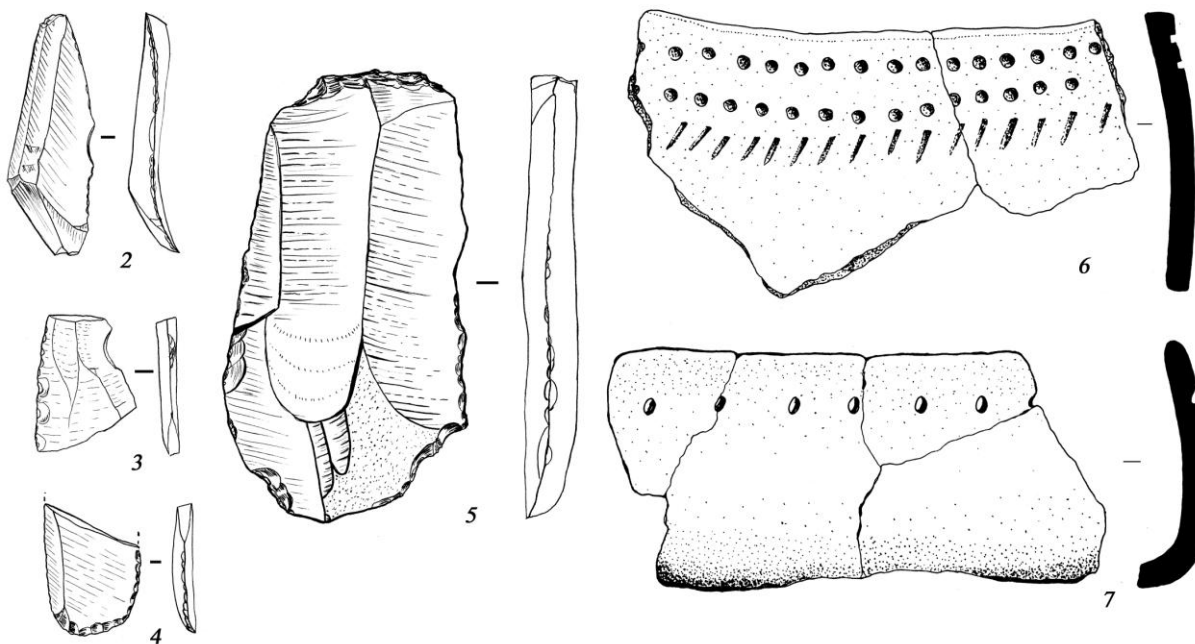
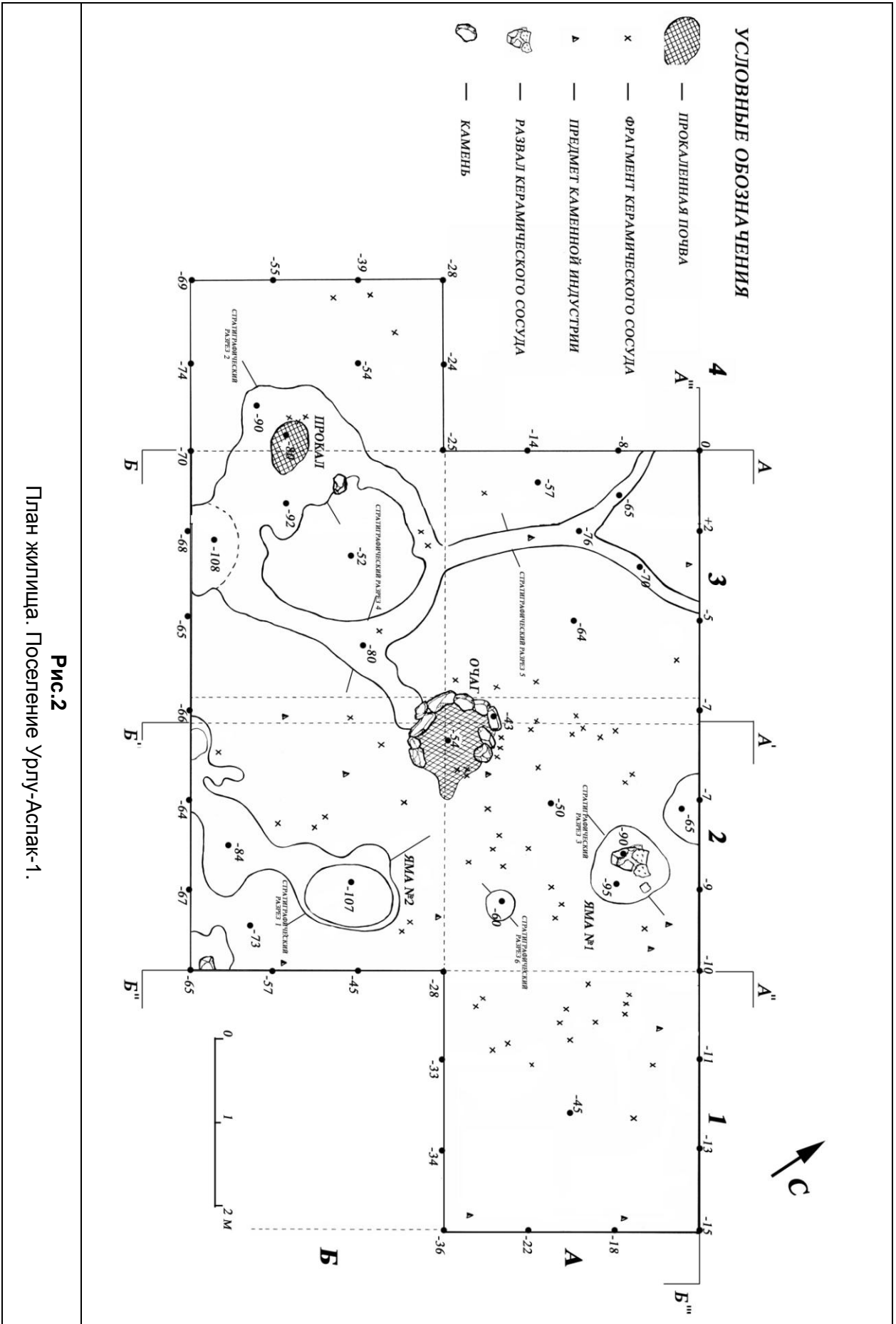

Рис.1

1 – Схема расположения поселения Урлу-Аспак-1; 2-5 – предметы каменной индустрии; 6-7 – фрагменты орнаментированных керамических сосудов из хозяйственной ямы №2.

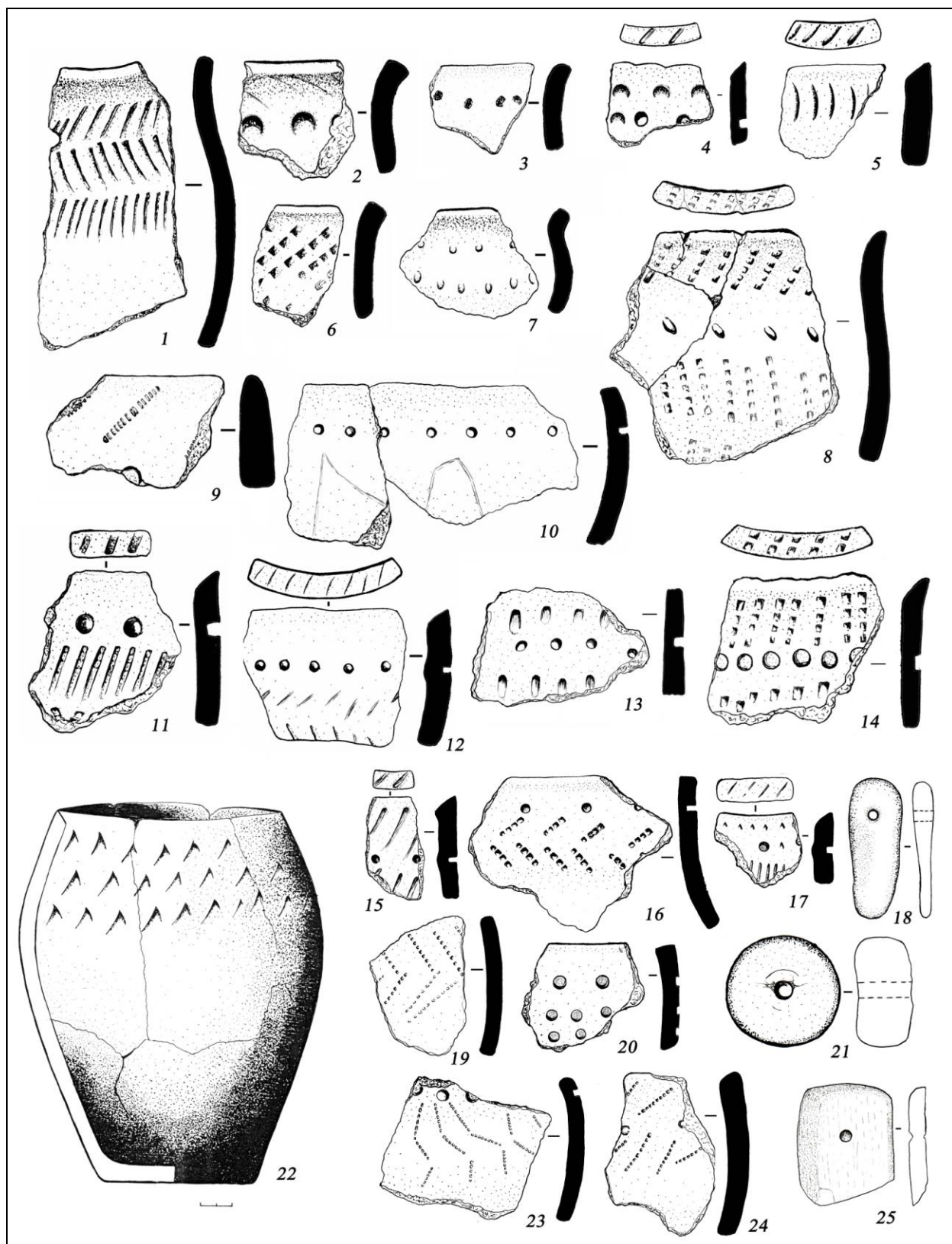

Рис.3

Находки с территории жилища.

1-17, 19, 20, 23, 24 – образцы орнаментированных фрагментов керамики;
 22 – реконструированный горшок из хозяйственной ямы №1; 18 – каменный оселок;
 21 – керамическое пряслице; 25 – заготовка каменного сверленного орудия.

точильный камень сильной сработанности с отверстием для подвешивания (рис.3 – 18), заготовка сверленого каменного орудия (рис.3 – 25) и значительное количество каменных отщепов. Костей животных найдено крайне мало, в виде мелких фрагментов. Стратифицировать находки сложно, т.к. большая часть культурного слоя распахана. В непотревоженном виде остался предматериковый слой и объекты, впущенные в материк.

Мощность очажного прокала и большое количество находок свидетельствуют о стационарном характере поселения. Отличительной особенностью объекта является насыщенность культурного слоя фрагментами керамической посуды, а также, полное отсутствие в представленном керамическом комплексе образцов с «жемчужником» и налепным валиком, столь характерными для поселений северных предгорий Алтая. Образцы представленных орнаментов имеют многочисленные аналогии на поселенческих комплексах долины р. Майма и Майминского района (Майма-I, II, III, IX, XII, Кызыл-Озек II, IV, VIII, Куташ-II; Улалушка VI, VII, VII) (Киреев С.М., 1988; Вдовина Т.А., 2005; Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008) и относятся к майминской культуре (конец I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.) (Абдулганеев М.Т., 1998). Предметы каменной индустрии расположенные крайне хаотично по площади раскопа, предварительно могут быть отнесены к эпохе палеолита.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Поселение Майма 1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С.165-171.
2. Вдовина Т.А. К археологической карте Майминского района Республики Алтай // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, Вып. №2. 2005. С.90-103.
3. Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С.162-169
4. Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. 144 с.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И.

(г. Новосибирск, г. Горно-Алтайск)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ (МОГИЛЬНИК КУРАЙКА)*

Гунно-сарматская эпоха (II в. до н.э. – V в. н.э.) долгое время остававшаяся одним из самых малоизученных периодов в истории Горного Алтая, по-прежнему продолжает привлекать внимание исследователей. Это объясняется значимостью периода, основным содержанием которого являлись сложные процессы трансформации культуры скифского типа в культуру гуннского облика, а также формирование основ средневековой культуры Горного Алтая (Соёнов В.И., 2003, с. 3). В последние десятилетия был открыт целый ряд новых памятников, что значительно расширило источниковую базу по изучению этого времени. Однако многие вопросы, и в первую очередь, проблемы хронологической атрибуции памятников, остаются до сих пор далекими от окончательного разрешения.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 06-06-80389), программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проекты «Развитие комплекса методов абсолютного и относительного датирования древностей Сибири и Центральной Азии», «Древние кочевники Алтая и Центральной Азии: среда обитания, культурогенез, мировоззрение»), гранта НШ-1648.2008.6.

Новые возможности предоставляет в настоящее время использование методов естественных наук для датирования археологических объектов. Так, радиоуглеродный анализ уже прочно вошел в арсенал средств исследования древностей для получения абсолютных дат. Наличие же деревянных конструкций в погребениях позволяет применить древесно-кольцевой метод исследования или дендрохронологический анализ, основанный на фиксации изменчивости годичного прироста деревьев. Этот метод позволяет получать абсолютные и относительные даты с точностью до года или нескольких лет, в зависимости от степени сохранности древесины, а также помогает дополнительно контролировать правильность радиоуглеродного датирования.

В отношении деревянных погребальных конструкций одним из наиболее представительных памятников гунно-сарматской эпохи Горного Алтая является могильник Курайка, расположенный на правом берегу пересыхающего русла р. Курайка, в 2 км к северо-востоку от с. Курай Кош-Агачского р-на Республики Алтай (рис. 1). В 1994 г. В.И. Соёновым и А.В. Эбелем там впервые проведены исследования, в ходе которых было вскрыто 19 погребений (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998).

С целью отбора древесины для дендрохронологических исследований нами в 2001, 2003 гг. на могильнике Курайка проведены вторичные раскопки практически всех ранее исследованных объектов, содержащих деревянные конструкции. Уже тогда неоднократно отмечалось угрожающее состояние ряда насыпей, которые расположены на высоком осыпающемся краю береговой террасы. В настоящий момент, часть насыпей уже обрушилась, причем это произошло в течение времени, прошедшего после раскопок 1994 г. В сезонах 2005-2007 гг. были исследованы объекты №№ 21, 24-26, 31, 34, 39, которые находились в наиболее угрожаемом состоянии, частично уже обрушившись. Все они были расположены на северо-восточной оконечности могильника, на самом краю интенсивно осыпающейся террасы (рис. 2). Итогам аварийно-спасательных работ, а также первым результатам датирования памятника дендрохронологическим и радиоуглеродным методами посвящена данная статья.

Объект № 21 до раскопок представлял собой овальную в плане, задернованную куполообразную насыпь, ориентированную длинной осью по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 3). Размер насыпи 4,5 x 3,2 м. После расчистки обозначилась конструкция надмогильного сооружения: это была подпрямоугольная в плане ограда, сложенная из плоских удлиненных валунов, положенных друг на друга в 3-4 яруса (рис. 4). Нижний ярус образован наиболее крупными валунами, при этом самые большие камни лежат в головах, в западной стенке ограды. На момент исследования большая часть валунов, составлявших ограду, упали наружу или внутрь, создав те очертания насыпи, которые фиксировались до раскопок. Только в северо-восточном и юго-восточном углах сохранилось по 3 яруса камней, а в южной стенке есть участок даже с 4 слоями валунов, здесь высота ограды достигает 0,4 м. Внутреннее пространство ограды было заполнено щебнистым грунтом с включением мелких валунов, аналогичным по составу грунту, слагающему террасу.

Внутри ограды на уровне древней поверхности зафиксировано могильное пятно овальных очертаний размером 2,5 x 0,9 м. В яме на глубине 1 м обнаружено погребение человека в деревянной раме (рис. 5). Костяк мужчины 40-45 лет* лежал головой на запад, вытянуто на спине, лицом вверх, руки вдоль тела, ноги параллельно. Под костями фиксируются следы подстилки из органического материала черного цвета. Из находок обнаружены единственная бусина под черепом – костяная трапецевидной формы (рис. 14 – 10), и в районе шеи – позвонки задней части барана.

Интерес представляет деревянная погребальная конструкция в виде трапецевидной в плане рамы, собранной из 4 досок. В западной части, в головах, хорошо видна система углового соединения. В длинных боковых досках (северная и южная), в 11-12 см от края проделаны сквозные овальные отверстия, в которые вставляются шипы, вырезанные на концах короткой торцевой доски (западная). Обе торцевые доски вставлены так, что у длинных боковых досок остаются выступающие концы по 11-12 см. Перекрытие состояло

* Все антропологические определения выполнены к.и.н. Д.В. Поздняковым, за что авторы приносят ему свою благодарность.

из 3 поперечных досок, равномерно распределенных по длине рамы, следы которых сейчас фиксируются только по концевым остаткам на северной стенке. Возможно, эти доски служили опорой для какого-то мягкого покрывала.

Объект № 24. Насыпь подпрямоугольной формы была задернована и ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 6). Юго-восточный край насыпи обрушился, в результате чего она имела следующие размеры: 3,5 x 3,5 м, высота около 0,5 м. В основе конструкции была подпрямоугольная в плане ограда из валунов вытянутой формы, положенных в 4-5 слоев (рис. 7). Особенно хорошо эта стенка фиксируется с юго-западной стороны насыпи, в то время как на других участках камни упали внутрь или наружу. Размеры сохранившейся ограды – 3,3 x 2,2 м. Внутри ограда засыпана заполнением, представляющим мешаный грунт с включением валунов разного размера, гальки и гравия (рис. 8).

Под насыпью овальная в плане могильная яма размером 2,55 x 0,88 (зап. край)/0,78 (вост. край) м. На дне ямы, на глубине 1,3 м лежал костяк женщины в возрасте 40-50 лет вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, руки вдоль тела. По всему периметру дна уложены валуны, с внутренней стороны которых прослеживаются остатки досок деревянной рамы (рис. 9). В районе головы костяка над макушкой было зафиксировано скопление мелких бусин (82 шт.) из кости (рис. 14 – 6) и 6 раковин каури (рис. 14 – 7). Возможно, они служили украшениями головного убора. Осколки бусины голубого цвета фиксируются над левым плечом. Найдены также: две бусины из сердолика – круглая и граненая (рис. 14 – 5, 8); одна крупная бусина овальной формы (рис. 14 – 4), изготовленная, видимо, из раковины. В ногах, на одном из камней ограды обнаружен стоящий вертикально роговой заступ-пешня (рис. 14 – 1), рабочим концом вверх, опираясь на стенку ямы.

Объект № 25 был в значительной степени разрушен: часть насыпи с восточной и северо-восточной стороны обрушилась вниз. Размеры сохранившейся конструкции: по линии СЗ-ЮВ – 3,3 м (сохранилась не полностью), по линии ЮЗ-СВ – 2,75 м. По уцелевшему в срезе обрыва крупному валуну с юго-западной стороны, можно установить, что первоначальная длина насчитывала не менее 4 м. Высота насыпи около 0,4 м. В основе конструкции была подпрямоугольная в плане ограда из крупных валунов вытянутой формы, положенных в 2-3 слоя. Размеры ограды: 3,8 x 2,3 м. Внутри ограды заполнение, представляющее мешаный грунт с включением валунов разного размера, гальки и гравия. Нижняя часть насыпи на высоту каменной ограды (0,3-0,35 м) сформирована из сплошного слоя средних и мелких валунов.

Внутри ограды зафиксировано могильное пятно размером 2,8 (сохранившаяся часть) x 0,65 м. На дне ямы, на глубине 1,3 м была обнаружена деревянная колода плохой сохранности, поверх которой уложены в ряд 7 крупных уплощенных валунов. В колоде лежал костяк женщины 40-45 лет вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, руки вдоль тела, кисти сложены на тазе (рис. 10). Череп раздавлен, на костях черепа следы красной краски. Рядом с черепом в районе теменной части обнаружена пастовая бусина (рис. 14 – 9). Среди фрагментов черепа также найден бараний позвонок. В области грудной клетки сохранились, по-видимому, остатки перекрытия колоды – крышки или досок.

Объект № 26. Примыкает почти вплотную к объекту № 24 с юго-запада (рис. 6). Насыпь подпрямоугольной формы, значительной частью упавшая с края террасы своей юго-восточной стороной, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Размеры сохранившейся части насыпи: 2,4 x 1,6 м, высота – 0,2-0,3 м. В основе конструкции – ограда из крупных вытянутых каменных плит, поставленных продольно на ребро, и блоков, уложенных в 2 яруса (рис. 7). Так, северо-западная стенка ограды образована одной плитой, поставленной длинной стороной на ребро. Юго-восточная стенка полностью отсутствует, упав с обрыва. Заполнение внутри ограды было в виде невысокого холмика, сложенного из могильного выброса, смешанного с поддерновым гумусом. Снаружи стенки ограды обложены валунами, видимо, для их фиксации в вертикальном положении.

На уровне древней поверхности вокруг ограды фиксировались черные пятна с включением углей – следы кострищ. После разбора заполнения насыпи угли обнаружили и внутри ограды, встречаясь по всему ее периметру. Размер пятна могильной ямы 1,25 x 0,7 м. При разборе заполнения ямы выяснилось, что в ней, судя по всему, жгли костер, который запек в стенках ямы глинистую прослойку, идущую на этой глубине, придав ей

характерный красный цвет. Мощность прослойки 0,4 м. Ниже идет слой рыхлых речных отложений, в которых прокаленная стенка уже не фиксируется, но угли встречались вплоть до дна могилы. На глубине 1,45 м была найдена детская колода плохой сохранности, размером 1,31 x 0,26 (зап. край)/0,19 (вост. край) м. В колоде костяк ребенка в возрасте 3+/-1 года, вытянуто на спине, головой на ЗСЗ (рис. 11). В верхней части черепа справа отверстие диаметром 4 см. Находок не обнаружено.

Объект № 31 расположен в 0,5 м к северо-востоку от кургана 21 (рис. 3). Восточный край насыпи кургана был обрушен, особенно пострадал северо-восточный угол, который упал на длину не менее 1 м. Насыпь имела конструкцию, аналогичную насыпи кургана 21, размер – 4,1 x 3,25 м, ориентирована по линии запад – восток. Фактически, в своем современном состоянии насыпь, так же, как и в предыдущих случаях – это развал каменной ограды, окружавшей могильную яму, и сложенной из удлиненных плоских валунов. Валунуны, составлявшие стенку, расползлись как внутрь, так и снаружи ограды, которая в настоящее время состояла из двух, а местами, трех ярусов камней (рис. 12). Судя по расположению упавших камней, первоначальная высота стенки была в 5-6 слоев валунов. Размеры сохранившейся ограды: 3,3 x 2,18 x 0,35 м. Изначально внутреннее пространство ограды было заполнено грунтом с большим содержанием щебня, которым сложена терраса (возможно, могильным выбросом).

Внутри ограды на уровне древней поверхности было выявлено пятно могильной ямы овальных очертаний размером 2,0 x 0,7 м. В яме на глубине 1,3 м обнаружено погребение человека в деревянной колоде (рис. 13). Костяк мужчины 55-60 лет лежит вытянуто на спине, головой на запад, левая рука вдоль тела, правая – на тазовых костях. Череп завалился лицом на север, нижняя челюсть лежит на месте. В районе шейных позвонков, к северу, были найдены кости хвостовой части барана. Других находок нет.

У погребальной колоды сохранились оба торца и днище по всей длине, стенки же фиксируются только в местах их примыкания к торцам. Колода была закрыта крышкой. На дно могильной ямы по бокам колоды положены по 2 камня – в головах и в середине – видимо, для более устойчивого положения колоды. Размеры колоды: 2,13 x 0,4 (в головах)/0,32 (в ногах) x 0,25 м.

Объект № 34. Сохранилось не более 1/3 насыпи. В обнажении хорошо виден профиль ямы с характерным расширением в виде «мешка» в ее нижней части. На глубине примерно 1,6 м в обрыве фиксируется профиль колоды – стенки и дно. Ширина колоды 0,35 м. Древесина очень плохой сохранности. Практически все погребение обрушилось. Отдельные кости человека были найдены у подножья обрыва.

Объект № 39. Большая часть насыпи уже упала с обрыва. В обнажении был хорошо виден профиль могильной ямы. На глубине 1,5 м из откоса торчали кости рук человека. При расчистке обнаружены сваленные в одном месте кости черепа, таза (подвздошные и крестец), рук и ребра, принадлежавшие женщине в возрасте 45-55 лет. По-видимому, упавшие под обрыв кости были собраны местными жителями, уложены обратно в яму и чуть присыпаны. При зачистке оставшейся части погребения были найдены в анатомическом порядке шейные позвонки и ключицы женщины, рядом с которыми обнаружены 2 подвески зелено-голубого цвета (рис. 14 – 2, 3). Подвески в форме мужских гениталий изготовлены из египетского фаянса, что является редкостью не только для данного могильника, но и для всей территории Горного Алтая. Этим находкам посвящена отдельная публикация (Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., 2007).

Таким образом, дополнительные исследования, произведенные на могильнике Курайка, в целом подтвердили ранее сделанные выводы о том, что все погребения очень близки между собой и относятся к одной культуре, представляя кок-пашский тип памятников (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, с.116; Соёнов В.И., 2003, с.53). Предметы погребального инвентаря немногочисленны. Комплект найденных украшений (отдельные пастовые и костяные бусины, наборы костяных пронизок и раковины каури) встречается почти повсеместно: как в ранее исследованных погребениях могильника Курайка (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, рис. 2 – 2-3, рис. 8 – 3, рис. 13 – 2, рис. 18 – 3), так и в других горно-алтайских захоронениях гунно-сарматского времени. Единственные исключения составляют подвески из египетского фаянса.

Другая редкая находка – роговой заступ-пешня (рис. 14 – 1). Последний представляет универсальное орудие для производства земляных работ, состоящее из наконечника и

муфты. Двухсоставное изделие изготовлено из рога марала, и имеет следы раскроя, рубки, резки. Внутренняя пористая часть рога у муфты вырезана с помощью длинного лезвия, скорее всего ножа. Конец лезвия и край муфты имеют следы сильной сработанности от постоянного контакта с грунтом. Универсальность орудия связана с тем, что его можно использовать как при наличии дополнительной деревянной рукояти, так и без нее – при работе просто зажимая муфту в руке*. Находки подобного типа чрезвычайно редки для Горного Алтая эпохи палеометалла. В материалах гунно-сарматского времени подобные предметы нам не известны. Если говорить о памятниках предшествующего периода, то можно упомянуть практически полный аналог из Четвертого Пазырыкского кургана, представленный С.И. Руденко как роговое долото (Руденко С.И., 1953, с.397, табл. LXXIII – 7). Другое орудие такого же назначения, изготовленное целиком из дерева, найдено в Первом Туэктинском кургане (Руденко С.И., 1960, с.112, рис. 62).

Актуальным является вопрос о хронологии могильника. Как уже отмечалось ранее, большинство находок из погребений не позволяет получить узкую дату (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, с.116). Гораздо большие возможности для этого предоставляет в данном случае использование естественно-научных методов датирования, таких как дендрохронологический и радиоуглеродный анализ. Речь идет именно о взаимодополняющем эффекте этих двух методов. Использование только радиоуглеродного датирования осложнено тем, что на калибровочной кривой, необходимой для перевода радиоуглеродного возраста в календарный, для интересующего нас отрезка времени – первая половина I тыс. н.э. – нет таких «ярких» и легко распознаваемых вариаций содержания радиоуглерода, как в I тыс. до н.э. (Stuiver M., Becker B., 1993). С другой стороны, ограничиться одной дендрохронологией пока также невозможно из-за отсутствия на сегодняшний день длительной дендрошкалы, доведенной до рубежа эр.

В данном контексте значение могильника Курайка определяется тем, что в настоящее время он является базовым для создания древесно-кольцевой хронологии гунно-сарматской эпохи Алтая, т.к. подавляющее большинство исследованных здесь погребений содержали деревянные конструкции. Степень сохранности древесины сильно разнится, кроме того, деревянные погребальные конструкции часто доходят до нас уже во фрагментированном виде. Все это ведет к потере годовых колец, затрудняет исследование и, в конечном счете, снижает точность хронологических определений. Однако, учитывая район нахождения памятника, как далеко не самый благоприятный для сохранения древесины, а также в целом ее небольшое количество в масштабе Горного Алтая, собранную нами курайскую коллекцию дендро-образцов следует считать большим достижением.

Образцы древесины удалось получить из погребений №№ 5, 8, 9, 10, 12, 21, 25, 26, 31, 48, 49, 100, 101. Для первого варианта древесно-кольцевой хронологии могильника Курайка были использованы образцы из погребений 5, 8, 49, 101, каждое из которых содержало колоду из цельного ствола лиственницы. Сначала по образцам из отдельных колод строились древесно-кольцевые хронологии для соответствующих погребений. Длина этих рядов разнится от 81 до 130 лет. Затем благодаря хорошему сходству между собой (средний коэффициент корреляции равен 0,44) путем перекрестного датирования 4 хронологии погребений были сведены в усредненную 144-летнюю древесно-кольцевую хронологию (Panyushkina I. et al., 2007, p.693-702). Следует отметить, что ни один из привлеченных образцов не сохранил внешних колец из-за деградации древесины, разрушения колод, а также в результате обработки поверхности при изготовлении. Следовательно, полученные дендрохронологические даты являются несколько более ранними по причине потери части внешних колец.

Перекрестное датирование колод позволяет установить только относительные даты, а полученная обобщенная хронология является «плавающей», т.е., не связанной с календарным временем. Для определения последнего использовался радиоуглеродный анализ тех же самых образцов, по которым создавалась и древесно-кольцевая хронология. Даты ^{14}C получены в Радиоуглеродной лаборатории Аризонского университета (University of Arizona NSF-AMS facility г. Тусон, США).

* Технологические определения сделаны д.и.н. А.П. Бородовским, за что авторы приносят свою благодарность.

Первоначально для проверки правильности перекрестного датирования было сделано по одному анализу из колод погребений 49 и 101. Образцами послужили группы по 10 годовых колец, взятые из участков, положение которых в рамках дендрощкалы было строго задано. Однако полученные результаты поставили вопрос об их корректности. Если временной интервал между образцами по древесно-кольцевой хронологии составил 24 года, то радиоуглеродные даты отличались на 195 лет: курган 49 – 2088 ± 36 ВР, курган 101 – 1893 ± 32 ВР (Panyushkina I. et al., 2007, Tab.2).

Подобная ситуация потребовала дополнительных исследований. Для нахождения наиболее точной хронологической позиции курайской хронологии использовалась так называемая процедура «wigggle-matching» («подгонка по зубцам», о сущности метода см. Бородовский А.П. и др., 2003, с.85-86). Серия из 11 образцов, которые представляли группы по 10 годовых колец, взятых из колоды кургана 49, сначала датировалась, а затем тестировалась по калибровочной кривой. Соответственно, датированный непрерывный ряд насчитывал 110 колец. Результаты привязки к календарной шкале древесно-кольцевой хронологии кургана 49 выражаются интервалом – 85-185 гг. н.э. (Panyushkina I. et al., 2007, Fig. 3), а всей курайской хронологии в ее данном составе (погребения 5, 8, 49, 101) интервалом – 70-240 гг. н.э.* С учетом этого результата приобретает смысл и одна из двух первых дат ^{14}C , о которых речь шла выше, а именно, из колоды кургана 101. Календарный интервал даты равен 60–130 гг. н.э. (Panyushkina I. et al., 2007, p.693-702).

Данный пример наглядно демонстрирует границы и возможности выбранных методов и их способность к взаимной верификации и коррекции. Очевидно, что более надежный и перспективный путь предполагает использование именно серий дат, согласованных с дендрощкалой, а не отдельных выборочных дат ^{14}C .

Представленный здесь вариант древесно-кольцевой хронологии могильника Курайка является только предварительным. Требуется большая наполняемость хронологии образцами, что повышает надежность перекрестного датирования. Следовательно, необходимы дополнительные сборы древесины на памятнике. В ее настоящем виде курайская хронология пока недостаточно надежна для датировки, однако она создает первоначальную основу для построения дендрохронологической шкалы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая. Кроме того, данные соображения являются дополнительными аргументами в пользу активизации аварийно-спасательных работ на памятнике, которому каждый год угрожает опасность новых разрушений.

Литература

1. Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю. Амулеты из египетского фаянса с территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №4(32). С.77-80.
2. Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джалл Э.Дж.Т. Хронология эпохи раннего железа Верхнего Приобья по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3. С. 79-92.
3. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 404 с.
4. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 359 с.
5. Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск, 2003. 160 с.
6. Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С.113-135.
7. Panyushkina I., Sliusarenko I., Bikov N., Bogdanov E. Floating larch tree-ring chronologies from archaeological timbers in the Russian Altai between about 800 BC and AD 800 // Radiocarbon. 2007. Vol. 49. Nr 2. P. 693-702.
8. Stuiver M., Becker B. High-precision decadal calibration of the radiocarbon time scale, AD 1950 – 6000 BC // Radiocarbon. 1993. Vol. 35. № 1. P. 35-65.

* В приведенных календарных интервалах первая дата означает начало, а последняя дата – конец ряда годовых колец. Даты погребений привязаны к концу ряда.

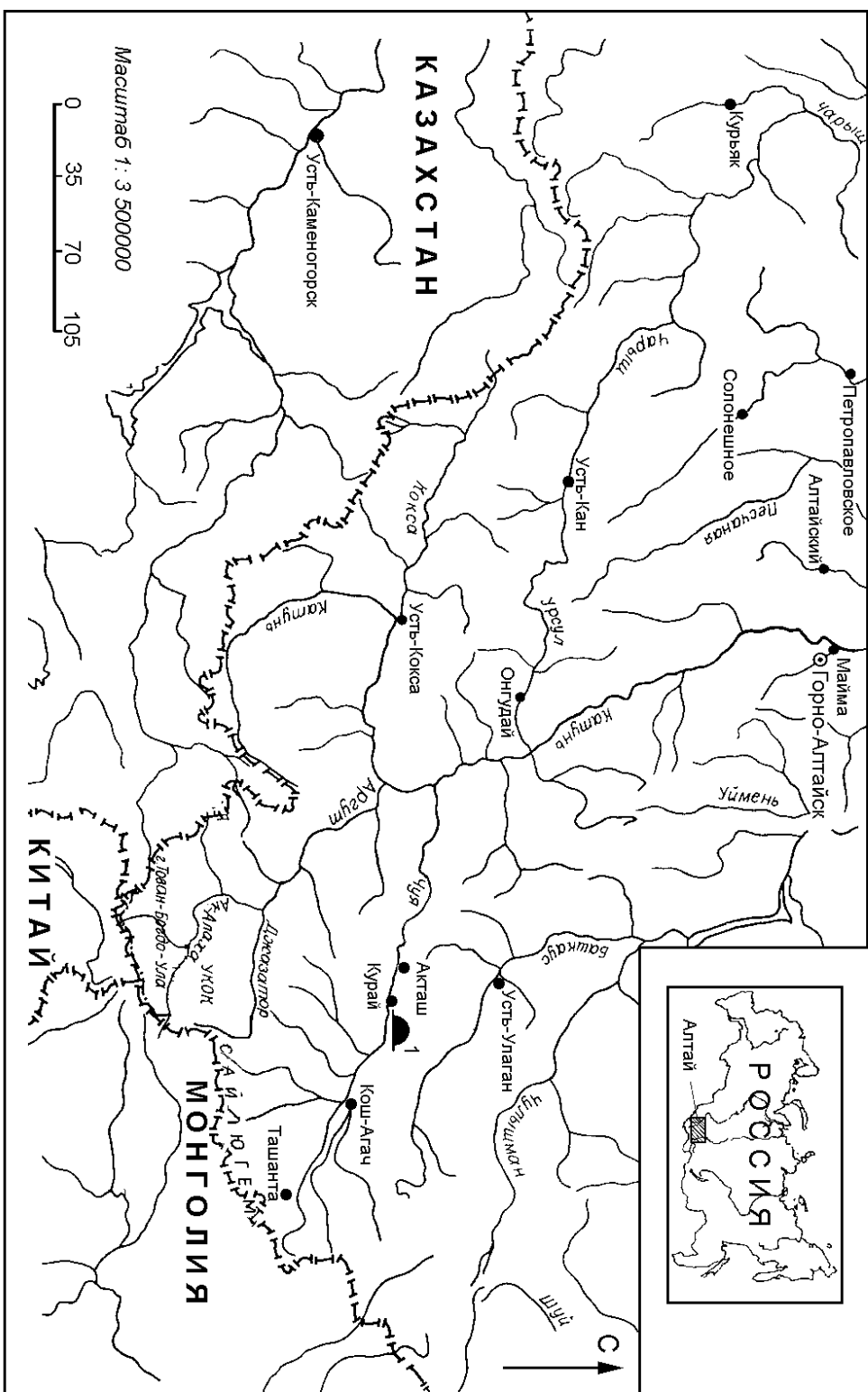

Рис.1 Карта месторасположения могильника Курайка.
1 – могильник Курайка.

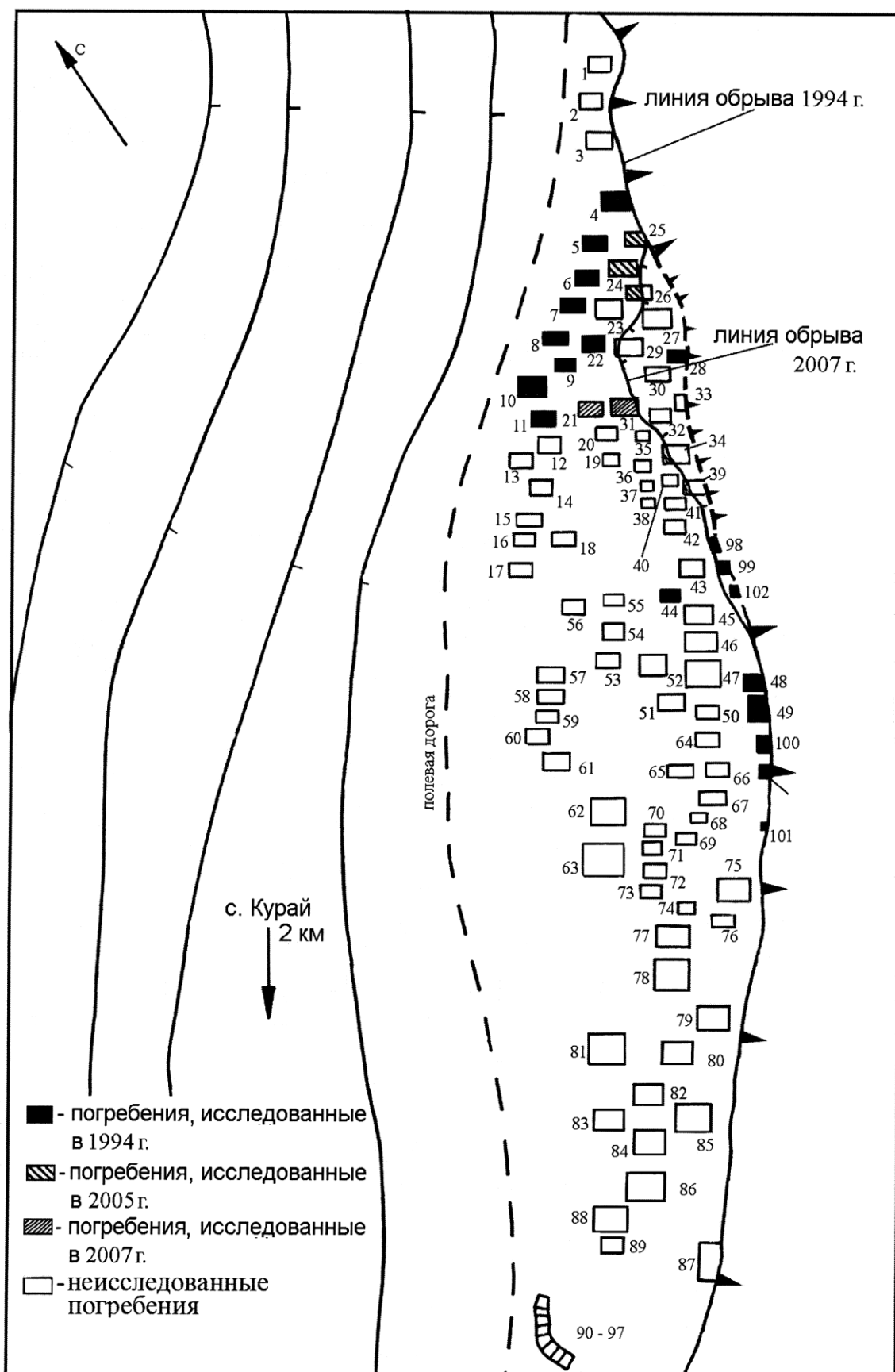

Рис.2

План могильника Курайка (по: Соенов В.И., 2003, с. 89, рис. 24).

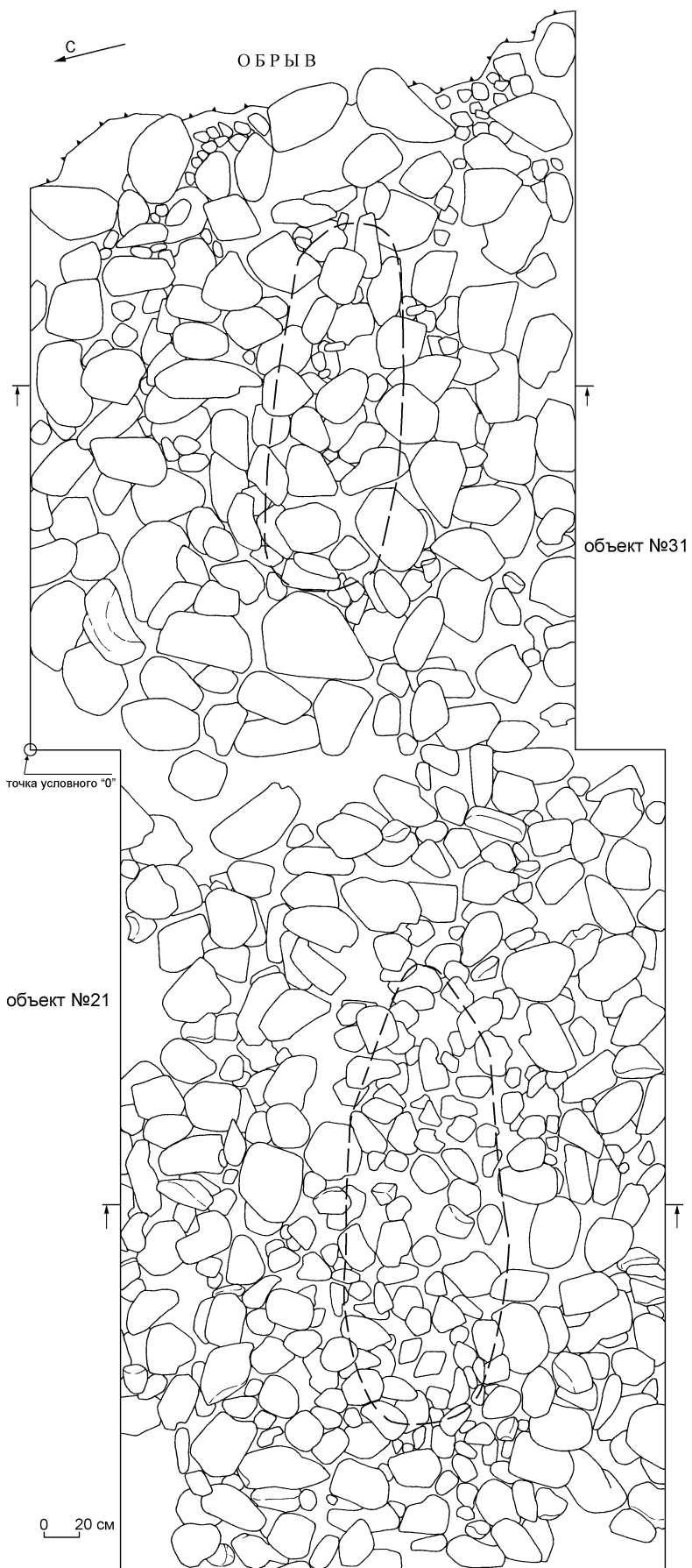
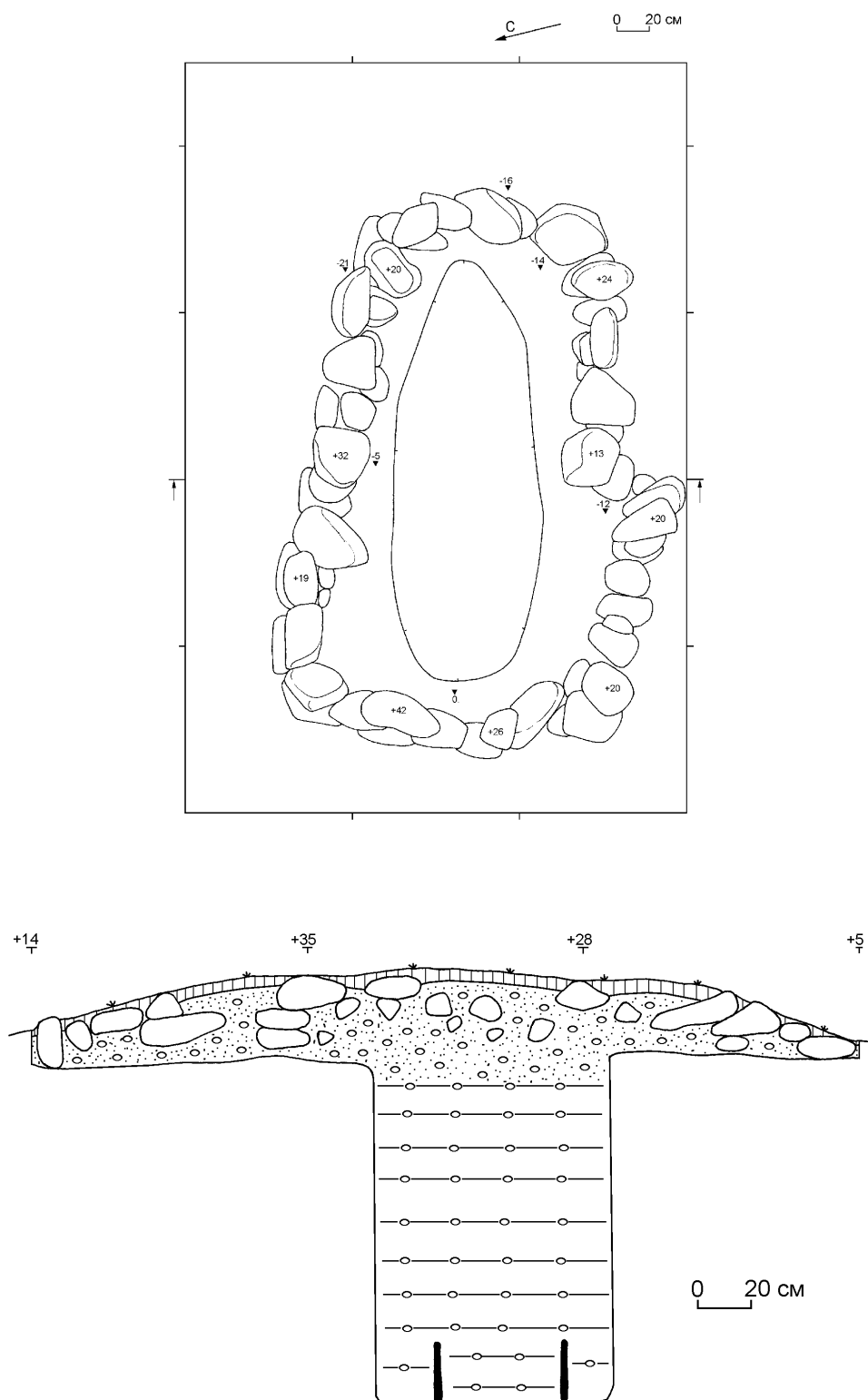

Рис.3
Объекты №№ 21, 31. План насыпей.

Рис.4

Объект № 21. План ограды и стратиграфический разрез.

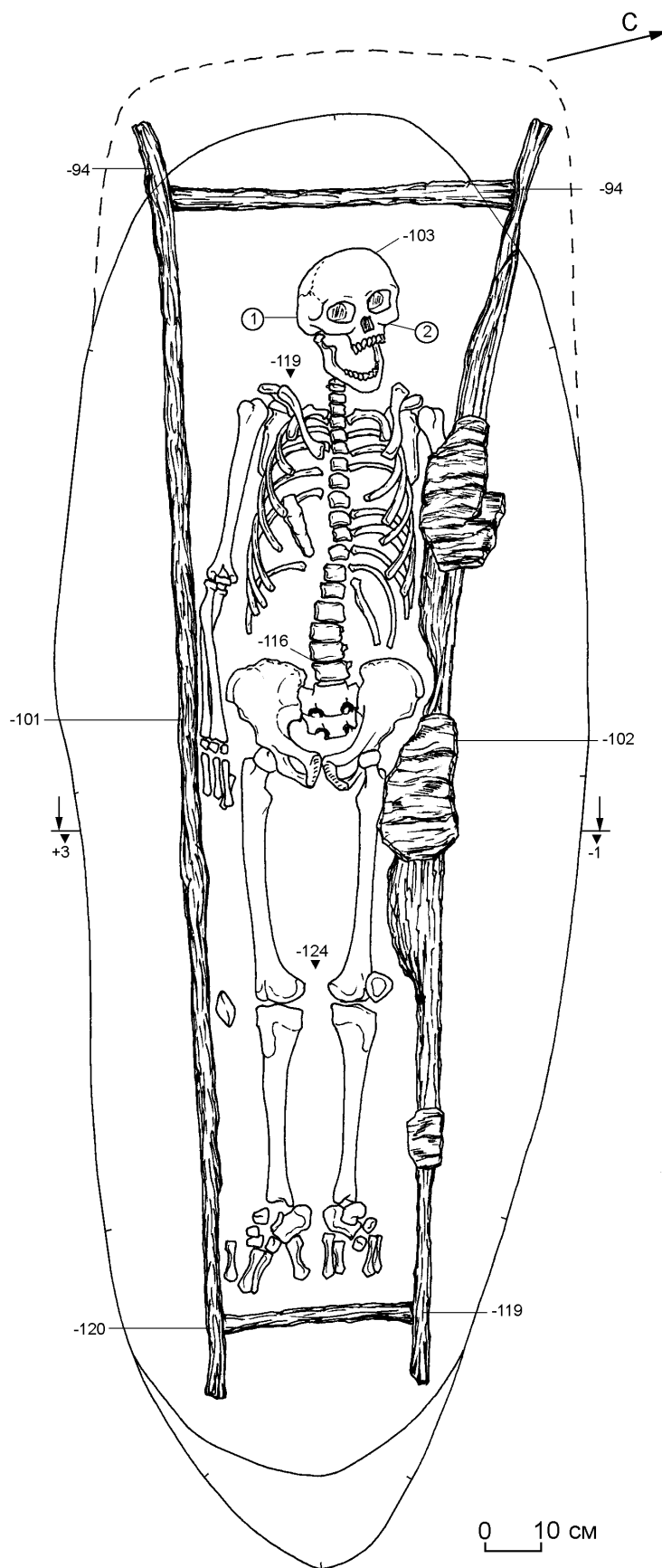

Рис.5

Объект № 21. План погребения. 1 – бусина; 2 – кости барана.

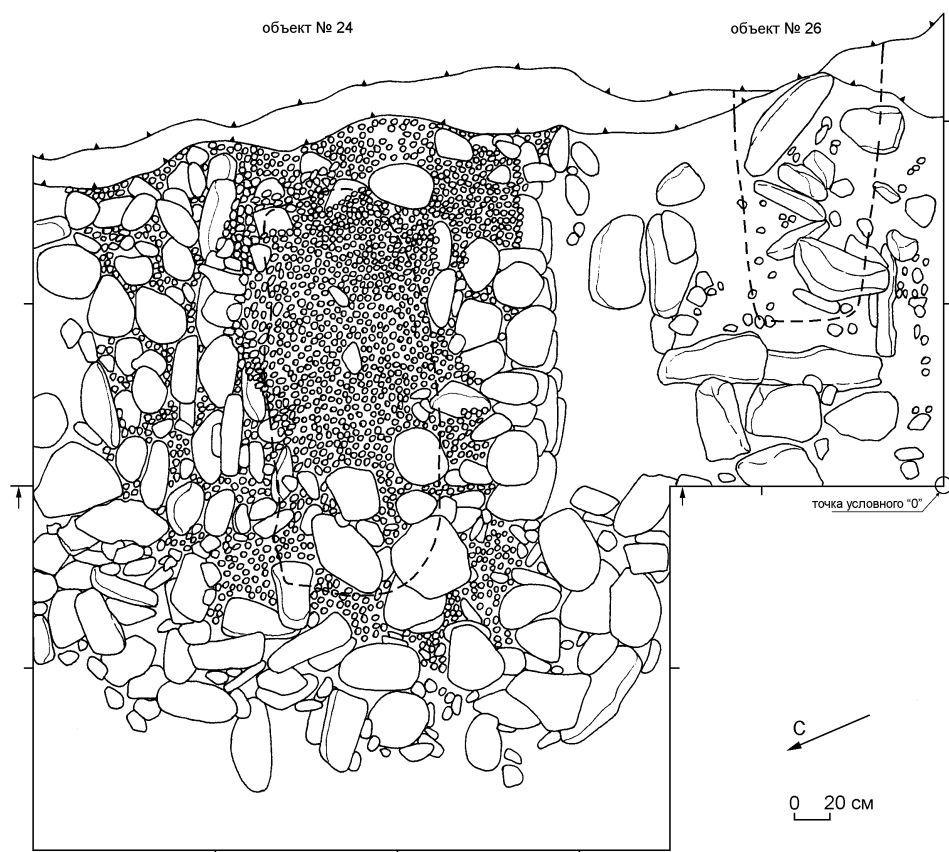

Рис.6
Объекты №№ 24,
26. План насыпей.

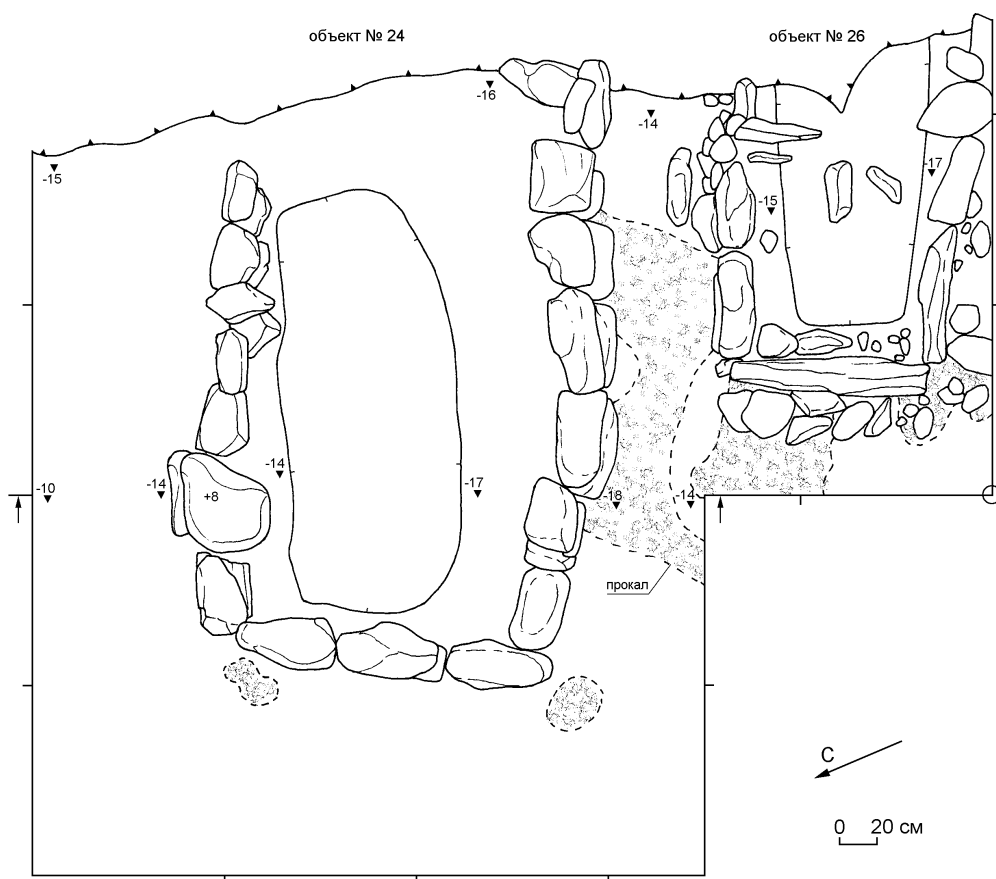

Рис.7
Объекты №№ 24, 26. План оград.

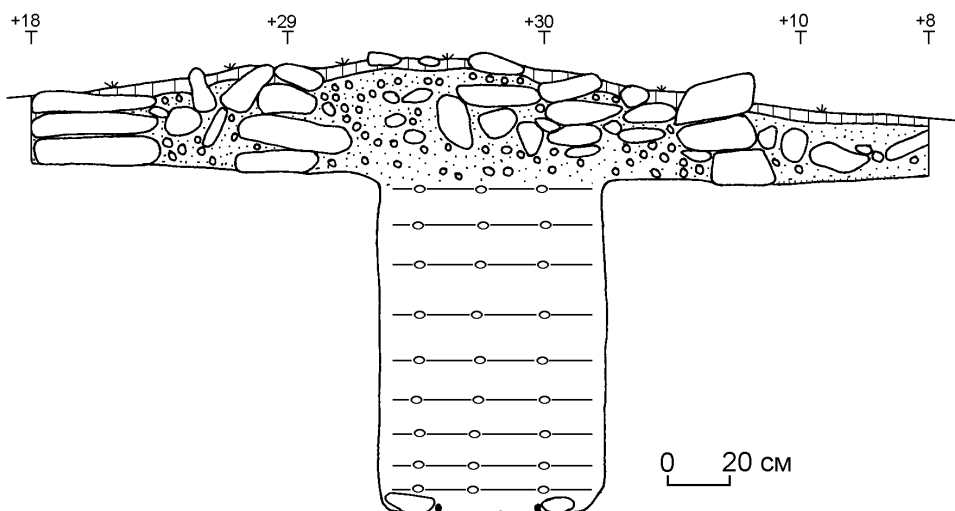

Рис.8

Объект № 24. Стратиграфический разрез.

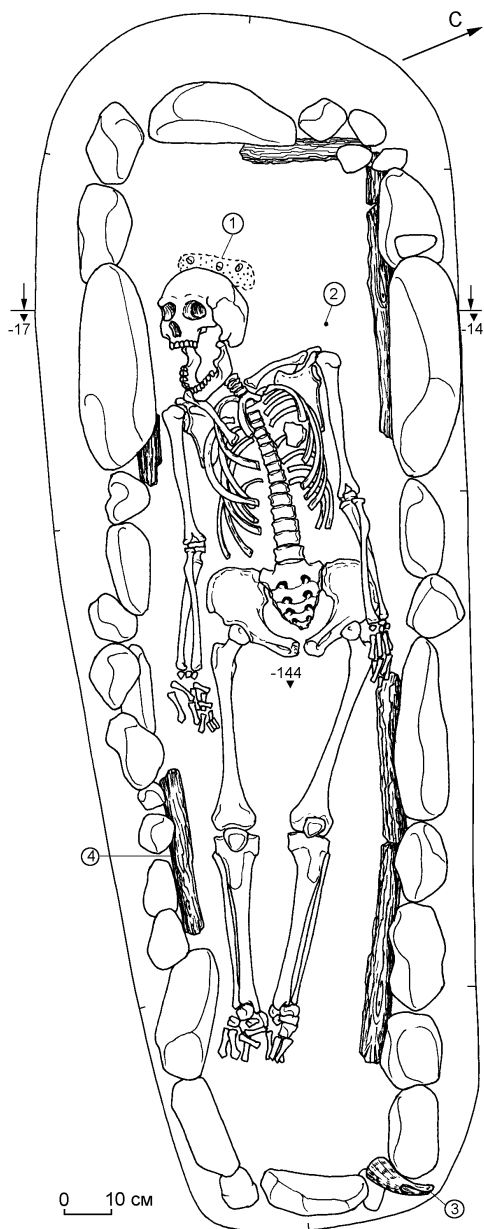

Рис.9

Объект № 24.

План погребения.

1 – скопление бусин
и раковин каури;

2 – бусина;

3 – роговой наконечник заступа.

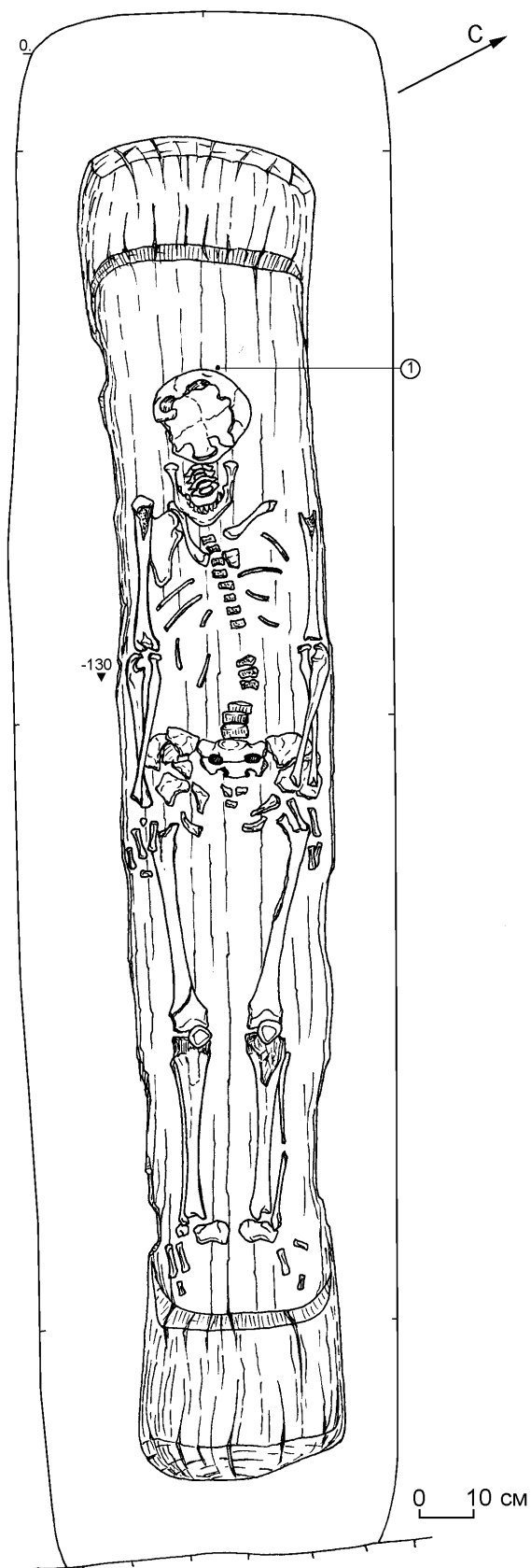

Рис.10
Объект № 25. План погребения. 1 – бусина.

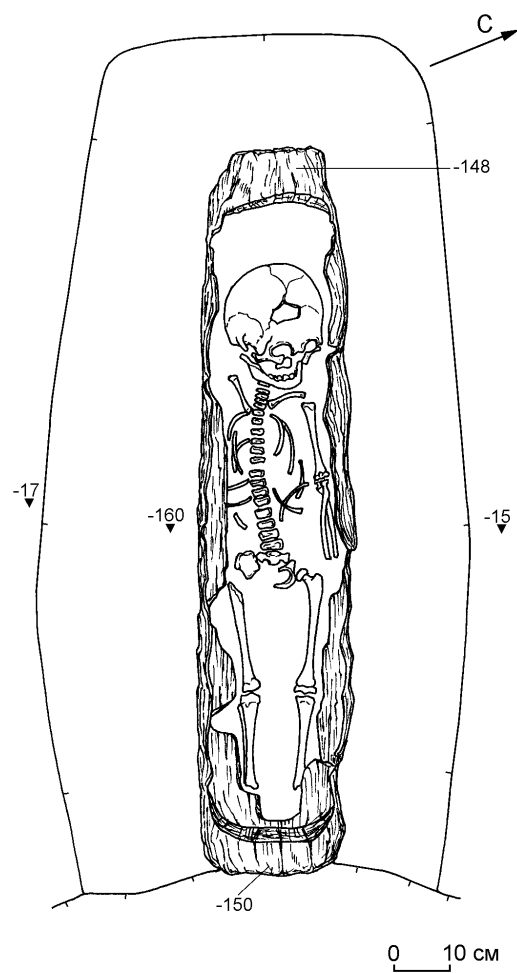

Рис.11
Объект № 26. План погребения.

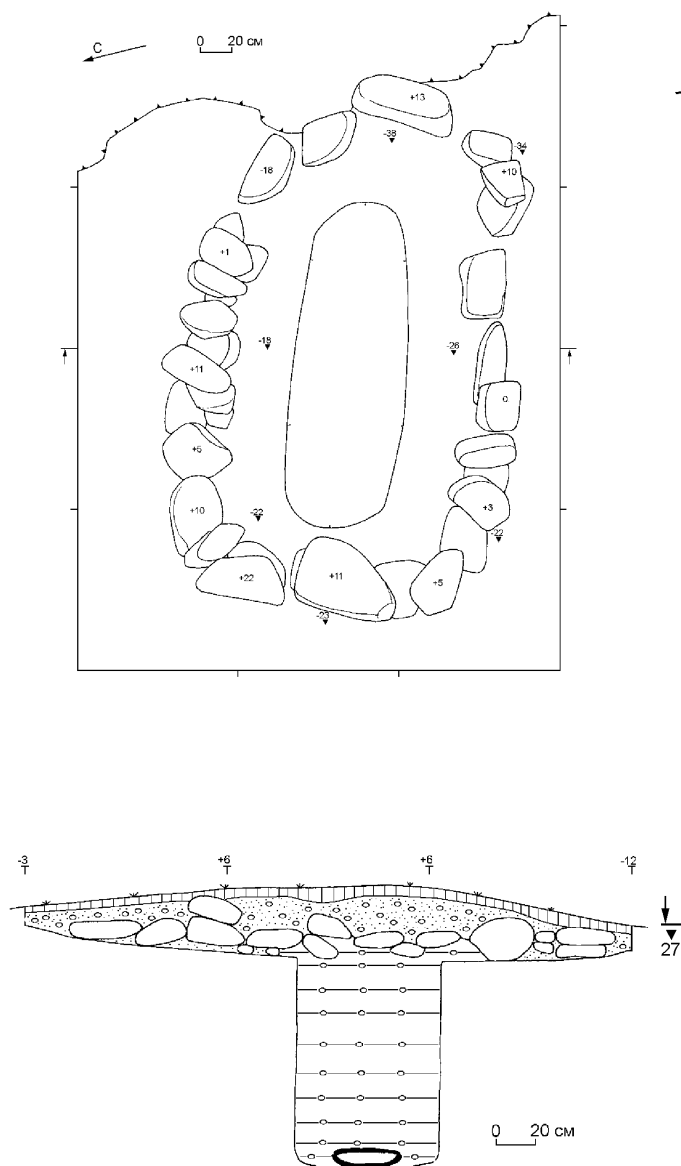

Рис.12
Объект № 31.
План ограды
и стратиграфический разрез.

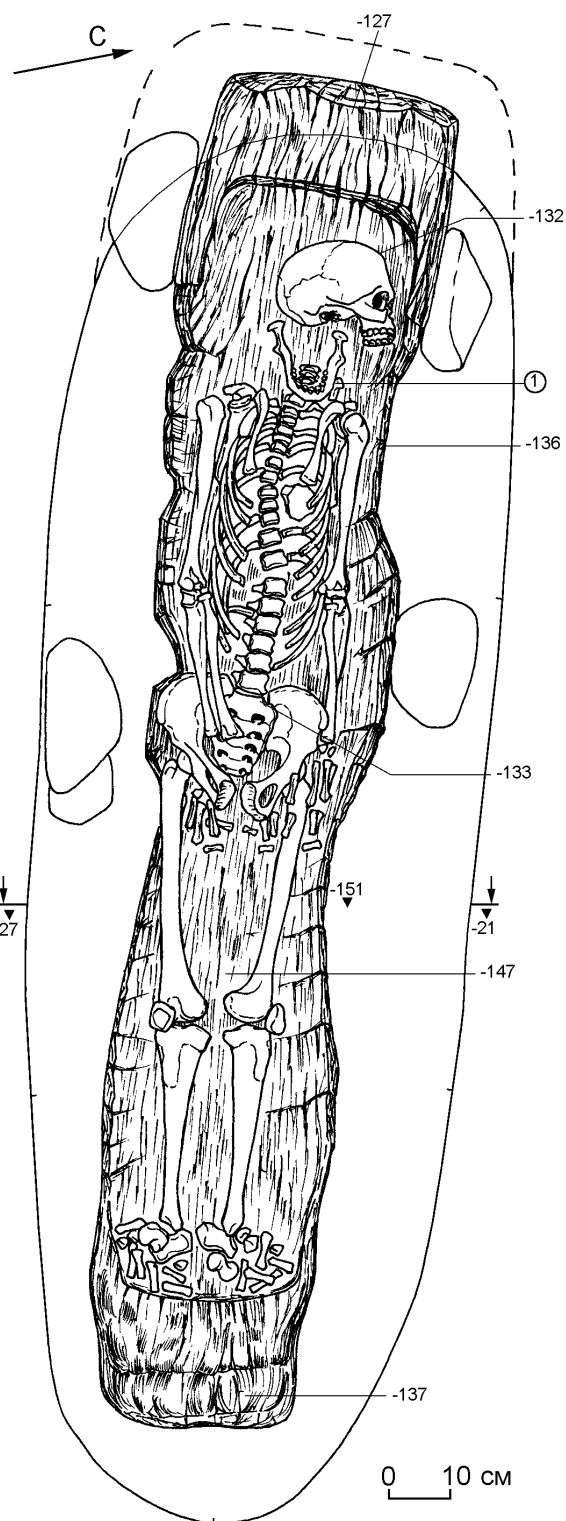

Рис.13
Объект № 31.
План погребения.
1 – кости барана.

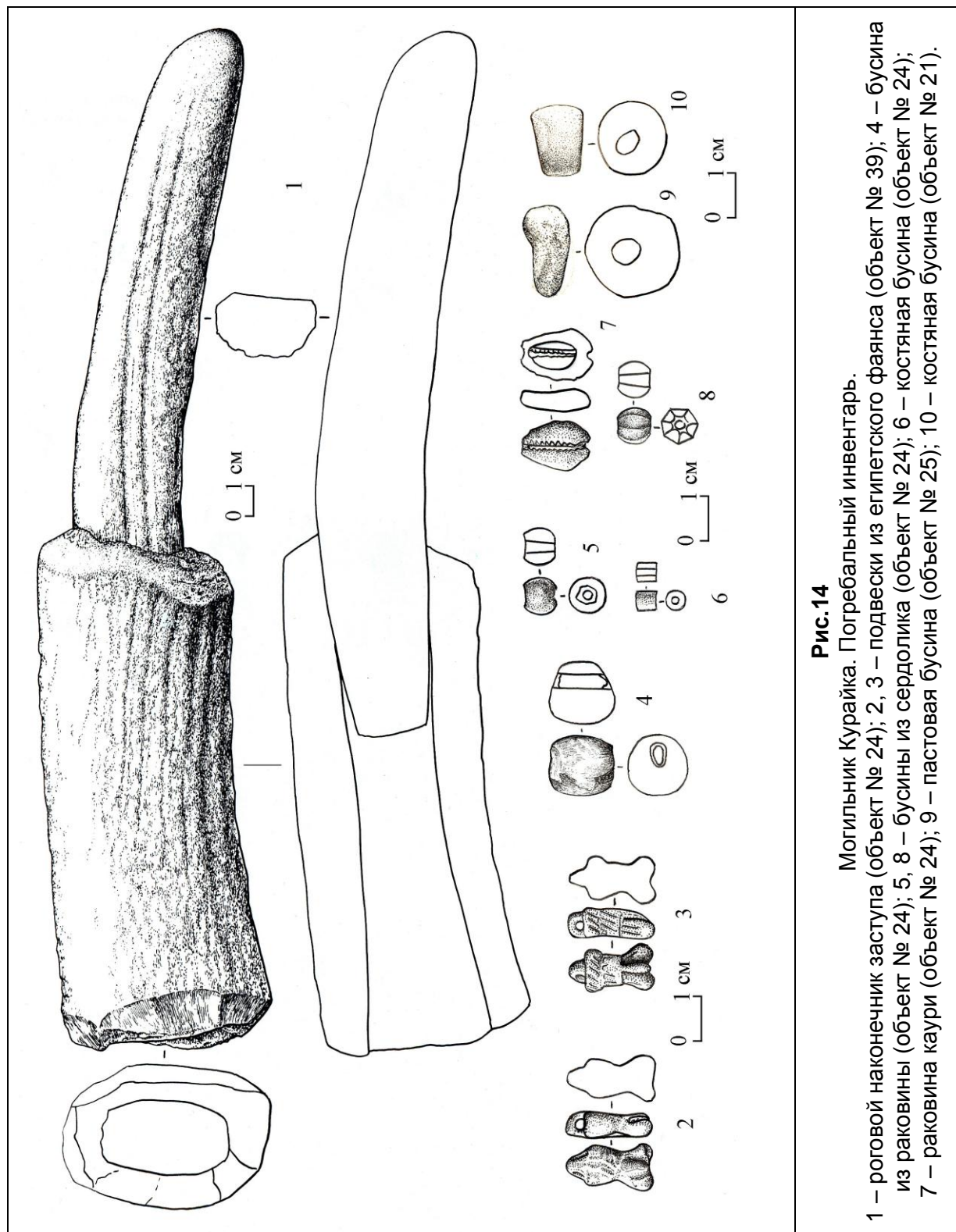

Рис. 14

Могильник Курайка. Погребальный инвентарь.

1 – роговой наконечник заступы (объект № 24); 2, 3 – подвески из египетского фаянса (объект № 39); 4 – бусина из раковины (объект № 24); 5, 8 – бусины из сердолика (объект № 24); 6 – костяная бусина (объект № 24); 7 – раковина каури (объект № 24); 9 – пастовая бусина (объект № 25); 10 – костяная бусина (объект № 21).

Мейкшан И.А.
(г. Барнаул)

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛИТЫ ХУННУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(по материалам письменных источников)

Хуннская эпоха представляет собой один из выдающихся периодов в истории Центральной Азии. Именно в это время в данном регионе возникает первое мощное политическое объединение кочевников – империя хунну (Крадин Н.Н., 2002, с. 5). Создание подобного государства требовало наличие определённых социально-политических, экономических, культурных, а так же мировоззренческих условий, необходимых для стабильного функционирования данной системы.

Социальная организация кочевников в условиях империи предполагает наличие сложной многоярусной системы стратификации общества, обеспечивающей стабильность существования политического объединения (Крадин Н.Н., 2002, с.179). При этом происходит становление и укрепление управляющего аппарата на уровне различных инстанций, что приводит к формированию закрытых, профессионально обусловленных групп, которые можно обозначить как элиту общества. Таким образом, представляется возможным выделить и изучение данных элитных групп в структуре социума кочевников.

Элита как социальная группа привлекла к себе внимание исследователей с конца XIX века, когда происходит формирование теории элит как реакции на марксистскую концепцию классов, претерпевая в своём развитии как кризисы, так и последующие обновления (Крушанов А.А., 2001, с.684). В связи с этим, в настоящее время существует различные определения элиты, отображающие те или иные идеологические и социально-политические аспекты в изучении данного явления. С позиции марксизма, элита – это представители господствующего эксплуататорского класса, выразители его воли (Ашин Г.К., 1985, с.83). В современной гуманитарной науке представлены многочисленные подходы в определении элиты (Ашин Г.К., 1999; Крушанов А.А., 2001; Шабурова О.В., 2004). В общем, элита рассматривается как необходимое следствие в процессе консолидации и управления обществом в целом или его отдельными компонентами. Элита закрепляет за собой определённый статус, вырабатывает нормы поведения для своих членов и ограничивает себя от других не привилегированных. Кроме того, она формирует свою субкультуру, которая отличается от культуры народа (Тишкин А.А., 2005, с.49).

Несмотря на достаточно продолжительное изучение феномена элиты в современном обществе, рассмотрение данного явления в кочевом социуме предпринималось редко, и только в последнее время подобная проблематика стала интересовать исследователей. Происходит формирование такого направления, как «социальная археология», в рамках которой исследователи выработали различные критерии выделения социальных групп, которые вполне приемлемы для определения элиты общества. Методологические установки данного направления сводятся к тому, что «характер общественной организации кочевников отражается в масштабах и особенностях погребально-поминального обряда» (Дашковский П.К., 2005, с.241). Главной составляющей реконструкции являются результаты изучения погребального обряда, зафиксированного археологически. Эти материалы служат основой для моделирования социальной структуры, так как в погребальном обряде отражена многосторонняя информация об обществе, а главное, о его социальной стратификации. В связи с этим, необходима «археологическая фиксация хорошо выделяющихся погребальных комплексов эпохи бронзы, раннего железа и средневековья на большой территории степной полосы Евразии» (Тишкин А.А., 2005, с.50).

Несмотря на значительную информационную ёмкость археологических памятников, следует отметить, что материальную базу объектов данного вида необходимо подвергать интерпретации, для выявления скрытой в них информации, в связи с чем возникает проблема относительной истинности получаемых данных. Вследствие этого появляется необходимость привлечения целого ряда других источников для верификации результатов реконструкций.

Применительно к хунну, проблема выделения и изучения элиты исследователями разрабатывалась слабо. Однако рассмотрение социального строя, а так же политического устройства Хуннской империи в настоящее время рассмотрено достаточно хорошо (Да-

выдова А.В., 1975, 1982; Крадин Н.Н., 2001, Социальная структура ..., 2005, и др.). Анализ имеющегося материала показывает, что в обществе номадов присутствовало чёткое административное деление, обеспечивающее его мобильность и функциональность.

Н.Я. Бичурин приводит следующий список социальной иерархии сюнну: «Установлены были: 1). Восточный и Западный Чжуки-князь (слова восточный и западный заимствованы от стран света, но в месте с тем содержат в себе смысл слов Старший и Младший. В Монголии, как и в Китае, левая (или восточная) сторона считается старшею); 2). Восточный и Западный Лули-князь; 3). Восточный и Западный великий предводитель (прим.: на кит. Да-гян); 4). Восточный и Западный великий Дууй (прим.: на кит. Да-дууй); 5). Восточный и Западный великий Данху; 6). Восточный и западный Гуду-хэ (Гуду суть вельможи не из Шаньюева рода)» (Бичурин Н.Я., 1950, с.48).

Н.Н. Крадин предлагает более обширную характеристику социального строя кочевников. Так, на вершине общественной пирамиды находился шаньюй и его ближайшие родственники в лице представителей клана Люанди. Следующую ступень занимали лица других знатных кланов, племенные вожди, а так же служилая знать. Далее располагалась наиболее массовая часть общества, состоящая из простых кочевников. Внизу социальной структуры находились различные неполноправные категории лиц: обедневшие номады, полуассальное осёдлое население, военнопленные, занимавшиеся земледелием и ремеслом, а так же рабы (Крадин Н.Н., 2001, с.179, с.138 -171).

Как видно из приведённых данных, наиболее привилегированное положение занимали лица, находящиеся на первых двух ступенях общественной иерархии хунну. Следует более подробно разобрать круг лиц, входящих в эту элитную группу.

В китайских письменных источниках приводятся достаточно обширный перечень административных должностей, существовавших в хуннуской империи (Материалы..., 1968. с.40; Сыма Цянь, 2002. с.329 – 330). На основании имеющихся источников шаньюя можно охарактеризовать как абсолютного лидера политической элиты (Антипина Г.С., 1999, с.449; Ашин Г.К., 1978, с.77; Угроватов А.П., 2006, с. 477). Подобное положение определялось его правами и функциями: 1) правом распоряжаться всей территорией государства и функцией охраны этой территории; 2) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; 3) правом концентрировать в своих руках все внешние отношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; 4) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи (Кляшторный С.Г., 2005, с. 27).

В современной науке представлены различные типологии лидерства, отображающие различную специфику данного явления. Однако наиболее универсальная концепция, лежащая в основе многих других разработок, была представлена М. Вебером (Вебер М., 1990, с.147). Согласно этой системе, лидерство делится на традиционное, основанное на вере в святость традиций; на рационально-легальное, основанное на вере в законность существующего порядка; и на харизматическое, основанное на вере в сверхъестественные способности вождя (Ашин Г.К., 1978, с.77). В связи с данным делением, исследователи соотносят политическое лидерство кочевого правителя к харизматическому типу в следствии обладания божественной благодатью (Скрынникова Т.Д., 1997, с.100). Однако харизматическое лидерство в процессе стабилизации политической системы претерпевает изменения, происходит «рутинизация харизмы», вследствие чего данная форма лидерства трансформируется в традиционное. Таким образом, шаньюй является политическим лидером кочевого общества, типологически которого возможно отнести к традиционному лидерству.

Подобным социальным статусом обладали все лица, входящие в правящий род Люанди – жёны (яньчжи), сыновья (гуту), принцессы (цзюйцзы), младшие братья и другие родственники правителя, которые располагались в его ставке, составляя аппарат управления империей (Материалы..., 1973. с.101; Крадин Н.Н., 2001, с.143). В число высшей аристократии так же входили рода Хуянь, Лань и Сюйбу (Крадин Н.Н., 2001, с.148).

Кроме административного аппарата ставки шаньюя, следует так же рассмотреть структуры местного самоуправления. Вожди племён и этноплеменных объединений, обозначаемые в китайских источниках общим термином «князь» (ван), обладали достаточной автономностью в границах вверенных им владений. Каждый из них имел в своём подчинении определённое количество кочевников и скота, при этом их положение на

иерархической лестнице определялось числом подвластных им людей (Бичурин Н.Я., 1950, с.49; Крадин Н.Н., 2002, с.151). Данную категорию лиц следует отличать от высшей элиты. Однако на основании обладания определёнными властными полномочиями, эту группу возможно определить как субэлиту в рамках конкретного региона.

В китайских источниках присутствует упоминание о том, что шаньюй послал в Китай одного из своих телохранителей (Материалы..., 1968, с.43, 47). На основании этого возможно предположить существование профессиональной дружины в общественной структуре хунну, основными функциями которой являлись охрана и управление ставкой и хозяйством шаньюя (Худяков Ю.С., 1997, с.9-11). При этом, вследствие ряда объективных причин, таких как возрастные отличия, разница в происхождении, можно сделать предположение о наличии среди дружинников расслоения на так называемую «старшую» и «младшую» дружину (Крадин Н.Н., 2001, с.152-153). Таким образом, предоставляется возможным выделение элитной военной группы, условно обозначенной понятием «старшей» дружины, состоящей из наиболее знатных и опытных воинов.

Особую прослойку в обществе кочевников составляли иммигранты из Китая, недовольные политикой императора или чем-либо провинившиеся перед администрацией империи. В период правления Модэ, в хуннуской империи уже присутствовали перебежчики, выполняющие роль советников в ставке шаньюя. Пик их влияния приходится на II – первую четверть I века до н.э., когда они обучали номадов китайской тактике военного дела, ведению земледельческого хозяйства, основам придворного этикета и администрирования (Бичурин Н.Я., 1950, с.52; Материалы..., 1968, с.41-42, 45-47; Крадин Н.Н., 2002, с.154-155). Данную категорию лиц достаточно сложно выделять в обособленную группу вследствие их разнообразной деятельности. Наиболее верно будет рассматривать элементы китайской иммиграции в системе уже имеющихся социальных дефиниций. Так, несомненно, наиболее значимые китайские советники при ставке шаньюя входили в число высшей элитной группы хуннуского общества (Материалы..., 1973, с.22). Однако некоторым из них жаловались титулы, скот и кочевья в управление, а иногда и целые народы, находящиеся под властью Хуннуской империи (Материалы..., 1973, с.115-116; Крадин Н.Н., 2001, с.156). Таким образом, китайцы вполне могли находиться как в социальной группе субэлиты, а так же военной аристократии.

Следует так же отметить проявление «двойной элиты» в социальной структуре хунну. Подобная форма общественных отношений возникает тогда, когда небольшой этнос захватывает большие территории с преобладающим числом подчинённого населения. В таком случае, с одной стороны, внутри нового политического объединения существует высшая элита из числа завоевателей, а с другой – формируется или поддерживается элита в автохтонной массе населения (Тишкин А.А., 2005, с.53). Данная практика использовалась кочевниками в отношении завоеванных племён лоуфань и байян, которые, войдя в состав Хуннуской империи, сохранили своих традиционных вождей (Материалы..., 1968, с.39, 51, 72). Однако вследствие опасения того, что при благоприятной ситуации покорённые племена могут изменить имперскому правительству, хуннуские шаньюи предпочитали, по возможности, ставить во главе подчинённых народов своих наместников, связывали их узами династических браков или заставляли местных правителей присылать своих детей в качестве заложников в ставку шаньюя (Крадин Н.Н., 2001, с.158).

На основании письменных источников не представляется возможным выделение и рассмотрение элитных групп осёдлого населения в структуре империи кочевников, однако их существование можно предполагать вследствие широкого распространения и необходимости земледелия и ремесленного производства для жизнеобеспечения государства. «Признавая земледелие у сюнну, следует в первую очередь подчеркнуть его жизненную необходимость, непрременную обязательность для этого общества; развитие земледелия было важной частью экономической базы древнего государства сюнну» (Давыдова А.В., 1978, с.56). Принимая во внимание данное положение, следует предположить наличие группы людей, занимающих лидирующее положение среди осёдлого населения, а так же имеющее возможность аккумулировать продукты производства. Следует отдельно разобрать контингент лиц, формирующих осёдлое население Хуннуской империи. Большую часть данной категории составляет китайское население, захваченное в процессе военных походов кочевников.

Несомненно, что, сменив место пребывания, китайцы вряд ли изменили свою земледельческую культуру. Кроме зависимого населения к осёдлости были вынуждены переходить обедневшие слои кочевников. Однако явление седентеризации чаще являлась не причиной стратификации, а следствием кризиса номадизма (Крадин Н.Н., 2001, с.167).

Китайские письменные источники не содержат информации относительно структуры и управления осёдлыми поселениями у сюнну. Вследствие этого невозможно восстановить весь аппарат урегулирования процесса производства. Однако учитывая его важность для экономики кочевой империи, возможно предположить, что управление осёдлыми поселениями происходило на самых высоких уровнях власти. Тем не менее, подробная классификация должностной иерархии кочевников, приведённая Н.Н. Крадиным, не предусматривает наличие подобного рода инстанции (Крадин Н.Н., 2001, с.143-167). В связи с этим следует отметить, что по социально-экономическому и юридическому положению, большинство военнопленных не являлись рабами. Их статус был близок к отношению данничества. Однако данничество является формой внешней, а не внутренней эксплуатации. В таком случае, политический статус осёдлого населения хуннуской империи возможно рассматривать как статус зависимого племени, имеющего свою форму общественной организации, администрации и управления. Кроме того, стационарное положение поселений в структуре мобильного образа жизни кочевников предполагает наличие автономности существования данных образований. В таком случае, статус данничества вполне подходит к определению подобной формы общественных отношений. В данном случае наблюдается возникновение социально-политических отношений «двойной элиты», проявляющееся в процессе взаимодействия собственно «земледельческой» элиты и элиты хуннуского общества.

В то же время, управление осёдлыми поселениями возможно рассматривать в рамках уже существующих административных единиц. При этом земледельческие образования попадали в юрисдикцию тех округов, на территории которых они располагались. В таком случае не представляется возможным выделение «земледельческой» элиты, так как в подобной ситуации руководство поселениями возлагалось на кочевых князей, составляющих субэлиту общества.

Следует так же отметить, что в настоящее время ведутся разработки по выделению религиозной элиты в кочевых обществах, в т.ч и в империи хунну (Дашковский П.К., 2005; 2008а,б). На основании письменных источников, возможно сделать вывод, что шаньюй являлся средоточием иррациональной власти (Бичурин Н.Я., 1950, с.52; Дашковский П.К., 2007, с.47; Дашковский П.К., Мейкшан И.А., 2008, с.279; Крадин Н.Н., 2001, с.140; Материалы..., 1968, с.43, 45). В официальных документах шаньюй именовался как "Сын Неба", "Поставленный Небом великий шаньюй хунну", "Небом и Землёй рожденный, Солнцем и Луной поставленный великий шаньюй хунну" (Материалы..., 1968, с.45, 43; Сыма Цянь, 2002, с.336). Из данных титулов видно, что власть шаньюя освящалась наиболее значимыми сакральными объектами - Солнцем, Луной, Небом и Землёй, которые в свою очередь составляют основу системы макрокосмоса кочевников, отражая все жизненно необходимые процессы в окружающем мире (Мейкшан И.А., 2007, с.111-115). В следствии этого, в прерогативу именно шаньюя входили ежедневные поклонения Солнцу и Луне, а так же отправление ежегодных больших жертвоприношений предкам, Небу и Земле, духам людей и небесным духам (Сыма Цянь, 2002, с.330).

Кроме шаньюя, в религиозной системе хунну присутствуют так же шаманы, в обязанности которых входило отправление магических обрядов, а так же общение с душами умерших (Бичурин Н.Я., 1950, с.76, 120). В связи с этим, возникает необходимость разделить сферы культовой практики правителя и избранника духов.

Религиозные функции правителя в кочевом обществе подробно рассмотрены Т.Д. Скрынниковой на примере монгольской империи (Скрынникова Т.Д., 1997). Необходимость включения политического лидера в культовую практику обусловлена его харизмой, небесным избранничеством. При этом следует указать на то, что харизмой, а точнее сказать предрасположенностью к харизме, обладает весь правящий род. Однако её активизация происходит только лишь в процессе инаугурации (Скрынникова Т.Д., 1997, с.106). Н.Н. Крадин так же отмечает, что только в результате обряда инаугурации правитель приобретает свои священные качества, присущие только правителю степной империи (Крадин Н.Н., 2001, с.141).

Таким образом, обязательным условием, при котором происходит включение правителя в культовую практику кочевников, является наличие харизмы. Тем не менее, исследователи отмечают так же моменты, когда религиозные обряды совершаются лицами, не имеющими ни харизмы, ни шаманского посвящения (Скрынникова Т.Д., 1997, с.122). Так Н.Н. Крадин отмечает, что в обществе хунну «в обязанности вождей и старейшин входили хозяйственные, судебные, культовые, фискальные и военные функции». (Крадин Н.Н., 2001, с.151). Объяснение этому возможно найти в природе религиозного действия, выполняемого светским лицом. Само проявление лидерства в той или иной форме свидетельствует об избранничестве. «Их культовые обязанности предопределялись родовыми принципами старшинства, родового первородства, традиционного сакрального права на лидерство, обусловленного исходно системой кровного социального родства» (Скрынникова Т.Д., 1997, с.128).

Таким образом, в религиозной системе хунну возможно выделить два типа светского «жречества» – харизматическое, проявляющееся через правителя империи, который в силу своей харизмы способен проводить религиозные обряды; и традиционное, проявляющееся через представителей родовой знати, которые в силу традиционных устоев включены в культовую практику.

Деятельность шаманов в этом контексте переносится на периферию общества. Если сакральные действия правителя направлены на восстановление мирового порядка в целом, и носят всеобщий характер, то действия шамана индивидуальны, направлены на исправление недостатков в нутрии социума (лечение, гадание и др.).

Несмотря на подобное различие, в деятельности правителя и шамана наблюдается много схожих черт. Наиболее значимой из них является избранность персоны, наделённой сакральным статусом. Однако следует отметить, что избранность правителя по своей природе относится к небесному миру, а избранность шамана – к миру духов. В то же время отмечается и некоторая схожесть шаманского посвящения и обряда инаугурации (Скрынникова Т.Д., 1997, с.106-107). Однако в данном эпизоде сходными являются лишь общие мировоззренческие идеи (представление о мировом древе, идея наличия нескольких миров), тогда как суть является различной. Шаман является избранником духов, и действует только посредством духов-помощников, тогда как правитель является избранником Неба, и действует только посредством силы Неба.

Подобную особенность возможно выявить у хунну на основе письменных источников, где находится упоминание о принесении китайского военачальника в жертву покойным шаньюям. Интересны детали этого происшествия: когда заболела мать шаньюя, «Вэй Люй приказал волхву по вдохновению покойных шаньюев сказать, что хунны прежде, принося жертвы воинам, всегда говорили, что получив Эршиского, должно принести его в жертву» (Бичурин Н.Я., 1950. с.76; Материалы..., 1973, с.22). Самое интересное, что, несмотря на благосклонность самого шаньюя к Эршискому, его всё-таки принесли в жертву. Похожий момент описывается в «Сокровенном сказании» монголов. Во время болезни Угэдэй-хана для его лечения были приглашены шаманы (Скрынникова Т.Д., 1997, с.124). В обоих случаях наблюдается абсолютное бессилие харизматического лидера в отношении тех сфер сакрального пространства, которые находятся вне его компетентности. Однако шаман так же не допускался к участию в ритуалах связанных с культом Неба. Как отмечает В.Н. Басилов, «недопущение шамана к жертвоприношению небесному верховному божеству у качинцев и бельтиров является древней традицией, что шаман не требовался для жертвоприношения лошади небесному богу и у прототюрков (хуннов, тугю)» (Басилов В.Н., 1992, с.23).

Таким образом, в кочевой среде наблюдается разделение культовой практики между правителем и шаманом на основании использования различной сакральной силы для совершения обряда. В связи с этим возникает вопрос выделения лидера в религиозной элите хунну. Однако как показал анализ материала, ни шаньюй, ни шаман не сосредотачивают в своих руках полноту сакральных функций. Тем не менее, если выделять религиозного лидера на основе масштабности значения культового действия, то, несомненно, правитель попадает под данное определение.

Из приведённого материала видно, что религиозная система хунну имела сложный механизм разделения сферы религиозной деятельности между правителем и шаманом. Интересно заметить, что подобное "сакральное двоевластие" прослеживается у многих ко-

чевников центральноазиатских степей. Так, В.В. Трепавлов приводит сведения, согласно которым существование разделения власти на "реального" правителя-вождя, и "номинального" правителя-мудреца наблюдается у многих тюрко-монгольских народов (Трепавлов В.В., 2004). Вследствие этого возникают некоторые трудности в выделении лиц, облечённых сакральной властью, в определённую элитную группу. Для этого необходимо более подробно разобрать природу и функции сакральной власти правителя и шамана.

Первоначально следует проанализировать пути приобретения сакрального статуса правителя в кочевом обществе. Свои священные способности, присущие только правителю степной империи, политический лидер получал в процессе специального обряда инаугурации (Крадин Н.Н., 2002, с.141). Следует отметить, что с хуннского времени и в последующий, тюрко-монгольский, период (VI - XIII вв. н.э.) в кочевом мире окончательно формируется мифологическое обоснование легитимности правителя и его власти (Дашковский П.К., 2007, с.47). Согласно этой системе, 1) Небо и Земля избирают достойного претендента на престол, 2) Небо выбирает, а Земля порождает кандидата на престол, и вместе с Луной и Солнцем они помогают своему избраннику. В итоге, 3) обеспечивается благоприятное развитие политического объединения (Крадин Н.Н., 2002, с.140). Совокупность подобных признаков была недоступна для любого претендента на престол. В связи с этим формируется представление о священном роде, потомки которого обладают небесной харизмой, что в свою очередь отсекало доступ к верховной власти представителям других знатных кланов.

На основе приведённого материала видно, возможность стать правителем степной империи имели лишь представители "золотого" рода, которые обладали определённой харизмой в силу своего происхождения. Таким образом, претендент на престол ещё до обряда инаугурации обладает божественной благодатью священного рода. Имеющиеся реконструкции данного обряда показывают, что он содержит один весьма интересный элемент. В ходе инаугурации, правитель приносит присягу Небу царствовать справедливо, и только после этого совершают ему девятикратное поклонение (Крадин Н.Н., 2002, с.141-142; Скрынникова Т.Д., 1997, с.109-112).

Таким образом, в процессе инаугурации, претендент на власть, обладающий некоторыми магическими способностями в силу своей харизмы, получает право властвовать непосредственно от Неба. Именно обладание властью, освещённой покровительством высших сил, позволяет правителю кочевой империи приобретать нужные для него священные качества.

Однако следует отметить, что сакральный статус шамана, как собственно и его культовая деятельность, сильно отличаются от правителя. Шаман, в процессе инициации переживает символическую смерть и новое рождение. "Пересотворение – главное действие, которое превращает обыкновенного человека в шамана" (Басилов В.Н., 1984, с.55). Таким образом, и правитель и шаман не являются обыкновенными людьми в силу своего происхождения. В то же время, религиозная деятельность шамана в кочевом обществе носит более разнообразный характер. В следствии необходимости отправления религиозных потребностей социума, возможно предположить существование достаточно большого количества шаманов в хуннской империи. Во всяком случае, письменные источники повествуют о том, что шаман потребовал у шаньюя принесения в жертву Эршицкого военачальника, на основании чего возможно сделать вывод о том, что в ставке шаньюя находился по меньшей мере один избранник духов (Бичурин Н.Я., 1950, с.76).

Таким образом, в группу религиозной элиты хуннского общества возможно отнести шаньюя, наиболее значимых и влиятельных шаманов, а так же шаманов, располагавшихся либо в ставке самого правителя, либо при администрации других представителей власти.

Проведённый анализ показал достаточную сложность социальной структуры кочевого общества хунну. На основе имеющегося материала возможно выделить следующие элитные группы в социуме номадов:

1. Верховную, политическую элиту кочевников составляли представители правящего рода во главе с шаньюем. Кроме представителей династии Люаньди в число высшей аристократии так же входили роды Хуянь, Лань и Сюйбу.

2. На второй ступени социальной иерархии находятся князья отдельных округов. Их следует отделять от высшей аристократии. Однако данная категория лиц обладает дос-

таточными властными полномочиями, на основании чего их возможно определить как субэлиты в рамках конкретного региона.

3. Кроме того, предоставляется возможным выделение элитной военной группы, условно обозначенной понятием «старшей» дружины, состоящей из наиболее знатных и опытных воинов.

4. Наиболее образованные иммигранты из Китая могли находиться как в социальной группе субэлиты, а так же в военной аристократии.

5. Кроме того, отметить наличие «двойной элиты» в социальной структуре хунну, проявляющееся в отношении подчинённых племён, входящих в состав Хуннуской империи, и при этом сохранивших своих этноплеменных вождей.

6. На основании письменных источников не представляется возможным выделение и рассмотрение элитных групп осёдлого населения в структуре империи кочевников, однако их существование возможно предполагать вследствие широкого распространения и необходимости земледелия и ремесленного производства для жизнеобеспечения государства.

7. В группу религиозной элиты хуннуского общества возможно отнести шаньюя, наиболее значимых и влиятельных шаманов, а так же шаманов, располагавшихся либо в ставке правителя, либо при администрации других представителей власти.

Следует так же учитывать тот факт, что данные элитные группы находились в постоянном взаимоотношении друг с другом, и выявление связей и отношений между данными группами является необходимым условием для адекватной оценки социально-политического устройства кочевого общества.

Литература

1. Антипина Г.С. Лидерство // Российская социологическая энциклопедия. М., 1999. С. 249-250.
2. Ашин Г.К. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966. 160 с.
3. Ашин Г.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978. 136 с.
4. Ашин Г.К. Современные теории элиты. М., 1985. 256 с.
5. Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов Е.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии: Учебное пособие. М., 1999. 304 с.
6. Байбурин А.К. Сакральное // Религиозные верования: свод этнографических данных. М., 1993. Вып.5. С. 183.
7. Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984. 208 с.
8. Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992. 328 с.
9. Басилов В.Н. Государственные культы // Религиозные верования: свод этнографических данных. М., 1993. Вып.5. С. 60-62.
10. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. М. – Л., 1950. Т.1. 380 с.
11. Бочаров В.В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 15-37.
12. Васютин С.А. К проблеме социальной характеристики кочевых обществ в степях Евразии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул, 1997. С.193-196.
13. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
14. Викторова Л.Л. Процесс сакрализации реального феномена в культуре монгольских кочевников // Сакральное в культуре. Материалы III-их международных Санкт-Петербургских религиозно-этических чтений. СПб., 1997. С. 23-27.
15. Давыдова А.В. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // Советская археология. 1982. №1. С. 132-142.
16. Давыдова А.В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири / Отв. Ред. А.Н. Мандельштам. Л., 1975. С. 141-145.
17. Давыдова А.В. К вопросу о роли осёдлых поселений в кочевом обществе сюнну // Краткие сообщения института археологии. М., 1978. №154. С. 55-59.
18. Данилов С.В. К вопросу о социальной организации кочевых обществ Центральной Азии // Социогенез в Северной Азии / под ред. А.В. Харинского. Иркутск, 2005. Ч.1. С. 233-235.
19. Дашковский П.К. Формирование элиты кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху // Социогенез в Северной Азии / Под ред. А.В. Харинского. Иркутск, 2005. Ч.1. С. 239-246.

20. Дашковский П.К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и Средневековье // Известия АГУ. Серия история. Барнаул, 2007. №4. С. 46-52.
21. Дашковский П.К. Религиозный аспект политической культуры и служители культа у кочевников Центральной Азии в хуннуско-сяньбийско-жужанский период // Известия АГУ. Серия история. Барнаул, 2008а. №4 (2). С.36-45
22. Дашковский П.К. О служителях культа у кыргызов Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008б.
23. Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Актуальные проблемы изучения мировоззрения хунну Центральной Азии // Время и культура в археолого-этнографических древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Западно-Сибирской археолого-географической конференции. Томск, 2008. С. 278-282.
24. Дрыгин М.А. Сакрализация // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. С. 499.
25. Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Кн.2. Улан-Удэ, 2005. С. 23-31.
26. Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учебное пособие. М., 2001. 213 с.
27. Крадин Н.Н. Империя хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 312 с.
28. Крушанов А.А. Элиты теории // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. С. 684-685.
29. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Введ., пер. и прим. В.С. Таскина. Вып.1. М., 1968. 239 с.
30. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Введ., пер. и прим. В.С. Таскина. Вып.2. М., 1973. 250 с.
31. Мейкшан И.А. Титул правителя Хуннуской империи как отражение системы макрокосмоса кочевников // Актуальные проблемы развития социально-политического и религиозного пространства России: сборник статей / Под ред. П.К. Дашковского и Е.В. Притчиной. Барнаул, 2007. Вып.3. С.111-115.
32. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001. 496 с.
33. Петров И.И. Власть // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. С. 97.
34. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М. – Л., 1962. 231 с.
35. Скрынникова Т.Д. Сакральность правителя в представлении монголов XIII в. // Народы Азии и Африки. 1989. №1. С. 67-75.
36. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.
37. Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография \ Под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск, 2005. 312 с.
38. Сыма Цянь. Исторические записки. / Пер. и ком. Р.В. Вяткина. М., 2002. Т.8. 510 с.
39. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.
40. Тишкин А.А. Элиты в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологического материала // Монгольская Империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. С. 43-56.
41. Трепавлов В.В. Вождь и жрец в эпическом фольклоре тюрко-монгольских племён: некоторые особенности традиционной организации власти у кочевников // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. Улан-Удэ, 2004. С. 76-100.
42. Угроватов А.П. Элита политическая // Политология: словарь-справочник / Составитель – автор А.П. Угроватов. Новосибирск, 2006. С. 477-478.
43. Худяков Ю.С. Роль военного дела в социальной стратификации кочевого общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул, 1997. С. 9-11.
44. Худяков Ю.С. Особенности государственного устройства, военной и этносоциальной организации у кочевников Центральной Азии в период гегемонии сямьби и жужаней // Социогенез в Северной Азии / Под ред. А.В. Харинского. Иркутск, 2005. Ч.1. С. 349-355.
37. Черкасов А.И. Инаугурация // Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорин. М., 2001. С. 374.
38. Шабурова О.В. Власть // Современный философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. 3 изд. М., 2004. С. 110-111.
39. Шабурова О.В. Элиты // Современный философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. 3 изд. М., 2004. С. 813-814.
40. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1983. 703 с.
41. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев, 1998.
42. Яблоков И.Н. Сакральное // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С. 499.

Азбелев П.П.
(г. Санкт-Петербург)

ХУННСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТАШТЫКСКОМ ДЕКОРЕ

О хуннском наследии в культуре таштыкских склепов* говорилось не раз, но подробный разбор этих сходных черт на уровне признаков не предпринимался – а значит, не прослежены и пути развития того или иного сопоставляемого элемента от хуннских версий к таштыкским. Между тем без таких работ привычные ссылки на «хуннское наследие» остаются лишь общими словами. Ниже предлагается опыт предварительного анализа некоторых элементов хуннского происхождения в таштыкском декоре – точнее, в декоре цельнолитых пряжек: прежде всего это ажурные полосы псевдомеандра (иногда трактуемого как геометризованное изображение «мирового древа») и извивающиеся змеи. Конечно, этими вариантами не исчерпывается всё разнообразие путей эволюции хуннского декора – речь идёт лишь об одном из аспектов типогенеза таштыкских пряжек, и с участием лишь малой доли «хуннского наследия».

Хуннские традиции в таштыкских материалах представлены искажённо; способы искажения не случайны, они поддаются систематизации. Во всех известных случаях это редукция – либо продольная (сужение трансформируемого элемента), либо поперечная (укорачивание).

1. Продольная редукция: ажурный псевдомеандр.

Ажурные полосы псевдомеандра представлены на пряжках как из склепов, так и из случайных находок. Наиболее выразительная хранится в Эрмитаже – случайная находка из коллекции Вильгельма Радлова (ГЭ ОАВЕС 1123/257). У неё обычная рамка со шпеньком и парой ажурных волют в просвете, но необычный цельнолитой щиток, состоящий из двух частей: сзади – короткой, гладкой, чуть более высокой, спереди – длинной, с ажурным псевдомеандровым узором. На обороте щитка – две типовые для таштыкских пряжек крепёжные скобы (повреждены) и общий для обеих частей невысокий бортик по продольным сторонам (рис.1а – 3).

Аналогов декору этой пряжки не было до публикации материалов могильника Быстрая II, где псевдомеандровый узор встречен на двух находках (Поселянин А.И., 2003, с.276, рис.1 – 10, 36). Первая – пряжка (рис.1а – 4); рамка повреждена, но тип её определяется: овальная без волют и дополнительной прорези у основания. Щиток цельнолитой, с ажурным псевдомеандром и с гладкой площадкой позади него, напоминающей заднюю часть щитка эрмитажной пряжки.

Вторая находка – накладка, состоящая из овальной рамки с Т-образным просветом и двух цельнолитых противопоставленных щитков, один с имитацией заклёпки, другой – с ажурным псевдомеандром, оба с крепёжными скобами на обороте (рис.1а – 5; в публикации вещь названа «псевдопряжкой»; вряд ли это корректно; наметившаяся в последние годы тенденция называть часть таштыкских типов псевдопряжками ведёт к расширительному пониманию этого термина, обычно применяемого к специфичной категории вещей, и без нужды вносит путаницу в терминологию). Ажурная часть пластины и здесь завершается сплошной гладкой площадкой, отделённой от полосы псевдомеандра едва заметным уступом. В данном случае псевдомеандр распознать сложнее из-за литейного брака, сгладившего угловатый рисунок прорезей, отчего рисунок в публикации, к сожалению, неточен и не даёт полного представления об изделии (пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить С.В. Панкову, предоставившую мне используемую здесь достоверную зарисовку быстрианской находки).

* Словами «таштыкская культура» («эпоха») привычно объединяют разнокультурные памятники – грунтовые могилы оглахтинского типа (образующие, с моей точки зрения, оглахтинскую археологическую культуру I-V вв.; см.: Азбелев П.П., 2007) и раннекыргызские склепы (V в. и позднее) – «могилы с бюстовыми масками» по С.А. Теплоухову. В этих заметках под «таштыкскими» подразумеваются лишь традиции культуры склепов.

В дополнение укажу и найденную в обрывках (и соответственно опубликованную частями) золотую обкладку несохранившейся пряжки из органического материала (кожи или дерева) из скл. 2 Ташебинского чаатаса (раск. Е.Д. Паульса, 1990; опубл.: Вадецкая Э.Б., 1999, табл.69 – 2); в точности восстановить её первоначальную форму вряд ли возможно (неясно даже, одного изделия это фрагменты или двух однотипных), но рамка с «обратными» волютами и часть щитка с псевдомеандровыми прорезями опознаются вполне уверенно (в том числе и благодаря сравнению с обсуждаемыми вещами и приводимой ниже находкой из койбальского склепа).

Таким образом, ажурный псевдомеандр эрмитажной пряжки – не единичный случай, можно говорить о существовании особого типа таштыкских щитков, применявшегося как минимум с тремя различными типами рамок: с овальным, Т-образным и ажурно-волютовым просветом. Несомненно, перед нами – редуцированный элемент хуннского происхождения, однако от кого, как и когда он был усвоен таштыкцами? Теоретически этот мотив декора мог проникнуть в культуру таштыкских склепов двумя путями:

а) через минусинские культуры предшествующего времени. Поясные пластины хуннских типов с ажурным псевдомеандром есть как среди случайных минусинских находок, так и в погребальных памятниках тесинского этапа (Комплекс... у горы Тепсей 1979, с.79, рис.52 – 4-6); но в грунтовых могилах оглаhtiнской культуры, непосредственно предшествовавшей культуре таштыкских склепов, нет ни одной находки пластин с ажурным псевдомеандром. Не «стыкуются» с тесинскими бляхами рассматриваемые здесь вещи и типологически.

б) из некоего внешнего источника. Тенденция к сужению (продольной редукции) блях с псевдомеандром за пределами таштыкского ареала документируется находкой ремennого наконечника в огр. XXI Бабашовского могильника в Северной Бактрии (Мандельштам А.М. 1975, с.181, табл.ХХХIII – 7). В этом случае «нестыковка» тоже двойная – хронологическая и территориальная, зато благодаря этой находке выстраивается чёткая типогенетическая последовательность, микропериодизация эволюции хуннского псевдомеандра (рис.1а – 4-7):

I этап: хуннская традиция, две асимметричные полосы псевдомеандра, иногда с зооморфными и другими фигуративными элементами – серия находок в различных областях распространения хуннской культуры;

II этап: одинарная полоса ажурного псевдомеандра – северобактрийский наконечник, спереди закруглённый, сзади прямо срезанный;

III этап: таштыкские цельнолитые щитки с ажурным псевдомеандром – три находки, четвёртая – ташебинская обкладка.

Развитие происходит по линии продольной редукции декора (из двух рядов прорезных фигур остался один); каждый этап отделяется от предыдущего не более чем одним «шагом» развития: от первого этапа ко второму композиция сужается, становится однорядной, от второго к третьему – однорядная композиция воспроизводится на таштыкской пряжке. При этом ни пропорции, ни ориентировка отдельных элементов декора не изменяются.

Чтобы выбрать предпочтительный вариант, нужно учесть историю и других мотивов.

2. Продольная редукция: изображения змей.

Та же тенденция развития декора (продольная редукция) прослеживается и для другого хуннского мотива – извивающихся змей, причём этапы типогенетического процесса накладываются на тот же географический «зигзаг», что и в случае с псевдомеандром:

I этап: ажурное изображение четырёх змей в хуннской традиции, серия находок, представляющих разную степень схематизации мотива (рис.1б – 1; см. также: Minyaev S.S., 2000, fig.2).

II этап: одинарная змеистая рубчатая «нервюра» по оси наконечника ремня, европейские гунны (Werner J., 1956, Taf.27 – 1, 2; 53, 10; Taf.64 – 7, 8, 12, 17 etc.; данный элемент не следует путать с зигзагом, это другой тип декора, образуемый взаимовписанными рядами треугольных зубцов; отличие – в чёткости углов, ср. там же: Taf.29 – 1). Помимо общей редукции декора, здесь он ещё и реализован в иной технике (рис.1б – 2).

III этап: в таштыкской культуре – сходная одинарная змеистая линия, но уже на щитке пряжки – точнее, на золотой обкладке пряжки из склепа Койбальского чаатаса (рис.1б – 3; раск. Л.Р. Кызласова, 1970; материалы в ГМИНВ; см. также: Вадецкая Э.Б., 1999, с.259-260); здесь вдобавок заметна имитация рубчатости «нервюры» и продольных сто-

рон щитка. Фон разделан асимметричными воллютообразными фигурами; этот редкий орнаментальный мотив имеет (в отличие от композиции в целом) точные соответствия в местной традиции декора – например, на резном изделии из трубчатой кости (рис.16 – 4), отнесённом И.Л. Кызласовым к аскизской культуре, но, как показывает приведённая аналогия, скорее таштыкском (ГЭ ОАВЕС 1126/470; Кызласов И.Л., 1983, с.43, рис.23 – 12); стилистически близкие одиночные тонкие завитки нередко встречаются и на других таштыкских изделиях. Функционально койбальская обкладка аналогична упомянутой выше фрагментированной ташебинской находке; она остаётся пока единственным примером сохранения хуннского мотива «змеистых линий» в таштыкском декоре, но её существованием документируется сам факт присутствия рудиментарного хуннского элемента.

Может быть, здесь нужно упомянуть ещё одну таштыкскую пряжку с продольной рубчатой нервюрой на щитке, но уже спрямлённой (Июс; раск. Н.А. Боковенко; публ.: Вадецкая Э.Б., 1999, табл.9 – 5, слева) – сходные элементы и в этом случае есть на европейских гуннских наконечниках (типа: Werner J., 1956, Taf.52 – 1; Taf.64 – 13), но из-за различия в технике исполнения и крайней простоты элемента аналогия тут слабее.

Если в случае с псевдомеандром исходная ажурность сохраняется до конца, то в случае со змеистой линией ажурность (как и фигуративность) утрачивается и более не восстанавливается, а элементы композиции развиваются далее уже под влиянием технологий новой культурной среды – происходит своего рода «накопление ошибки», свойственное вторичным типам; словом, в деталях типогенетическая связь выглядит сложнее. Но если не учитывать второстепенные технологические обстоятельства и рассматривать эволюцию лишь геометрической основы, доминанты мотива – «синусоидальной» линии – то видно, что каждый этап отделён от предыдущего теми же шагами развития, что и в случае с псевдомеандром; в обоих случаях композиции редуцированы до одного ряда и асимметричны относительно продольной оси изделия – срабатывает одна и та же закономерность развития декора. Эта общность развития служит подтверждением самой сопоставимости разновременных и разнокультурных мотивов змеистой линии в декоре наременных принадлежностей.

Второй этап этого процесса, представленный западными находками и типологически промежуточный между хуннскими прототипами и таштыкскими пряжками, «сшивает» предложенные типогенетические ряды (микропериодизации), дополнительно синхронизирует их, но и вызывает вопросы. Показательны ли вещи, найденные вдали от Южной Сибири? На мой взгляд – безусловно: ведь даже уникальное изделие самим фактом своего существования удостоверяет наличие тенденции восприятия и искажения заимствуемого декоративного мотива, а в материалах «тёмных веков» значима каждая вещь. Вопрос не в том, показательны ли редкие находки, а в том, каково их типолого-хронологическое соотношение. В обоих случаях приводятся предметы, не имеющие на западе местных прототипов и объяснимые лишь с учётом азиатских, изначально хуннских влияний ранних этапов Великого переселения народов.

Продольное редуцирование могло быть спровоцировано функционально. Узкие мелкие наконечники, которыми представлен II этап развития декора, использовались не с поясными, а с обувными или сбруйными ремнями (Амброз А.К., 1989, с.31-33), и не исключено, что соответствующая редукция декора была обусловлена в том числе и этим обстоятельством. Будучи вырван из своего «родного» культурного контекста, редуцированный хуннский декор далее развивался независимо от исходной среды.

Логика типогенеза подталкивает к выводу о том, что промежуточные изделия второго этапа, найденные на западе, указывают исходную точку «обратных» влияний или даже миграций, приведших к появлению постхуннских элементов декора в культуре таштыкских склепов. Так ли это? Может быть, однорядные продольно-редуцированные постхуннские элементы появились около рубежа н.э. ещё в Центральной Азии (где пока не представлены среди археологических материалов), а затем независимо попали как на запад, так и к будущим таштыкцам? Это, разумеется, не исключено. Тенденция к сокращению, симметризации, геометризации декора существовала уже в самой хуннской культуре: короткие ажурные ступенчатые бляхи (типа: Давыдова А.В., Миняев С.С., 1993, с.65, рис.6 – 2, 4, 6 и т.п.; см. рис.2 – 3), парные симметричные S-образные элементы с головками птиц или

грифонов (Коновалов П.Б., 1976, табл. XXI – 5; Давыдова А.В., 1985, с. 106, рис. XIII – 17, 18), не говоря уже о стандартной симметричности блях со змеистыми узорами, с изображением бычьей головы и др. (о геометризации см. также: Миняев С.С., 1995; Minyaev S.S., 2000). Неточное восприятие хуннских типов должно было породить дериваты, упрощённо, с утратой понимания имитирующие хуннские композиции; так, на Среднем Енисее известна находка петлеобразной железной пряжки тесинского этапа с одинарной змеистой «нервурой» на пластине, закрывающей просвет рамки – Каменка III, мог. 346 (ГЭ ОАВЕС 2621/52). И хотя возвести таштыкские пряжки к тесинским типологически невозможно, такие находки всё же «размывают» чёткость географического распределения этапов редукции хуннского декора и удерживают от категорических окончательных выводов.

3. Типогенетический аспект.

Щитки цельнолитых таштыкских пряжек воспроизводят ременные наконечники, как бы «прилипшие» к удлинённым овально-трапециевидным рамкам, занесённым в Центральную Азию с запада где-то в III-IV вв. Этот тезис, выдвинутый мною ещё в 1992 году (Азбелев П.П., 1992, с. 49), теперь доказан одной из быстрианских находок, представляющей собой цельнолитую имитацию известной в Сибири по балыктыюльским (рис. 1в – 4; по: Сорокин С.С., 1977, с. 63, рис. 6 – 8) и менее выразительным кокзельским находкам «шарнирной» композиции из овально-трапециевидной рамки с пластинчатыми обоями. Эта вещь доказывает и саму связь между рамчатыми и цельнолитыми пряжками, и направление этой связи (рис. 1в, типогенетические ряды: 3-2-1, 4-5-6). Не исключено, что продольно-редуцированные постхуннские элементы декора, представленные западными наконечниками, были возвращены в Центральную Азию уже «в комплекте» с прототаштыкскими рамчатыми пряжками. Такие рамки известны не только на Алтае и в Туве, но и среди случайных находок на Среднем Енисее (Тетерин Ю.В., 1999, рис. 2 – 6).

Западные связи таштыкской культуры видны и по другим вещам, прежде всего по язычковым пряжкам с В-образными и округлыми рамками, имеющим прямые западные аналоги предтюрокского (по азиатской шкале), или гуннского (по европейской шкале) времени, и по шпеньковым трапециевидным рамкам, имеющим на западе поздне римские прототипы. Неясно, проникали они в Центральную Азию «инфильтрационно», накапливаясь, или же, что вероятнее, были принесены единовременно – но в целом западные компоненты в культуре таштыкских склепов безусловны, и относить к их числу ещё и продольно-редуцированные «постхуннские» элементы декора небезосновательно.

В целом вариант с инокультурным промежуточным этапом предпочтительнее версии местного «прямого наследования». Но утверждать, что географический «зигзаг» эволюции хуннского декора соответствовал реальной исторической миграции с запада на восток, пока рано. Несомненно, что сами таштыкские типы сложились в Центральной Азии при взаимодействии местных и западных компонентов, но детализация состава этих компонентов и истории их взаимодействия – всё-таки дело будущего.

4. Поперечная редукция.

Хуннские элементы в декоре таштыкских щитков не сводятся к асимметричным продольно-редуцированным композициям. Немногочисленные сибирские находки пластин хуннского типа с двойным и уже симметричным, порой искажённым псевдомеандром (рис. 2 – 7-9) демонстрируют не только продольную, но и поперечную редукцию – сокращение длины пластин и числа ажурных элементов при сохранении двухрядности декора. В отличие от продольной, поперечная редукция сопровождается симметризацией, искажением пропорций и ориентировки отдельных элементов декора. В западных культурах этот вид искажения хуннских мотивов не замечен.

В таштыкской культуре поперечное редукционирование привело к появлению округлых ажурных щитков, свойственных одному из специфически таштыкских типов пряжек (рис. 2 – 10-14). Л.Р. Кызласов решил, что эта ажурная композиция изображает птицу ласточку (Кызласов Л.Р., 1960, с. 36-37), но предлагаемая на рис. 2 последовательность (1-2) – (7-9) – (10-13) показывает, что в основе декора лежит геометрический хуннский мотив. Впрочем, «птичья» линия сопоставлений здесь тоже работает; И.И. Таштандинов показывал

мне округлощитковую пряжку с выпуклым изображением распростёртого орла – то есть таштыкцы порой творчески обыгрывали случайное сходство редуцированного хуннского мотива с популярным тамгообразным знаком.

Поперечно редуцированию подвергались и другие типы хуннского декора. На Тепсее найдена бляха с изображением бычьей головы (рис.2 – 6, по: Комплекс... у горы Тепсей, 1979, с.79, рис.52 – 2), искажённым настолько, что распознать голову быка можно лишь в сопоставлении этой бляхи с хуннскими прототипами (рис.2 – 4-5). Этот хуннский мотив в позднейшей таштыкской культуре не отразился (по крайней мере, щитков с чем-либо, напоминающим бычью голову, в склепах пока не находили), но показательно совпадение тенденций трансформации как элементов декора, так и общего контура изделий.

Вероятная микропериодизация данного типа эволюции декора в целом соотносима с ранее предложенными, хотя уже без «географического зигзага»:

I этап: асимметричная хуннская композиция;

II этап: симметризованная и укороченная композиция (дериваты вроде рис.2 – 7-9);

III этап: симметричная укороченная пластина накладывается на щиток (т.е. реализуется общий для таштыкской культуры типогенетический механизм), образуется тип таштыкских округлощитковых пряжек.

На II этапе иногда фиксируется зеркальное отражение отдельных элементов псевдомеандра – симметризация шла не только по основной продольной, но и по дополнительным поперечным осям (рис.2 – 7). Это явление формально соотносимо с вариабельностью ориентировки бычьей головы на хуннских пластинах другого типа (рис.2 – 4, 5); точно так же варьируется и разворот головы дракона, ср. алтайский дериват с Яломана и «классическую» композицию (рис.3, ср. 1-2 и 3); как равно-, так и противоположены бывают и изображения змей. Всё это ещё раз свидетельствует о том, что реализованные в «постхуннских» типах тенденции были заложены уже в самой культуре хунну. То же касается и ступенчатости контура одного из типов ажурных блях (ср. рис.2 – 3 и 9 – дериват объединяет признаки, в исходной культуре присутствующие, но не совмещаемые).

5. Заключение.

Таким образом, сопоставление даже малого числа редких находок позволяет заключить, что хуннские по происхождению элементы декора таштыкских пряжек нужно дифференцировать, разделяя местные сибирские – укороченные поперечно-редуцированные – и «возвращённые с запада» (или центральноазиатские) удлинённые продольно-редуцированные композиции, распадающиеся, в свою очередь, на две версии – ажурную псевдомеандровую и сплошную змеистую. Вместе с тем есть и общие закономерности развития декора: он упрощается, геометризируется, редуцируется, проходя в разных вариантах и на разных территориях одни и те же этапы, стадии трансформации:

I этап – первичное распространение хуннских типов;

II этап – редукция декора на изделиях-дериватах, продольная или поперечная, ещё без совмещения с новыми типами;

III этап – совмещение редуцированных версий декора с местными типами пряжек.

В разных культурах на основе заимствованных хуннских традиций складывались вторичные «постхуннские» типы-дериваты, развивавшиеся и распространявшиеся затем уже вне всякой связи с хуннской историей.

Рассмотренные пути развития хуннского декора становятся понятнее в сравнении с его же отголосками в позднейших китайских находках. Цивилизация, в отличие от «северных варваров», развивала прежде всего фигуративные композиции. Например, показательное сопоставление хуннских пластин и их дериватов с изображением свернувшегося дракона (рис.3 – 1-3) (иногда их «читают» как изображения ящериц, но детализированные изображения не оставляют сомнений в том, что имеется в виду всё же именно дракон) и монопластинчатых китайских и корейских пряжек времён Шести династий (в Китае; в Корее это эпоха Трёх царств), уже язычковых и со скошенной передней стороной рамки (рис.3 – 4, 5), представленных каменными и металлическими экземплярами (см., напр.: китайские золотые – Miho Museum, 1998, pp.60-61, no 22, и Rawson J., 1995, fig.2, со ссылкой на Sun Ji, 1994, figs 6 – 3; китайская нефритовая – Rawson J., 1995,

fig.3, со ссылкой на Sun Ji, 1994, figs 8 – 2; золотая корейская: Воробьёв М.В. 1961, рис. XXIII – 2). При сохранении сюжетной основы изображения и общего петлеобразного (или, по терминологии С.С. Миняева, с прямоугольным выступом, with rectangular protrusion) контура пластины-пряжки изменяется её ориентация: судя по декору, хуннские пряжки с драконами предназначены для вертикального (м.б., портупейного?) ремня, китайские – для горизонтального, поясного; соответственно развёрнуто и изображение сказочной твари, причём оно не редуцируется, а наоборот, гипертрофируется, вписывается в новый контекст, дополняется изображениями вихревых облаков, мелких дракончиков, птичьих головок и др. Такие пряжки, несмотря на трудоёмкость их изготовления, серийны и удивительно схожи между собой – отличия видны лишь во второстепенных деталях: по-разному оформлен кант внешнего края пластины и передний скос рамки, обыграно гнездо для язычка (напр., изображением распластанной птицы, головой и клювом которой оказывается язычок пряжки – см. рис.3 – 4), у драконов чуть иначе развёрнуты головы, по-разному забит мелкими фигурками фон и т.п. Из двух вариантов разворота головы дракона на хуннских пряжках и их дериватах (к переднему или заднему краю рамки) в позднейших китайских материалах замечен лишь первый. Китайская линия развития хуннского декора отражает совершенно иные, чем у «северных варваров», закономерности переосмысления образа и трансформации облика вещи-носителя изображений.

Если в цивилизационных культурах хуннские образы обогащались и переосмысливались на основе местных традиций, то в варварских – наоборот, деградировали и редуцировались в рамках, predetermined «типогенетическим потенциалом» самой же хуннской культуры. Сложно-фигуративные элементы декора хуннских поясных пластин, в отличие от простейших и геометризованных, не нашли продолжения ни в таштыкских материалах, ни в материалах других «варварских» культур.

История рассмотренных версий редуцированного «постхуннского» декора показывает, что типы, разнесённые на рубеже эр по степи в ходе хуннской экспансии и вызванной ею цепной миграции степных племён, трансформировались в разных регионах Евразии по-разному, чтобы затем (не позднее V в.) по прихоти судьбы вновь собраться воедино, образуя своеобразные и неповторимые таштыкские композиции декора фурнитуры.

Подчеркну два наиболее существенных вывода. *Во-первых*, редуцированные хуннские мотивы представлены лишь на изделиях, относящихся к раннекыргызской культуре таштыкских склепов, «могил с бюстовыми масками» по Теплоухову, но совершенно не встречаются в комплексах предшествующей оглахтинской культуры (грунтовых могилах) – ещё одно свидетельство разнокультурности этих типов памятников; а *во-вторых*, хуннское наследие в культуре таштыкских склепов опосредовано в прослеженных выше рядах теми или иными промежуточными звеньями, хронологически «параллельными» оглахтинской традиции, но известными лишь за пределами Южной Сибири.

Наконец, отдельного внимания заслуживает типологически предполагаемое возвращение части «постхуннских» типов II этапа с запада на восток, в Центральную Азию и Южную Сибирь; эта вероятность должна рассматриваться на фоне появления в предтюркскую эпоху на востоке памятников с западными признаками – таковы Тугозвоново, Балыктыюль, погребение № 688 на могильнике Сопка II, тепсейские и вообще таштыкские гравированные изображения катафрактариев с «орлатскими» чертами, и т.д. (подробнее об этом историко-культурном фоне и связанной с ним *гипотезе об охране согдийских караванов* см.: Азбелев П.П., 2008) Изучение историко-культурных процессов, стоящих за этими памятниками, откроет немало нового в истории «тёмных веков» – первой половины I тыс. н.э.

Литература

1. Азбелев П.П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II. Красноярск, 1992. С.48-52.
2. Азбелев П.П. Оглахтинская культура // Вестник СПбГУ, серия 6, 2007. Вып. 4. С.381-388.
3. Азбелев П.П. Первые кыргызы на Енисее // Вестник СПбГУ, серия 12, 2008. Вып. 4.
4. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М., 1989. 134 с.
5. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб, 1999. 440 с.

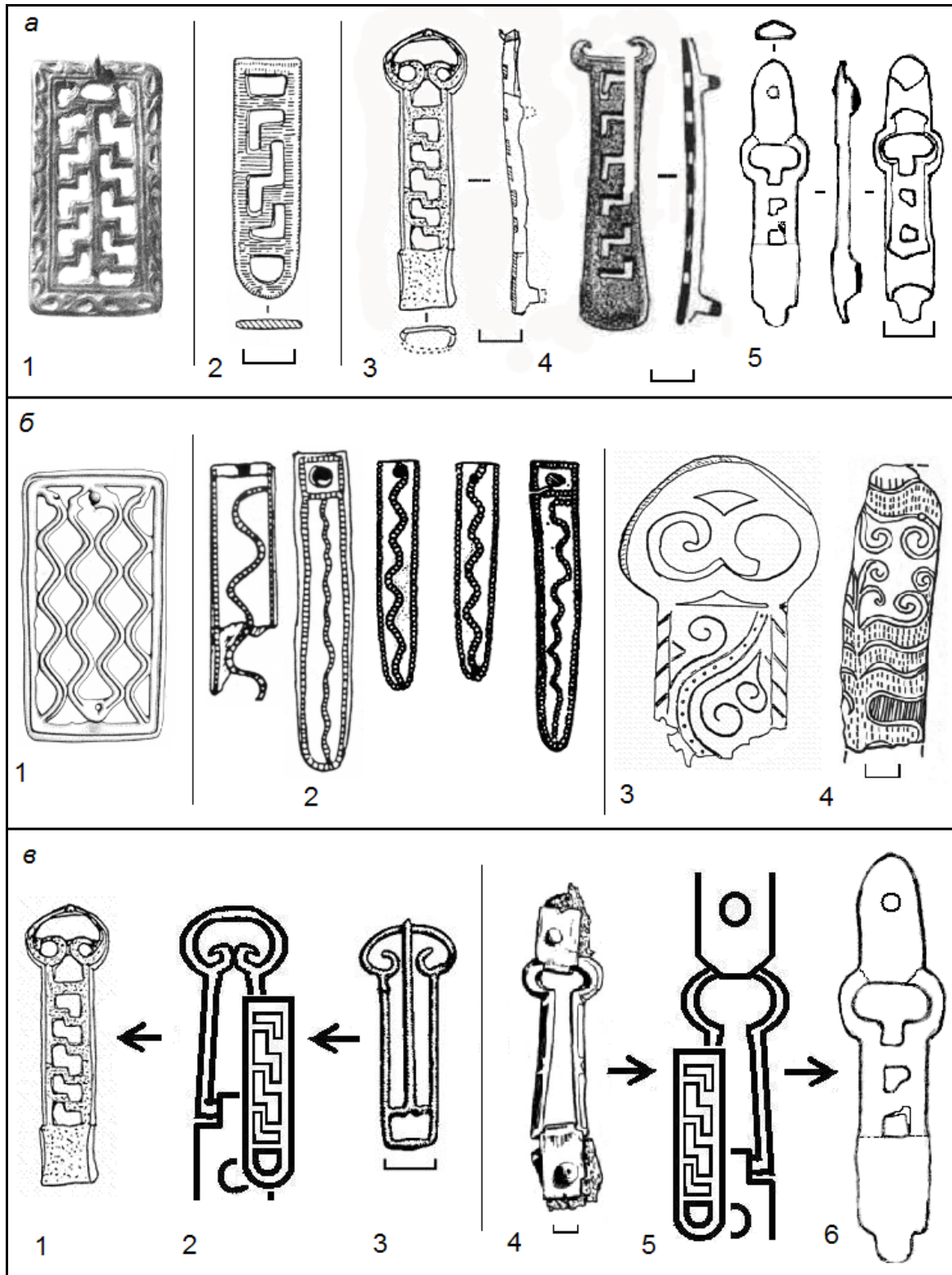

Рис.1

Продольная редукция хуннского декора.

а) псевдомеандр: сужение асимметричного щитка (1, 2, 4 – по С.С. Миняеву, А.М. Мандельштаму, А.И. Поселянину; 3 – ГЭ ОАВЕС 1123/257, рис. автора; 5 – эскиз С.В. Панковой; всё бронза). б) змеи: сужение асимметричного щитка: 1-3 (бронза, золото) – по М.А. Дэвлет, И. Вернеру, И.П. Засецкой, И.И. Таштандинову; 4 (резная кость) – аналогия для двойных асимметричных завитков, рис. по И.Л. Кызласову. в) Типогенетическая схема для пряжек с ажурным псевдомеандровым узором. Масштаб разный.

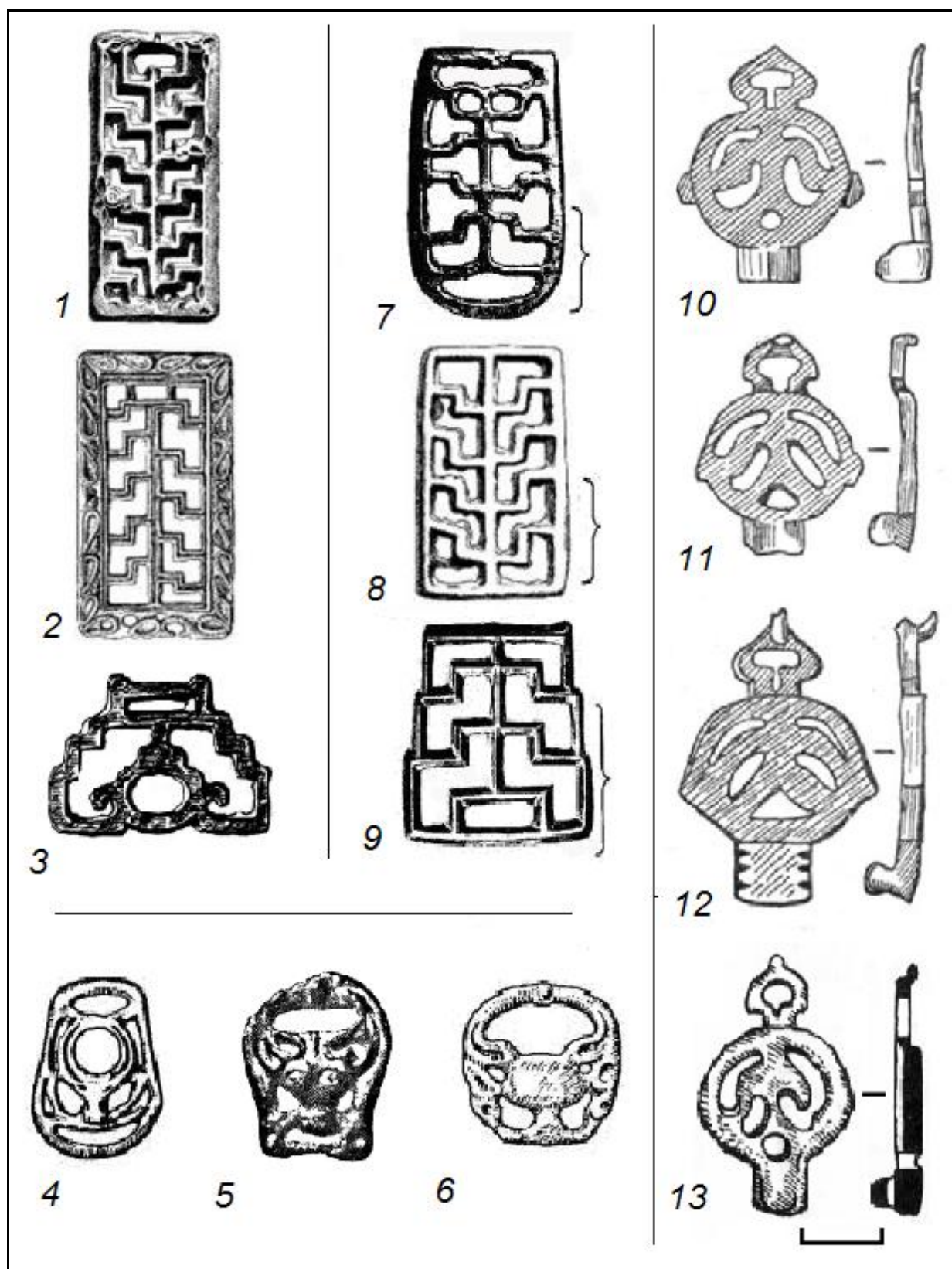

Рис.2

Поперечная редукция хуннского декора.

1-5 – хуннские типы (I этап); 6-9 – дериваты хуннских типов (II этап); 10-14 – таштыкская культура (III этап). По А.В. Давыдовой, С.С. Миняеву, М.А. Дэвлет, М.Н. Пшеницыной, Л.Р. Кызласову, Э.Б. Вадецкой. Всё бронза. Масштаб разный.

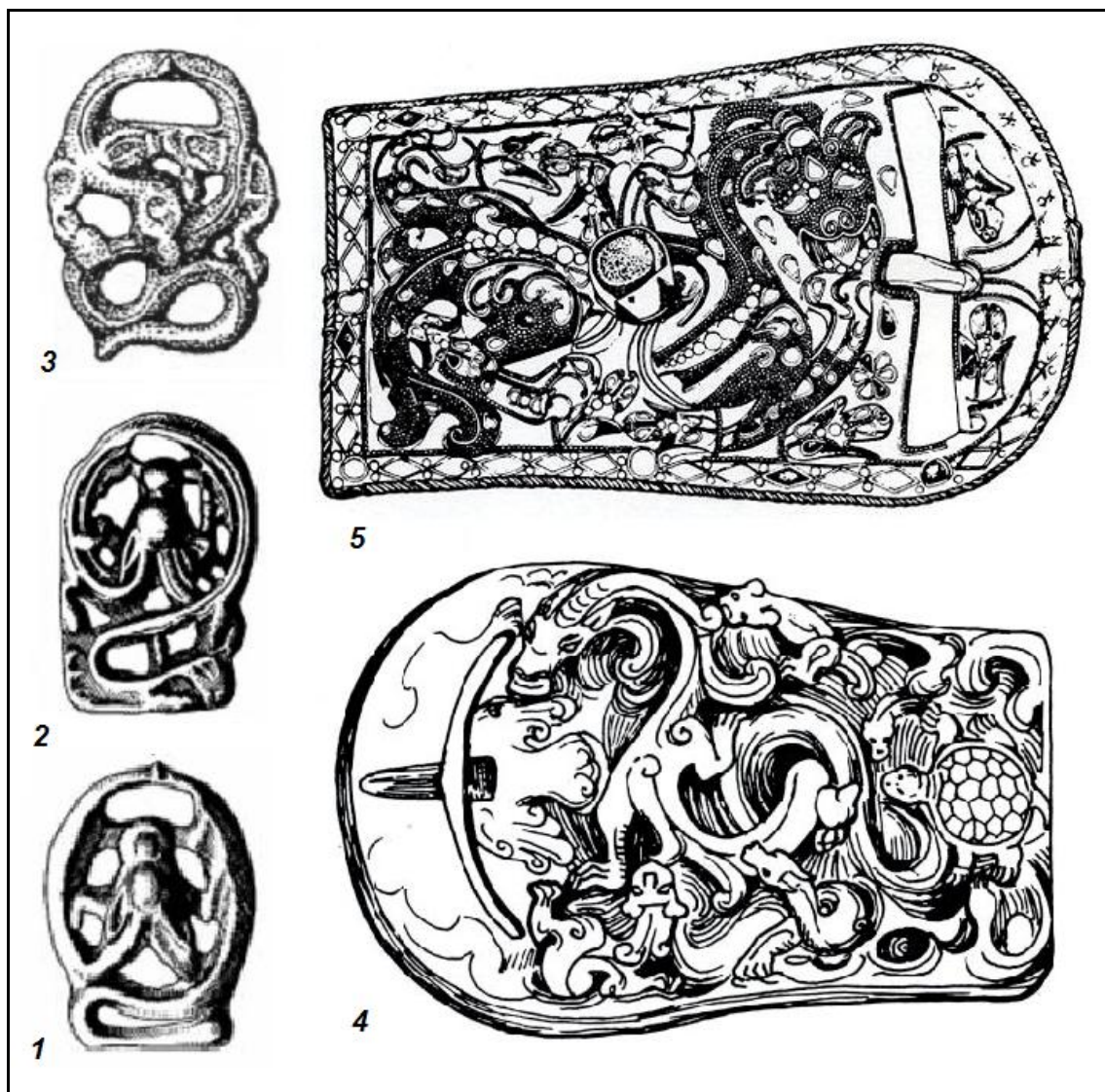

Рис.3

Пряжки с драконами.

Хуннское время: 1-3 (бронза) – по С.С. Миняеву, А.А. Тишкину.

Эпоха Шести династий: 4 (золото), 5 (нефрит) – по J. Rawson.

Масштаб разный.

6. Воробьёв М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк). М., 1961. 194 с.
7. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. 111 с.
8. Давыдова А.В., Миняев С.С. Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике // Археологические вести, вып. 2. СПб, 1993. С.55-65.
9. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. 167 с.
10. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976. 248 с.
11. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X-XIV вв. / САИ Е3-18. М., 1983. 128 с.
12. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. 198 с.
13. Мандельштам А.М. Памятники кушанского времени в Северной Бактрии. / Тр. ТАЭ, т. VII. Л., 1975.
14. Миняев С.С. Новейшие находки художественной бронзы и проблема формирования «геометрического стиля» в искусстве сюнну // Археологические вести № 4. СПб, 1995. С.123-136.

15. Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая II на Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб, 2003. Книга II. С.274-278.
16. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ, вып. 18. Л., 1977. С.57-67.
17. Тетерин Ю.В. Центральноеазиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С.7-10.
18. Miho Museum. The 1st Anniversary Exhibition. The Miho Museum, 1998.
19. Minyaev S. The origins of the «Geometric Style» in Hsiungnu art // BAR International series 890. London, 2000.
20. Rawson J. Chinese Jade from the Neolithic to the Qing, London, 1995.
21. Sun Ji. Xian Qin, Han, Jin yaodai yong jin yin daikou // Wenwu, 1994. pp.50-64.
22. Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

Маточкин Е.П., Маточкин П.Е.
(г. Новосибирск)

ПЕТРОГЛИФЫ РЕЧКИ ДЕБЕЛЮ

23 марта 2007 года мы изучали наскальные изображения в долине небольшой речки Дебелю, впадающей в Катунь в двух километрах выше села Инегень Онгудайского района Республики Алтай. В устье этого правого притока Катуня находится зимняя стоянка. Местный животновод Сумер Туктушев сообщил нам, что на высоком правом берегу Дебелю возле осыпного кулуара, выделяющегося светло-зелёным цветом, есть наскальные рисунки. Подъём к ним составил около 300 метров, а подход к краю крутого кулуара оказался достаточно опасным. Здесь мы обнаружили компактный петроглифический памятник, состоящий из 4-х участков. Его географические координаты по GPS-приёмнику следующие: N – 50°17,077'; E – 086°44,121'; высота 1120 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Первые три участка с резными рисунками находятся возле тропы на небольшом скалистом массиве, сложенном из глинистых сланцев. 4-й участок с выбитыми петроглифами расположен в 8 м южнее и в 3 м ниже у самого кулуара также на сланцевой плите, покрытой корочкой загара.

1-й участок – небольшая плита, на высоте около метра; ориентация юго-восточная. На ней однолинейным способом схематично процарапаны две лошади, человек, два шеста и аил. Зооморфные фигуры даны в профиль, антропоморфная – в фас. В целом стилистика рисунков соотносится с изображениями этнографического времени. Нельзя не отметить здесь характерный приём в обрисовке копыт с помощью кружков. Линии контуров достаточно патинизированы. Голова верхней лошади оказалась под лишайником. Это свидетельствует о том, что рисунок был создан, вероятно, 100–200 лет назад.

2-й участок находится на той же высоте от земли, что и участок 1 и отстоит от него на 0,8 м. Ориентация та же. Рисунки выполнены с помощью процарапанных линий. Представлена многофигурная сцена переколёвки табуна лошадей и других домашних животных, сопровождаемых всадником и идущим человеком. Все изображения профильные, с направлением движения к верховьям реки. Композиция создавалась в течение некоторого времени и разными людьми, поскольку фигуры животных отличаются стилистически, а также различной глубиной линий. Вероятно, эти петроглифы появились в XX веке. В тот момент, когда мы копировали рисунки, с верховьев Дебелю возвращались с зимовья чабаны с лошадьми и отарой овец. Наблюдаемая нами картина как раз соответствовала сцене, выгравированной на скале.

В 20 см ниже процарапан рисунок алтайки на коне. Это одиночное изображение крупнее вышерасположенных фигур и обрисовано подробнее. Художник очертил «крылья» чегедека, детали костюма и даже черты лица. Лошадь показана в профиль, алтайка – в фас, хотя головной убор дан в профильной проекции. Время создания петроглифа, – вероятно, тот же XX век.

В 30 см южнее сцены перекочёвки на высоте 1 м процарапано изображение лошади с развевающейся гривой. Рисунок профильный, в нём меньше условного схематизма и больше стремления к реалистической трактовке образа.

Участок 3 расположен у самой земли в полуметре на юг от участка 2. Здесь представлены две фигурки животных. Художник схематично, несколькими линиями изобразил животных с длинными узкими шеями, возможно, лошадей. Время их создания, по-видимому, совпадает с хронологией сцены перекочёвки.

На участке 4 также были нанесены граффити, но они в настоящее время практически не видны. Выбитые же рисунки достаточно интересны и оригинальны. Всего здесь обнаружено семь отдельных изображений, а также несколько аморфных пятен.

В верхней части плиты просматриваются два динамичных изображения. Они выполнены в технике мелкоточечной выбивки и прошлифованы по силуэту. Левое изображение – это, по-видимому, мчащийся бык; правое, расположенное диагонально, – летящий олень с характерной для скифского времени пластической обрисовкой. У него очень длинная шея, короткая тонкая нога и такой же хвостик. К сожалению, вытянутый клюв пугалицы оказался утраченным из-за скола плиты.

Под ними выбиты два козла с длинными дугообразными рогами. Их направление движения противоположно всем другим животным. Выбивка здесь также мелкоточечная, однако не столь аккуратная и не прошлифованная. Линии рисунка грациозны, но уже менее изящны. Всё это свидетельствует о том, что фигуры козлов появились, вероятно, в гунно-сарматское время.

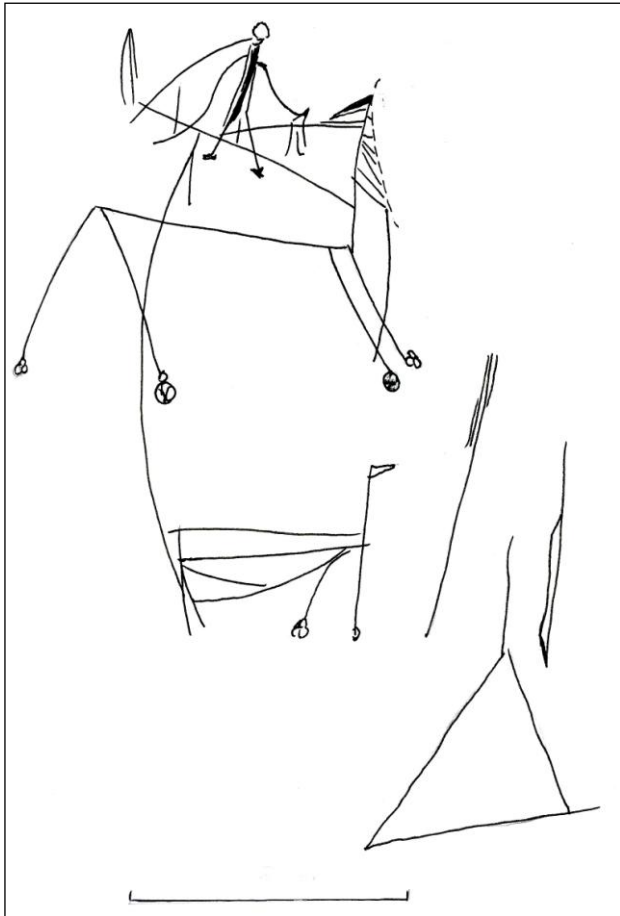

Рис.1

Петроглифы речки Дебелю. Участок 1.
Шкала 5 см.

В левой части участка 4 изображена жанровая сценка с двумя собаками и хищником, уносящим ягнёнка в своей пасти. Сюжет этот необычайно злободневен для здешних чабанов, поскольку нередко по ночам волки нападают на овец. Выбивка здесь более глубокая и не такая мелкая, как в других случаях.

Ясно, что композиция с хищником появилась позднее предыдущих выбитых петроглифов. А живость в обрисовке собак, более реальное осмысление пространства, в котором акцентируются различные направления на плоскости, говорит о том, что эти изображения появились в эпоху средневековья, быть может, в древнетюркское время.

В целом можно сказать, что петроглифы речки Дебелю отразили характерные реальные эпизоды из жизни скотоводов Алтая, начиная со времени ранних кочевников. Уникальная композиция с преследованием хищника собаками и сцена перекочёвки – замечательные художественные памятники Горного Алтая.

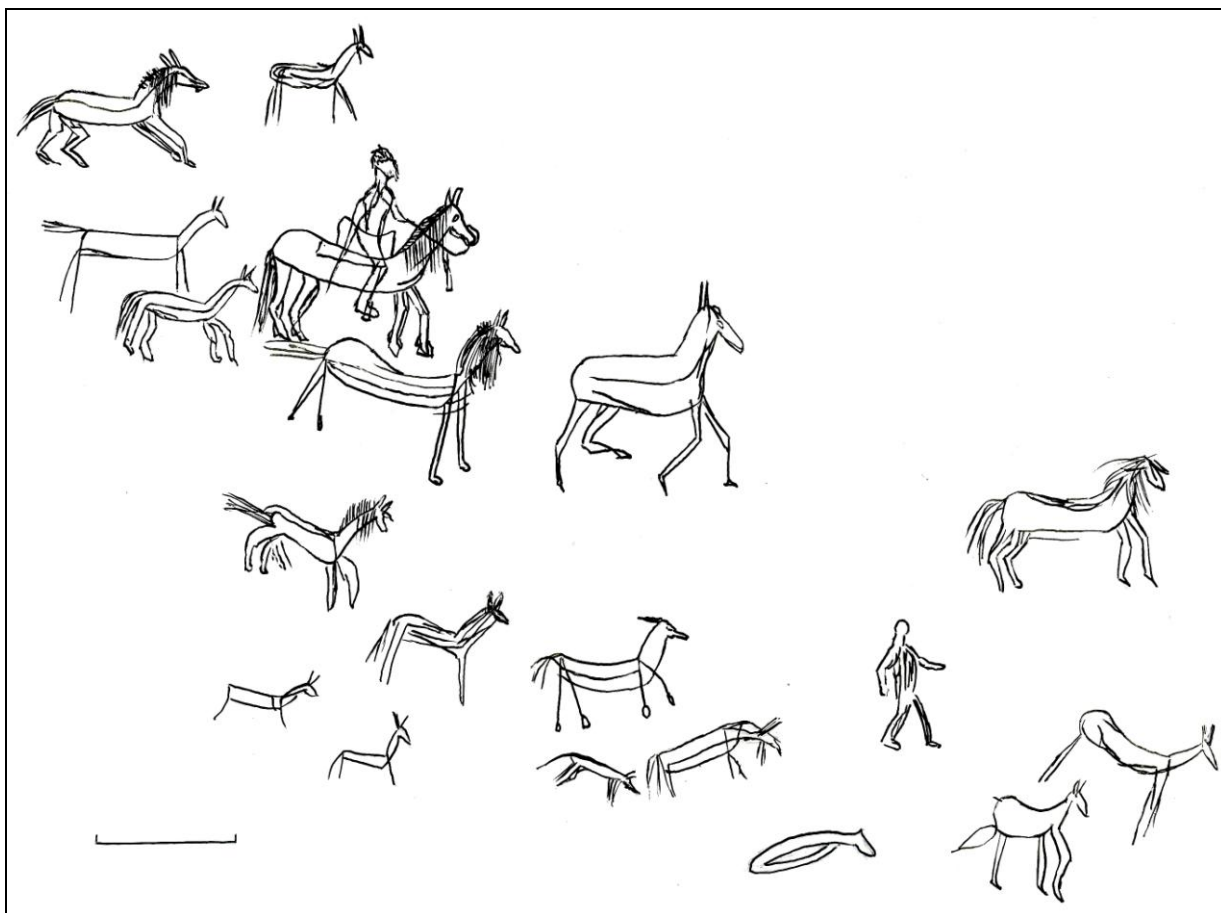

Рис.2

Петроглифы реки Дебелю. Участок 2. Сцена перекочёвки. Шкала 5 см.

Рис.3

Петроглифы реки Дебелю. Участок 2. Алтайка на лошади. Шкала 5 см.

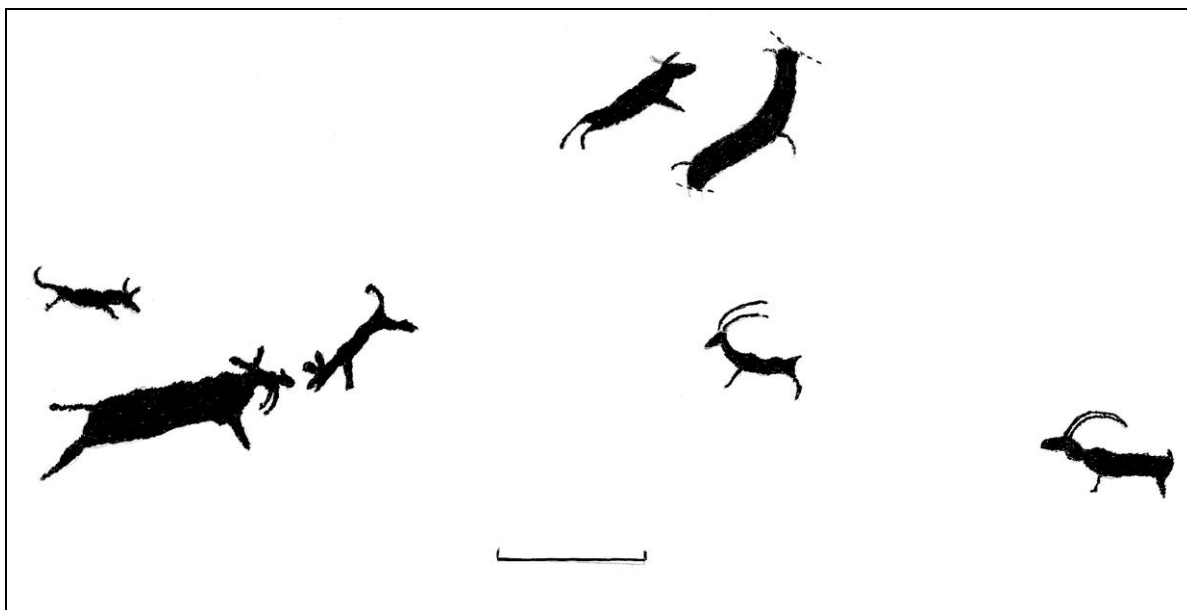

Рис.4
Выбитые петроглифы реки Дебелю. Участок 4. Шкала 5 см.

Самаев Г.П.
(г. Горно-Алтайск)

УКРЕПЛЕНИЯ УЙТТУ-КАИ, ТООЛОКА И АРТАЛА

В марте 2008 г. в связи с подготовкой администрацией Улаганского района книги, посвященной истории, культуре и природе района, была предпринята попытка найти оборонительные сооружения XVII – XVIII вв., о существовании которых было известно по архивным источникам и народным преданиям.

Согласно архивным данным, в марте 1754 г. на Телецком озере побывал сборщик ясака из Кузнецкой крепости Алексей Бутримов. По его сведениям, полученным от телесцев, телесцы вместе с «саянскими людьми» построили для защиты от цинских войск две «крепости». Одна находилась «за Телеским озером на Усть Чолушману», а другая была расположена примерно в сорока верстах от устья реки Чолушмана (Самаев Г.П., 1991, с. 106; Международные отношения..., с. 21-22).

Указанные «крепости» были построены, видимо, в предыдущем году. В 1753 г. военные отряды Цинской империи начали совершать походы на земли Джунгарского ханства, расположенные в бассейне реки Кобдо (Моисеев В.А., 1983, с. 55-56). Продвигаясь на север, цинские войска могли проникнуть в Чолушманскую долину.

О месте расположения одной «крепости» В.М. Адагызову, местному краеведу и представителю администрации района, занятому подготовкой вышеуказанной книги, было известно со слов его отца, М.И. Адагызова, 1928 года рождения, который говорил, что согласно народному преданию, в той «крепости» теленгиты оборонялись от «китайцев». В 2007 г. В.М. Адагызов нашел эту «крепость» на указанном отцом месте: на правом берегу реки Чолуш-

мана напротив скалы Уйтту-Кая, которая расположена на правом берегу. Надо заметить, что название Уйтту-Кая распространяется на всю прилегающую окрестность. На этот раз экспедиция в составе В.М. Адагызова, сотрудников районной газеты Р.С. Борисова и В.А. Ядагаева, водителя и хозяина микроавтобуса «УАЗ» Г.П. Тадышева и автора этих строк прибыла на указанное место с целью предварительного исследования данной «крепости».

Очевидно, что эта «крепость» была предназначена для предотвращения проникновения противника в нижнюю часть Чолушманской долины. Об этом свидетельствует то, что крепость сооружена на узком месте долины. В этом месте перекрыть путь по левому берегу было очень просто, так как здесь скалы подходят к самому берегу Чолушмана. Под скалой Уйтту-Кая раньше существовал узкий проход, по которой всадники могли пройти только в один ряд. Дорога была расширена путем взрывных работ только в XX в.

Сложнее было перекрыть правый берег Чолушмана напротив Уйтту-Каи. Поэтому здесь было построено оборонительное сооружение (рис.1). Притом оно является не просто валом, перегораживающим долину. Данное укрепление могло служить для круговой обороны, так как было окружено с трех сторон каменным валом, а с четвертой стороны защищено скалой (рис.2). Внутри защищенного пространства стояли, видимо, переносные войлочные юрты, в которых жил временный «гарнизон» в ожидании противника.

Наиболее вероятной стороной атаки противника была юго-восточная «стена» городища (рис.3). На северо-востоке она упирается в скалу, представляющую собой основание горы. В настоящее время стык вала со скалой засыпан каменной осыпью. На юго-западе эта стена подходит к обрыву, под которым течет бурный Чолушман. Общая длина юго-восточной «стены» составляет примерно 120 м. «Стена» представляет собой извилистый вал, сложенный из рваного камня. Современная высота вала составляет приблизительно 0,4-0,6 м. Ширина вала колеблется от 1,3 м до 2,5 м. В середине верхней половины вала сооружен «бастион» в виде полукольца диаметром около 4 м.

Юго-западная «стена» «крепости» идет вдоль берега Чолушмана и сложена также из рваного камня (рис.4). Высота берега составляет примерно 4-5 м (рис.5). Протяженность юго-западного участка обороны около 164 м. Часть оборонительного вала на этом участке не сохранился из-за осыпания берегового грунта. Длина участка, где не сохранился вал, составляет около 40 м. Общая протяженность сохранившегося участка юго-западного вала доходит до 124 м. На одном месте юго-западный вал сильно вогнут из-за огибания ложбины, спускающейся к берегу.

Протяженность северо-западной «стены», сложенной также из рваного камня, достигает приблизительно 178 м (рис.6). Северо-западная «стена», как и юго-восточная, перекрывает всю долину от основания горы до берега Чолушмана. Северо-западный вал тоже имеет «бастион», обращенный выпуклой стороной на северо-запад. Притом он сооружен на точно таком же расстоянии от основания скалы, на каком расстоянии сооружен «бастион» на юго-восточной «стене». Высота северо-западного вала достигает в отдельных местах 1-1,4 м. Особенностью северо-западного участка обороны является то, что в его нижней части, примыкающей к Чолушману, параллельно основному валу сложен из рваного камня второй вал. Он начинается от берега Чолушмана и идет вдоль внешней стороны основного вала на протяжении 72 м. Ширина второго вала 4 м. Расстояние между основным валом и параллельным валом около 6 м. Второй вал был сооружен, видимо, чтобы, углубление между двумя валами заполнить водой. Осмотр местности убеждает, что речка, протекающая ныне в расположенном рядом логу, была направлена в сторону крепости. Возможно, ложбина, по которой вода подходила к месту, где расположена крепость, существовала еще до сооружения оборонительных валов. Она могла быть оросительным каналом или же была проложена водой, стекавшей с гор во время ливневых дождей. На том участке, где русло было широким, был сооружен второй вал, чтобы русло, зажатое между двумя валами, стало глубже и уже.

В северо-восточной, примыкающей к берегу Чолушмана, половине огороженного тремя оборонительными валами пространства есть около трех десятков каменных набросок типа маленьких курганчиков разной величины (рис.7). Например, высота одного из них 0,4 м., а диаметр 2 м. Но есть курганчики диаметром 1,5 м и 3 м. Возможно, они появились в результате расчистки местности от разбросанных повсюду камней. Почти

все эти курганчики сложены из мелкого рваного камня. Подобные кучки мелких камней встречаются и в других местах Чолушманской долины, например, в урочище Каныйа на правом берегу Чолушмана.

«Крепость» около Уйтту-Каи является одним из самых больших и сложных фортификационных сооружений на территории Республики Алтай. Общая протяженность основного оборонительного вала составляет ныне приблизительно 422 м. С учетом участка, разрушенного осыпавшимся берегом реки, первоначальная длина основного вала составляла около 462 м. Кроме того, есть еще параллельный вал длиной 72 м. Таким образом, суммарная протяженность всех валов вокруг крепости составляла первоначально около 534 м.

Хотя есть все основания предполагать, что «крепость» сооружена в 1753 г., это не исключает того, что на этом месте, удобном для перекрытия долины, оборонительные сооружения могли существовать и раньше. В 1753 г. местное население могло восстановить или перестроить остатки уже имевшихся каменных валов.

После исследования «крепости» напротив Уйтту-Каи, автор этих строк и В.М. Адагызов предприняли попытку найти «крепость» в устье Чолушмана. Второй «крепостью», о которой говорится в указанном выше донесении Алексея Бутримова, может быть вал вдоль берега реки Тоолок, впадающей в Телецкое озеро с юга. От устья Чолушмана до реки Тоолок приблизительно 3 км (рис.11). Река Тоолок представляет собой отличный естественный рубеж обороны, так как ее берега являются высокими и обрывистыми. Нижняя часть левого берега дополнительно укреплена крупными камнями, сложенными в виде вала (рис.8). До сих пор заметно, что камни брали рядом с валом, вследствие чего за валом образовалась впадина. Высота вала вместе с высотой берега реки составляет 2-2,5 м. На расстоянии примерно 400-450 м от Телецкого озера река Тоолок протекает между высоких скал. Таким образом, протяженность линии обороны составляло около четырех сотен метров.

Видимо, на реке Тоолок удобно было остановить противника, пытавшегося проникнуть в Чолушманскую долину, спустившись с гор на берег Телецкого озера по конной тропе вдоль реки Кыга.

От устья реки Тоолок автор этих строк и В.М. Адагызов переправились на моторной лодке на правый берег Телецкого озера для поиска оборонительного вала на мысе Артал. О существовании укрепления на этом месте известно по алтайским народным преданиям и сообщению Н.М. Ядринцева (Ядринцев Н.М., 1886, с. 190-191).

На современных географических картах на Телецком озере нет мыса с названием Артал. Однако местные жители знают, где он находится. Например, Г. Каланов, проживающий на кордоне Адышту, указал на мыс, который на карте обозначен как мыс Нижний Камелик.

На этом мысе от скал, расположенных выше, спускается гребень (рис.9). Ниже скал, на расстоянии 50 м от их основания, есть на гребне остатки кладки из рваного камня. Очевидно, это сооружение выполняло роль «бастиона», рассчитанного на одного или двух стрелков. «Бастион» расположен на скальном выступе с отвесной нижней стороной, высота которой около 3 м. От основания этой скалы уходит вниз по вершине гребня оборонительный вал, сложенный из рваного камня (рис.10). Приблизительно через 24 м вал пересекает звериную тропу. Ширина вала на участке ниже этой тропы составляет около 2 м. Высота вала примерно 0,4 м., местами 0,5 м. На 28 м ниже звериной тропы вал пересекает конную тропу. Через 8 м от конной тропы вал подходит к краю скалы высотой примерно 15-20 м. Под скалой есть довольно ровная площадка шириной примерно 15 м., которая заканчивается высоким обрывом, под которым находится Телецкое озеро. Таким образом, протяженность каменного вала составляет приблизительно 110 м (рис.11, 12).

К северу от вала, примерно через 100 м., на скальном выступе есть небольшая кладка из рваного камня. Она представляла собой, вероятно, укрепленный пункт, предназначенный для 3-4 стрелков.

Вал на мысе Артал служил, видимо, для защиты Чолушманской долины от вторжения с севера. Вероятнее всего он был сооружен в XVII в. Известно, что в указанное время местное население испытывало постоянные вторжения военных отрядов, направляемых для их покорения из Кузнецкого острога. По историческим источникам известно, что для защиты от этих отрядов местными алтайцами был построен на берегах Телецкого озера даже укрепленный городок (Самаев Г.П., 1991, с. 68).

Литература

1. Международные отношения в Центральной Азии. XVII – XVIII вв. Документы и материалы. М., 1983. Кн. 2. 344 с.
2. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983. 150 с.
3. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. 256 с.
4. Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Древности // Труды Московского археологического общества. М., 1886. Т.9. Вып. 2-3.

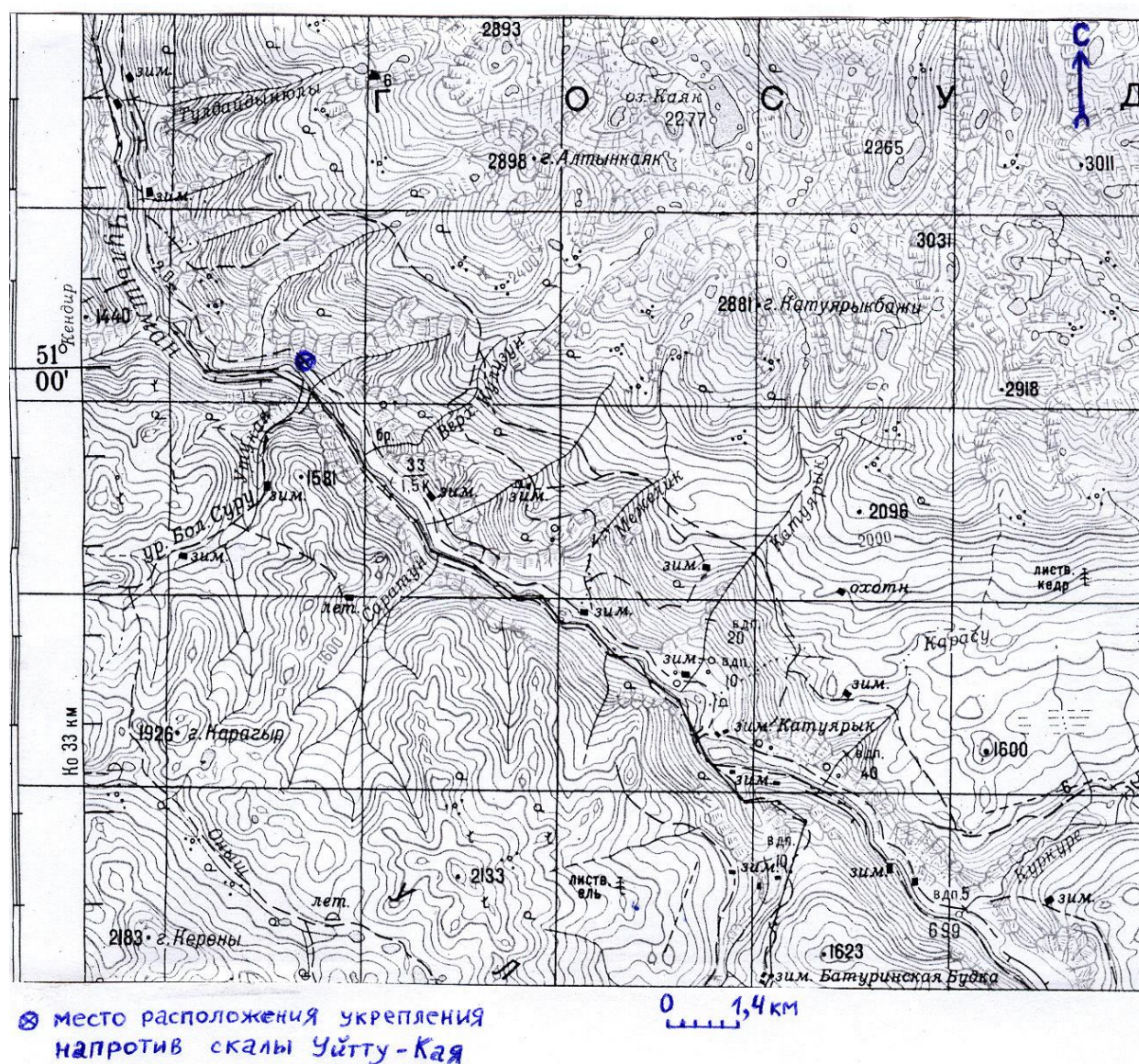

Рис.1

Место расположения на карте укрепления напротив Уйтту-Кай.

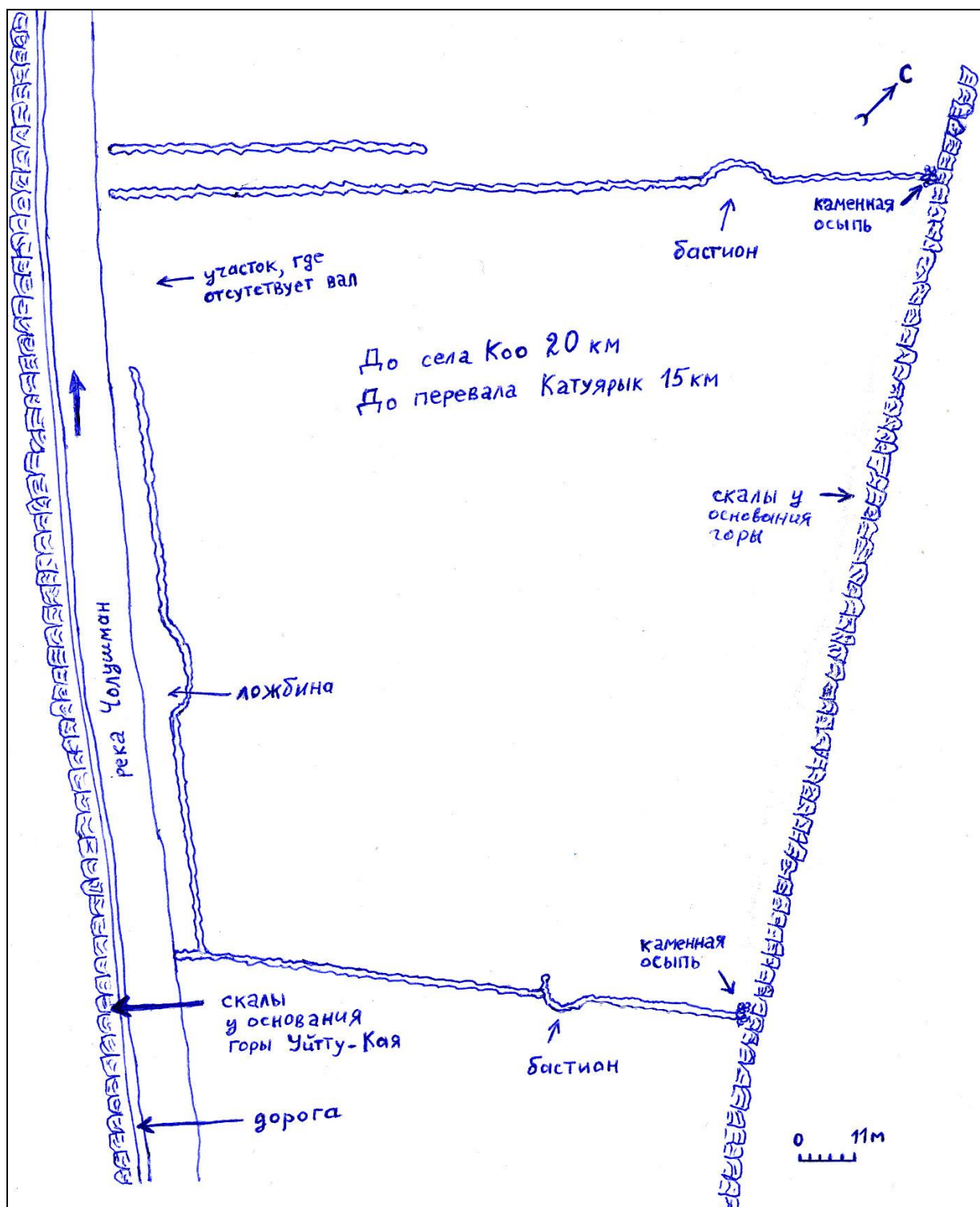

Рис.2

Схематический план укрепления напротив горы Уйтту-Кая.

Рис.3 Вид юго-восточной стены укрепления напротив Уйтту-Кай.

Рис.4
Вид юго-восточной стены укрепления напротив Уйтту-Кай.

Рис.5
Берег Чолушмана
под стеной укрепления
напротив Уйтту-Кай.

Рис.6
Вид северо-западной стены
укрепления напротив Уйтту-Кай.

Рис.7
Каменные наброски подобные курганам.

Рис.8
Каменный вал на берегу р. Толок.

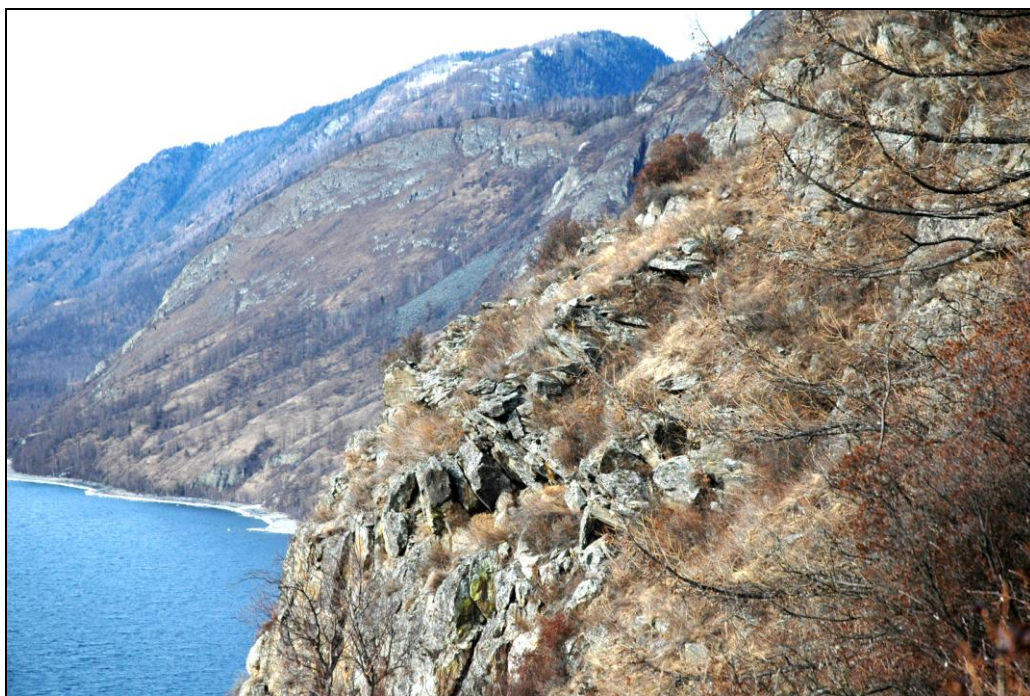

Рис.9
Вид мыса Артал.

Рис.10
Вид укрепления на мысе Артал.

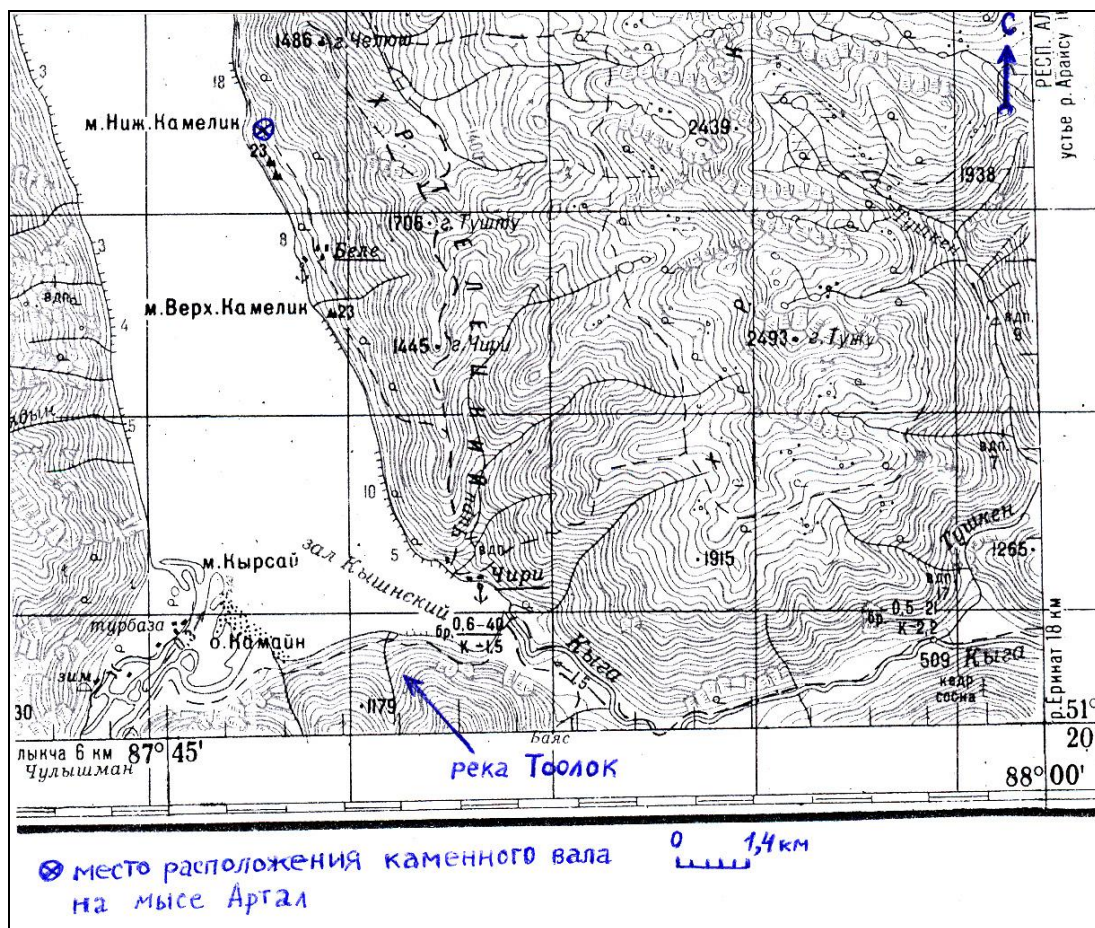

Рис.11 Место расположения на карте укрепления на мысе Артал.

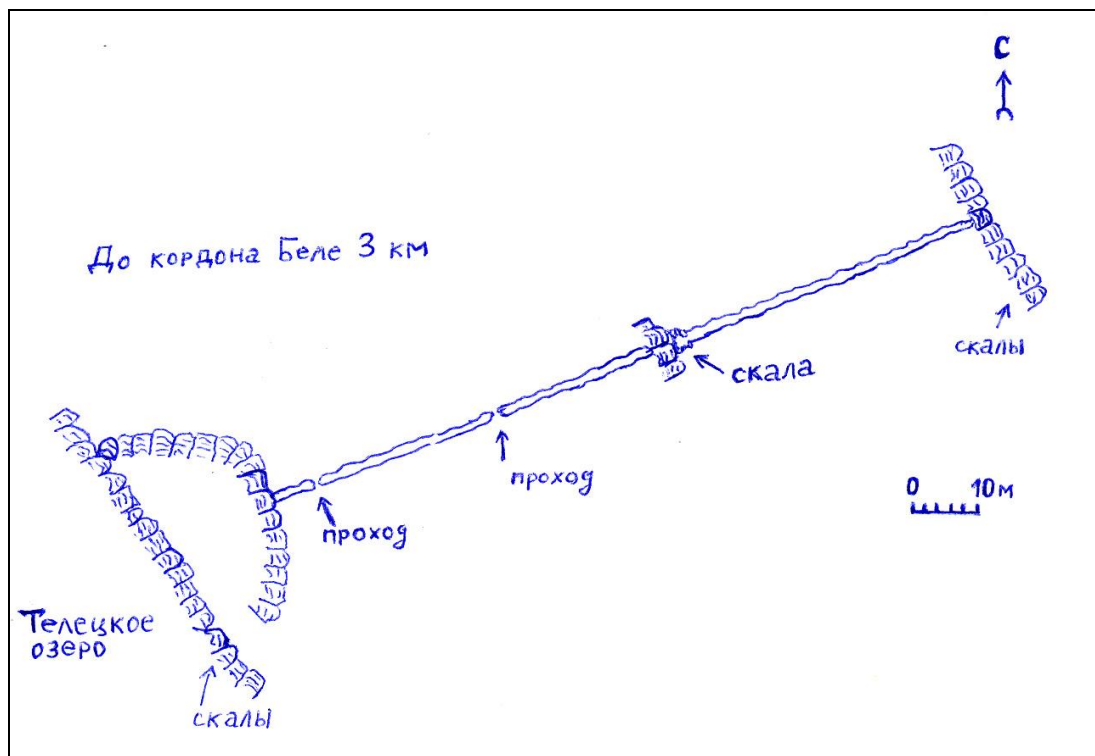

Рис.12 Схематический план каменного вала на мысе Артал.

Кызласов И.Л.

(г. Москва)

НОВЫЕ ПОИСКИ В АЛТАИСТИКЕ. I. РАЗРАБОТКИ ЛИНГВИСТОВ-ТЮРКОЛОГОВ

Алтайская теория – понятие сравнительно-исторического языкознания. В лингвистической систематике три группы типологически близких друг другу языков (тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую), а также присоединяемые к ним отдельные корейский и японский, принято называть алтайской языковой семьей, а изучающую их область языкознания – алтаистикой.

Условность этих традиционных наименований обсуждать не нужно. Их явная историко-географическая заданность порождена не предметом изучения (достоверной историей народов и их языков), а историей самой лингвистической науки, бывшими в ней некогда представлениями (Щербак А.М., 1959, с. 51-53; Благова Г.Ф., 1970, с. 134-136; Баскаков Н.А., 1981). Речь идет о вызревавших с XVIII в. идеях, которые с первой четверти XIX в., с возникновением методов сравнительно-исторического языкознания, превратили, как полагают, алтаистику в самостоятельную научную область (Насилов Д.М., 1978, с. 92, 107, 108; 1981)*.

1. Алтайская проблема в языкознании

Впервые алтайскими начали именовать языки В. Шотт и М.А. Кастрен в середине XIX вв., возводя к общей горной прародине, Алтаю, длинный ряд языков Северо-Восточной Европы и Сибири, впоследствии названных урало-алтайскими (Щербак А.М., 1959, с. 51). Таким образом, алтайская гипотеза выделилась из первичных представлений о более широкой урало-алтайской языковой общности. Со временем накопление и конкретизация лингвистических данных привели к обособленному восприятию двух самостоятельных семей: уральских и алтайских языков†.

Близость алтайских языков ныне показана настолько подробно и на таком обширном, разнообразном, различном по уровню лингвистического строя материале, что ее следует считать не правомерной гипотезой, но полноценно обоснованным научным фактом – *алтайской теорией*.

Однако, принимая утверждение о существовании *в наши дни* и *в не столь отдаленном прошлом* алтайской языковой общности, я не решусь называть входящие в нее языки исторически родственными или даже близкородственными, как это обычно делают многие лингвисты‡. В русской речи понятие родства, прежде всего, предполагает единство происхождения. Хотя, оставаясь внутри семейной терминологии, следует учитывать не только кровное, но и брачное родство. Эта общественная аналогия не случайна, поскольку причины языковых сходств не одинаковы, и лингвисты, отмечая внутреннюю близость алтайской языковой семьи, различно понимают природу этого единства. И, соответственно, по-разному видят время и место его возникновения.

Археологу следует обратить внимание на то, что даже у единомышленников, признающих изначальное генетическое родство алтайских языков, представления о времени распада гипотетического алтайского праязыка колеблются весьма значительно: от начала II века до н.э. до начала I тысячелетия до н.э. или II и III тыс. до н.э. (Тенишев Э.Р., 1997а, с. 8), а то и до X-VIII тыс. до н.э. и даже палеолита (Андреев Н.Д., Суник О.П., 1982, с. 27)§. В связи с

* Ср. совершенно иное, внешне значительно более узкое, а внутренне значительно более ясное этно-историческое понимание алтаистики в современном названии горно-алтайского научно-исследовательского Института алтаистики.

† Ю. Немет допускал давнее существование урало-тюркского родства, соответственно разделяя урало-тюркские и монголо-тунгусские языки и древнюю историю их носителей (1963, с. 126-128).

‡ Уходя от этих терминов, иногда говорят о «генетической сопринадлежности» языков (Кормушин И.В., 1990, с. 28) и т.п., что, конечно, не меняет сути дела.

§ Ср. мнение О.Н. Суник о времени существования общего предка тунгусо-маньчжурской языковой группы, «несколько тысячелетий тому назад отделившегося, как предполагается, от других алтайских языков» (1997а, с. 154, 155). Учет и расхождения возраста алтайского, индоевропейского, уральского и ностратического праязыков, выдвинутые Е.А. Хелимским (2000, с. 253. Ср. о возрасте алтайских языков – с. 254).

этим языкознанием применяется не определенное во времени понятие «алтайская эпоха». В тюркологической лингвистической хронологии она обычно сразу сменяется «хуннской эпохой» (Баскаков Н.А., 1981, с. 109-111) (начинаемой с III в. до н.э., т.е. прямо увязанной с известной по хроникам политической историей Центральной Азии). Подобная ситуация позволяет видеть, что в современной лингвистической науке по отношению к алтаистике *отсутствуют собственные методы* не только абсолютного, но и относительного датирования подобных глубоких процессов. И как следствие – *нет способности ни достоверно, ни даже основательно-предположительно соотносить конструируемые этапы языкового развития и взаимодействия с конкретными историческими событиями древности и раннего средневековья дописьменной поры*^{*}.

В отличие от большинства ученых, связывающего типологическую близость алтайских языков с некогда существовавшим общим для них языком-предком и, следовательно, с едиными древними корнями народов – носителей этих языков (*алтайская гипотеза*), обнаружены разработки крупных лингвистов-алтаистов, отрицающих такое понимание (В.Л. Котвич, Ю. Немет, Дж. Клосон, Г. Дёрфер, Л. Лигети, Д. Синор, А.М. Щербак, Г.Д. Санжеев).

Расхождение языковедов в оценках алтайской гипотезы коренится не в различиях сопоставляемых языковых явлений, как о том иногда писали (Баскаков Н.А., 1981, с. 29), а в применении разной методики анализа. По мнению Н.З. Гаджиевой (тюрколога с глубоким историзмом мышления) «все противоречия алтайской гипотезы... происходят по двум причинам: 1) нечеткое соблюдение жестких законов сравнительно-исторического метода при реконструкции алтайского архетипа, 2) отсутствие четко выработанной методики при дифференциации исконно генетических и заимствованных корней» (1989, с. 175). Ср.: (Макаев Э.А., 1973; Тенишев Э.Р., 1997а, с. 14, 15).

Названными исследователями языковая близость объясняется не единством происхождения, а давностью и плотностью взаимодействия народов разных языковых групп алтайской семьи. Такое общение со временем привело к обширным заимствованиям из одних языков в другие речевых элементов, прежде им несвойственных: лексических, фонетических, морфологических, синтаксических (Щербак А.М., 1959; 1970, с. 9-12; 1984; 1994, с. 6, 7, 147-185; 1997; 2005; Клоусон Дж., 1969; Дёрфер Г., 1972)[†].

Если сводить историческую основу алтайской теории до гипотезы общности происхождения соответствующих групп языков, названных учеными можно именовать антиалтаистами. Ограничиваясь же признанием реальной близости указанных языковых групп, т.е. выделяя алтаистику как сферу языковой систематики, точнее будет сказать, что среди алтаистов есть те, кто отстаивает и те, кто отрицает алтайскую гипотезу. Последних иногда именуют неоалтаистами (Санжеев Г.Д., 1975).

Таким образом, на последующих страницах нам следует разделять *алтайскую теорию* и *алтайскую гипотезу*. Стремление же определить во времени и пространстве этапы сложения и тем самым исторически объяснить реально существующую ныне языковую общность порождает *алтайскую проблему*. Разрешение ее сугубо лингвистическими средствами привело, как мы видели, к формированию двух противостоящих направлений, следовательно, для выяснения истины полезно привлечение данных, лежащих вне языкознания, в иных областях гуманитарного знания. В отношении древности таковы, прежде всего, археологические источники.

2. Гуннская тема в пратюркских поисках отечественных лингвистов

Поиски генетического родства алтайских языков вновь усилились в последние годы[‡]. Они тесно связаны с развитием важнейшего направления лингвистической компаративи-

^{*} В тюркологической части серьезные поиски временных пределов на издавна возделываемом поле фонетических переходов проводятся ныне А.В. Дыбо (2007). Оправданно и показательно, что для этой работы избраны свидетельства языковых контактов. Относительная хронология здесь крепка, поскольку зависит от собственно тюркологических материалов, абсолютная же выстраивается по фонетическому облику китаизмов, следуя датированным языковым процессам в истории китайского языка, что, естественно, способно дать лишь *протяженные* временные показатели.

[†] В публикациях указаны основные разработки, выполненные на русском и западноевропейских языках. См. также (Баскаков Н.А., 1981; Кормушин И.В., 1990; Тенишев Э.Р., 1997а). Новейшую критику фонетических реконструкций алтаистов с позиции теории заимствований см. (Туймебаев Ж.К., 2007а; 2007б).

[‡] Возобновились и, пожалуй, даже обострились дискуссии на эту тему: (Vovin A., 2005; Dybo A., Starostin G., 2008).

стики – изучением истории алтайской семьи. В этой области наиболее важно выяснить место тюркских и пратюркского языков, учитывая как степень их воздействия на иные языковые группы (монгольскую и тунгусо-маньчжурскую), так и бóльшую древность лингвистических данных, зафиксированных азиатскими руническими памятниками, начиная с VIII в. Этимологические и семантические реконструкции пратюркской лексики, а на основе ее звуковых изменений – фонетических характеристик языка-основы, ныне активно проводятся на базе алтайской семьи в целом.

Обобщающие разработки сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, издающиеся Институтом языкознания АН СССР / РАН с 1984 г., в объемистом томе, посвященном лексике (1997 г.), переросли сугубо лингвистические задачи и, по выявлению пра-значений обширной группы слов, привели к характеристике природной среды и основных черт древней и древнейшей культуры тюркоязычных народов. Этим внесен новый, весьма ценный вклад в тюркологическую науку в целом. Однако кратко изложенная в книге попытка отыскания прародины, хода древнейших миграций и контактов тюркоязычного населения оказалась целиком зависима от построений исторической науки и привязана к политическим событиям раннего средневековья по X в. включительно (Дыбо А.В., 1997, с. 732-734).

Эта зависимость современного тюркского языкознания от построений историков проступила особенно явно и в некоторых разделах общей концепции II и III частей итогового 6-го тома названной лингвистической серии (2006 г.). Воздавая дань уважения весьма продуктивно выполненной огромной и крайне трудоемкой работе, осуществленной очень небольшой группой широко эрудированных лингвистов ради дальнейшего развития гуманитарных дисциплин тюркологического и связанного с ним профиля, я, вполне понятно, говорю сейчас лишь о значимых для моей темы особенностях этой многогранной книги.

В реконструкции мира пратюрков по данным языка заметно выделяется своей изначальной заданностью раздел о растениях. Это проявляется в его заглавии, построении и иллюстрациях. Вопреки научной реальности, полагая, что «существуют надежные исторические сведения о локализации тюркской прародины» и «общепринятая теория» пребывания носителей пратюркского языка во время его распада в предгорьях Саяно-Алтая[†], автор начинает текст с подробного рассмотрения письменных и археологических данных, всецело подчиняя их гипотезе «о возможных миграциях пратюрков из Ордоса в Саяно-Алтайский регион» (Норманская Ю.В., 2006, с. 389 сл.). Читая эту работу без связи с иной литературой, можно было бы укорить лингвистку в том, что она, игнорируя сложности выделения археологических культур и трудности их увязки с упоминаемыми в анналах народами, абсолютизирует значение поясных блях V-III вв. до н.э., наделенных единственным зооморфным сюжетом, выдвигая их в отличительный признак совершенно неведомого в этническом и языковом отношении населения, именуемого в ранних китайских сочинениях лоуфань.

* При установлении верхних временных пределов над автором, видимо, также довлело применяемое частью историков понятие «древнетюркского времени», на первый взгляд удобное, но по сути и форме неверное, противоречащее как конкретно-историческим, так и филологическим стадийным и хронологическим рамкам, однако, вопреки всему этому (под магией этнонима *тюрк*, не совпадающего по смыслу и употреблению в исторической науке и в языкознании), воспринятое многими серьезными лингвистами-тюркологами. См., например: (Дмитриева Л.В., 1984, с. 130). Несомненно, что здесь в очередной раз явно выступает зависимость языкознания от построений историков.

[†] Эта удивляющая меня и, будем говорить, наивная убежденность столь присуща взглядам автора, что служит для Ю.В. Норманской разграничением источниковедческой ситуации при поисках прародины иных языковых семей. «В отличие от тюркской прародины, локализация которой была исторически засвидетельствована, – пишет она в недавней работе (2008, с. 712), – локализация уральской прародины на протяжении последних ста лет [служит – И.К.] темой оживленных дискуссий». Огорчают плохой набор и скверное редактирование текста при издании (принуждающие восполнять пропуски при цитировании), но для методической характеристики работы, конечно, значительнее допущенное во фразе смешение единиц разного классификационного уровня (поскольку вместо тюркской с уральской следовало сопоставлять алтайскую языковую общность). Ко всему этому высказывание предполагает бесспорность размещения тюркской прародины, что не является честным изложением существующей в науке картины.

Однако Ю.В. Норманская, не будучи археологом, заслуживает не профессионального, а иного, пожалуй, более серьезного для всякого ученого нравственного упрека. При сличении текстов выясняется, что во всем этом пассаже лингвистка до такой степени зависит от одной упомянутой ею статьи А.А. Ковалева (1999, с. 75-82), что ее текст целиком состоит из чужих строк, воспроизводимых (вместе с отсылками на литературу, древние сочинения и иллюстрации) без всяких цитатных кавычек (2006, с. 390-396). Подобная манера использования чужих разработок, конечно, известна, но она никогда не будет уважаема наукой. Тот же стиль, присущ и иллюстрациям Ю.В. Норманской, без указаний на свой источник переиздавшей обе таблицы А.А. Ковалева. Эта малопочтенная процедура повторена лингвисткой дважды, ибо обсуждаемый текст ранее уже издавался ею в том же виде и с теми же иллюстрациями (Норманская Ю.В., 2005, с. 304-311).

Ареал упомянутых поясных блях вслед за А.А. Ковалевым наводит Ю.В. Норманскую на мысль о перемещении жителей Ордоса на Саяно-Алтай, а влияние саяно-алтайских традиций (отчего-то в основном пазырыкских) на элитные комплексы Ордоса и постулируемое затем сложение некоего «религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтайского региона» не кажутся Ю.В. Норманской ни легковесными, ни противоречащими ее основной идее.

Что касается самих лоуфаней (появляющихся на страницах истории только в IV в. до н.э. и отмеченных в источниках, пожалуй, лишь искусством верховой езды и стрельбы из лука), то нужно знать, что относительно мест их обитания у исследователей китайских текстов нет полной ясности, поскольку одни источники называют Ордос* («земли к югу от Хуанхэ») (Таскин В.С., 1968, с. 28, 51), другие – страну за его пределами, в предгорьях Иньшаня и восточнее, на севере современной пров. Шаньси (Фань Вэнь-лань, 1958, с. 211; Васильев К.В., 2004, карта 3; Сыма Цянь, 2002, с. 325, 326). Р.В. Вяткин в этом вопросе не ограничивался общим указанием на «северо-западные границы тогдашнего Китая» (Сыма Цянь, 1975. С. 405, прим. 196), определяя земли лоуфаней «к северу от верхнего течения реки Чжишуй», т.е. восточнее Ордоса (Сыма Цянь, 1987, с. 247, прим. 247; 1996, карта 1; 2002, с. 396, прим. 129, карта I, Б1). Там, согласно «Хань шу», позднее располагались уезды империи, связанных с именем лоуфаней (Географический трактат, 2005, с. 74, 99).

Лоуфани не были гуннами, в историческом сочинении «Планы Сражающихся царств», повествующем о событиях V-III вв. до н.э., их отличают от варваров-ху, с которыми они сражаются, будучи подвластны восточному царству Янь (Васильев К.В., 1968, с. 211). В конце III в. до н.э. они вошли в гуннское государство, покоренные Маодунем (Сыма Цянь, 2002, с. 329), но это не меняет сути дела.

Рассмотрение допущенных в публикации лингвистики источниковедческих поспешностей и натяжек в разборе сугубо археологических материалов весьма сложной и неразработанной для Северного и Западного Китая эпохи раннего железного века далеко ушло бы от темы моей статьи. Полагаю, что предварять рассмотрение языковых данных выдвиганием столь шаткой историко-археологической гипотезы, вовсе не требовалось[†].

Построение раздела указывает и на вполне определенную изначальную заданность производимого в нем лингвистического анализа. Иным не объяснить переходящий от одной словарной статьи к другой рефрен, растет ли та или иная порода деревьев в Ордосе. Последний критерий оказывается ведущим даже при отнесении тех или иных дендронимов к пратюркскому лексическому фонду: нет иных оснований включать в него территориально ограниченное наименование дуба, отмеченное только для западных тюркских языков и оп-

* Ордос – название монгольское и установилось, согласно Н.Я. Бичурину, с начала XVII в. (1960, с. 521).

† Отданные посторонней теме страницы (ранее уже издававшиеся – Норманская Ю.В., 2005) не позволили автору, к сожалению, вместить разбор методически значимых лингвистических расхождений, возникших между П. Фридрихом и Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым при определении индоевропейской прародины по названиям растений (Норманская Ю.В., 2006, с. 397, прим. 93; ср. то же: 2005, с. 311, 312, прим. 1). Для меня показательным, что относительно иных языковых семей лингвистка не позволяет себе прямого разбора археологических данных (хотя не может отказаться от фраз «попробуем показать..., что археологический материал...» или «проанализируем тезис о ... двух формах колчана», на деле этого, естественно, не делая (2008, с. 724). Увы, во всем этом проступает непонимание специфичности процедур археологического источниковедения).

равданно относимого к кыпчакизмам; а также клена, исключительно западный тюркский языковой ареал которого еще уже дубового (ср.: Дмитриева Л.В., 1972, с. 185, 186, 191, 192).

Показательно, что карта схождения областей распространения *видов растений* произвольно превращена в карту скрещения *их названий* в пратюркском языке (Норманнская Ю.В., 2006, с. 435, карта 7). Добавлю, что в разработках лингвисток, вопреки необходимому историзму, использованы карты современных, а не древних ареалов растительных и животных видов (Норманнская Ю.В., 2006, с. 399, 400, 420, карты 1-6; Дыбо А.В., 2006а, с. 783)*.

При учете сказанного представляется, что автор, пришла к заранее определенному, а не, как она пишет, «совершенно неожиданному результату», изложенному, однако, весьма категорично: «Анализ ареалов... однозначно указывает на локализацию прародины тюрков на Ордосе», в чем Ю.В. Норманской обнаружено четкое «соответствие лингвистических и археологических данных» (2006, с. 404, 405, 434). Вывод разделяется А.В. Дыбо (2006а, с. 783; ср.: 2006б, с. 819).

На деле материалы языкознания оказались здесь подчинены давним, но сомнительным построениям ряда историков о тюркоязычности ордосских гуннов и их неведомых предков. Ничем иным, пожалуй, не удастся объяснить столь прочную привязку исследований к землям Ордоса. Лингвисткам, избирательно подходящим к специальной литературе смежных дисциплин, остались неведомы поиски гуннской прародины, проводившиеся вне зависимости от традиционности письменных сообщений по сугубо археологическим признакам погребального обряда. Несмотря на вполне понятную для археолога предварительность таких изысканий в условиях малых пригодных для сопоставления серий, укажу для уяснения сложности вопроса, что, начатые в Ордосе, они затем привели С.С. Миняева не в земли лоуфаней, а в лесостепную юго-западную Маньчжурию, в долины рек Ляохэ и Лаохахэ (1979; 1986, с. 44 (карта), 52). В иных районах Центральной Азии пока не встречено памятников раннего железного века, типологически близких к археологической культуре гуннов. В дальнейшем С.С. Миняев развил наблюдения, проанализировав не только археологические данные (показательные особенности погребального обряда и датирующие категории инвентаря), но и противоречия письменных источников (2001). В интересующей нас части вывод исследователя прям: гунны «появляются в Ордосе после 209 г. до н.э., наиболее вероятно, в 206-202 г. до н.э. во время первых этапов завоевания Маодуня. Нет никаких свидетельств обитания их в Ордосе ранее названного времени» (2001, с. 296). Не стану разбирать здесь археологические сложности «исходного района сюннских кочевий» (по мысли автора, Северо-Восточного Китая) (2001, с. 297), отводя им вторую часть своей статьи. Но скажу сразу, что, изучая иные категории древностей, я могу лишь в целом подкрепить пространственные определения искушенного в своем деле специалиста.

Отдельная тема – соотнесение новейших тюркологических поисков гуннских предков с современной китайской историко-филологической традицией, возводящей гуннов† к народу гуйфан Иньской эпохи, также обитавшему не на плоскогорьях Ордоса, а, вероятно, восточнее – в северной части провинции Шэньси (Таскин В.С., 1968, с. 7, 10; ср.: Воробьев М.В., 1994, карта 2). Даже не обращаясь к подробному анализу ситуации, нельзя не учитывать цепи древних этнонимов, увязываемых китайской исторической традицией с прямыми предками гуннов (сюнну): шаньжунь или сяньюнь – шуньвэй – гуйфан – сяньюнь и лишь при династии Хань – сюнну. Совершенно необходимо помнить об этом и тогда, когда алтаисты полагают возможным обратиться к реконструкции первоначального звучания лишь последнего отдельно взятого этнонима ради его рассмотрения в качестве языкового факта (Дыбо А.В., 2007, с. 103).

В целом следует знать, что среди преданий о прародине сюнну, засвидетельствованных китайскими источниками, можно встретить разные географические районы, отнюдь не достоверные, но так или иначе связанные с севером, – даже берега Северного моря (т.е. Байкала) («Сань фу гу ши»: Кроль Ю.Л., 2005, с. 144). Будем помнить, что историческая география древнего Китая и смежных земель – дисциплина весьма сложная, прежде

* Иной подход при выяснении пратюркско-прасамодийских связей см. (Дыбо А.В., 2007, с. 136, 137, прим. 97).

† Имя сюнну известно с 318 г. до н.э., однако, есть вероятность ретроспективного его применения Сыма Цянем (Боровкова Л.А., 2001, с. 38, 39).

всего из-за трудности постижения не только лаконичных в этом отношении, но и мировоззренчески иных, далеко непростых для понимания источников.

Несмотря на любые личные или коллективные научные убеждения, ради продуктивности поисков важно помнить одно: *все возможности пратюркского выбора никак не следует сводить к одному лишь Ордосу и одним лишь центральноазиатским гуннам.*

Обоснованного определения их языковой принадлежности (как и их европейских тёзок – культурно и этнически им отнюдь не тождественных) ныне предложить невозможно. *Для этого попросту отсутствуют необходимые источники.* Оттого и существуют и множатся в литературе разноречивые заявления, на деле лишённые точных данных, т.е. достоверными определениями не являющиеся.

Эта источниковедческая ситуация обоснованно и подробно показана Г. Дёрфером 35 лет назад (Doerfer G., 1973). Уже более 20 лет существует русский перевод этой работы (Дёрфер Г., 1986), что позволяет мне, не излагая ее позиций, настоятельно рекомендовать статью заинтересованному читателю. Особо выделю вывод германского алтаиста о *невозможности отнесения гуннов (будь то азиатских или европейских) не только к тюркоязычным народам, но и к народам алтайской языковой общности в целом.*

При изучении как древности, так и раннего средневековья – отнюдь не только в пределах алтайской проблемы – нам не следует забывать, что до современности не дошли не только отдельные языки того времени, но и целые языковые семьи. Показателен в этом отношении пример енисейской языковой семьи. Обширно представленная на топонимической (и антропологической) карте Сибири и Южной Азии, она к XVIII в. только узкой полосой уцелела в среднем течении великой реки, а ныне представлена одними лишь кетами, уже крайне немногочисленными (Дульзон А.П., 1962; 1965, с. 111, 112; Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н., Успенский Б.А., 1968, с. 5-9; Гохман И.И., 1982, с. 78, 79; ср.: Старостин С.А., 1982, с. 197-237).

К сожалению, названное фундаментальное, наполненное подлинным историзмом критическое исследование, не оказало должного воздействия на отечественных тюркологов: как историков, так и филологов. И те, и другие поныне уклоняются от разбора возражений, обобщенных и выдвинутых Г. Дёрфером*. Историки остались в плену внешнего сходства европейского и центральноазиатского этнонимов (гунны-хунны) и утверждения китайских анналов о происхождении народа тюрков от сюнну. Во внимание не принимается вся условность традиционного китайского обобщенного политико-географического восприятия варваров (ср. подобную византийскую традицию сохранения этнонимов классической античной поры за сменяющимися народами средневековья). Кого только, кроме тюрков, не возводили к сюнну китайские авторы: жуаньжуаней, юйвэней, кумоси, киданей – т.е. народы, по тем же источникам составлявшие группу дунху (восточных ху) и бывшие, по мнению ряда ученых, монголоязычными (Таскин В.С., 1984, с. 47-52)†. Потому часть синологов, руководствуясь этими указаниями, относят и самих гуннов-сюнну к протомонголам (Воробьев М.В., 1994, с. 24-27, 29, 30, 182-184, табл. 2).

Лингвисты, сохраняя зависимость тюркского языкознания от исторической науки (включая ее заблуждения) и не считаясь с большим хронологическим разрывом тех 3-5 слов, что привлекаются для сравнения (и часть которых признана заимствованными), продолжают относить язык азиатских и европейских гуннов к тюркским. Статья «Гуннов язык» введена в том «Тюркские языки» (Тенишев Э.Р., 1997б). Утверждение, что центральноазиатские и европейские гунны включали в свой состав множество этносов и языков, среди которых был и тюркский элемент, нельзя считать преодолением источниковедческих сложностей, поскольку в этом случае речь идет лишь о политической, а не об этнической характеристике общества.

Основные лингвистические события, восстанавливаемые для пратюркской и общетюркской эпох, также неукоснительно увязываются языковедами с политической жизнью центральноазиатских гуннов: распад пратюркского единства – с миграцией их части на за-

* У алтаистов, весьма почтительно относящихся к иным исследованиям Г. Дёрфера (Дыбо А.В., 2007, с. 3, прим. 1) и детально разбирающих иные его аргументы, такое состояние особенно загадочно.

† Связь народа тюрков с сюнну, возникнув в письменных источниках ретроспективно, могла быть воспринята и получить позднейшее существование в близких к Китаю самих тюркоязычных обществах – см., например: (Тугушева Л.Ю., 1986; 1991, с. 17-22). Изучение этого явления – особая тема.

пад в 56 г. до н.э.^{*}, несовпадение этой даты с глоттохронологической – с разделением гуннов на северных и южных в 48 г. н.э. (с домысливанием их последующего слияния в Казахстане и в Семиречье)[†], контакт с енисейцами и самодийцами – с завоеваниями Маодуня (Модэ-шаньюя) в III в. до н.э. (с предложением в угоду сему пересмотреть прасамодийскую глоттохронологию) и т.д. (Дыбо А.В., 2006а, с. 773, 776, 777, 789, 790; 2006в, с. 53, 54; 2007, с. 66, 75). Постоянно возникающие при этом неувязки не останавливают исследователей.

Увлеченность идеей тюркоязычности гуннов возродила попытку прочесть по-тюркски единственную зафиксированную «гуннскую» фразу – записанное иероглифами двустисшье в 10 слогов, относимое к 328 г. и, согласно источнику, произнесенное буддийским монахом-гадателем Фоту Дэном на языке не самих гуннов, а варваров цзе. Умолчание о критике Г. Дёрфера не избавляет от указанных им сложностей исторической критики китайской историографии даже автора, уверенного в том, что в этом случае мы «одним махом получаем и раннетюркское стихотворение, и доказательство тюркоязычности сюнну (или хотя бы некоторых племен в составе союза сюнну)» (Дыбо А.В., 2006в, с. 55). О каком союзе сюнну можно, в самом деле, говорить для IV в., когда, согласно «Ляншу», «в период династий Вэй и Цзинь сюнну делились на несколько сотен, даже тысяч кочевий, каждое из которых имело свое название» (Таскин В.С., 1984, с. 47), а династии гуннского рода Лю, создали два самостоятельных государства – Хань и Раннее Чжао (306-328 гг.)? Оба носили военно-феодальный характер и были многонациональны (см. подсчеты населения по народам у В.С. Таскина – 1989, с. 20). Полководец Ши Лэ, происходивший из цзе и первоначально бывший союзником гуннов в борьбе с китайским государством Цзинь, уже с 319 г. стал их лютым врагом. Каким образом в этих условиях через речь цзе можно постичь язык гуннов-сюнну – загадка[‡].

Следуя источникам, прекрасный Китаист В.С. Таскин был убежден в том, что «цзесцы составляли одно из сюннских кочевий и выдвинулись из кочевья цянцзюй», т.е. из 19 других кочевий, живших на внутренней территории Китая. Судя по логике построения текста, к гуннскому сообществу относилась цзе и синолог Л.В. Симоновская (1974, с. 54). В.С. Таскин же нередко не только приравнивал цзе к гуннам (сюнну), но даже и привлекал к характеристике первых черты культуры вторых («О сюнну, а значит, и о цзесцах Сыма Цянь писал...» и т.п.). Единственную известную фразу, записанную на языке цзе с китайскими пояснениями чуждых слов, Всеволод Сергеевич, не включивший содержащую ее главу 95 в свои переводы из «Цзиньшу», также относил к языку сюнну (Таскин В.С., 1990, с. 6-8, 10, 13, 15, 16, 18, 24, 25, 146; ср. с. 180, прим. 59). В этом почтенный автор доверился прочтением двустисшия по-тюркски, предложенным рядом тюркологов и разобранных в книге И.Н. Шервашидзе, выдвинувшего и собственное прочтение. Однако И.Н. Шервашидзе не уделил внимания иным возможностям восприятия древнего текста (лишь упомянув гипотезу Э. Пуллиблэнка о его кетской принадлежности). Ему остались неизвестными и возражения Г. Дёрфера (1986, с. 3-10)[§], и значительно более ранний факт

^{*} Тема распада пратюркского единства, конечно, особая. Замечу лишь, что лингвистическая дата (при которой историко-фонетические данные расходятся с глоттохронологией) для археолога выглядит слишком поздней, ибо известные древности тюркских народов на одном лишь Саяно-Алтайском нагорье к рубежу н.э. подходят уже не общим стволем, а, по крайней мере, тремя ветвями, разными в культурном отношении.

[†] Гибкость, позволяющая авторам сблизать события, которые по лингвистическим же данным разделяет, «по крайней мере, три века» (Дыбо А.В., 2006а, с. 776; 2006в, с. 54), в очередной раз указывает на неразработанность в тюркском языкознании методов датирования.

[‡] Это расхождение давно показано. Со ссылкой на работу 1941 г. Г. Дёрфер пишет (1986, с. 74): «как установил Л. Лигети, который тщательно исследовал первоисточник, двустисшие вообще написано не на языке сюнну, а на языке ху, а утверждать, что ху и сюнну – это одно и то же, ни в каком случае нельзя».

[§] Последнее удивляет, поскольку Иван Николаевич пользовался советами весьма осведомленных лингвистов (1986, с. 11) и историков (1986, с. 5, прим. 1), которые не могли не знать работы Г. Дёрфера 1973 г. Так, содействовавшие И.Н. Шервашидзе Д.Д. Васильев и С.Г. Кляшторный подготовили русское издание западных тюркологических разработок, вышедшее в том же 1986 г. и содержащее не только статью Э. Пуллиблэнка «Язык сюнну», но и Г. Дёрфера «О языке гуннов»

прочтения двуступиши по-аккадски, осуществленный со всеми основаниями, но иронически, ради демонстрации шаткости прочих лингвистических попыток. Утверждается, что для примера вполне подошел бы и эскимосский язык (Дёрфер Г., 1986, с. 73).

Китаист В.С. Таскин был убежден в тюркоязычности центральноазиатских гуннов-сюнну, как и, сводя этнические отождествления разных эпох, был уверен в тюркоязычности неведомых в лингвистическом отношении динлинов (Таскин В.С., 1968, с. 4, 117, прим. 1; 136, прим. 111; 1990, с. 168, прим. 158). Исследователь, как многие, считал неслучайным совпадение троичности деления северных варваров в древнем Китае (сюнну, дунху, сушэнь) с современным лингвистическим членением народов этих мест на тюрко-, монголо- и тунгусо-маньчжуроязычных (Таскин В.С., 1984, с. 4, 55-62). Поэтому попытки увидеть в обсуждаемой фразе тюркскую речь явились для синоведа значимым доказательством принадлежности самих цзе к гуннам (Таскин В.С., 1990, с. 7). Но источники настолько скудны и сложны, что однозначные суждения здесь вряд ли возможны. Показательно, что в предшествующей работе, В.С. Таскин не смешивал цзе с гуннами-сюнну (1989, с. 5, 6, 9, 12, 20). Неслучайно и в дальнейшем мы встретим в обсуждаемом вопросе определенные колебания в позициях даже столь искушенного специалиста.

Вопреки указаниям «Цзиньшу» о происхождении цзе от отдельного гуннского кочевья, прочие данные никак не позволяют отождествлять этих людей с сюнну. Прежде всего, нельзя упускать из внимания, что рассматриваемый исторический период получил в самой древнекитайской историографии наименование «16 царств *пяти* северных племен». В состав этих пяти традиционно варварских для Китая племен цзе входили наравне с сюнну, сяньби, ди и цянами. Следовательно, в отличие от наших современников – историков и лингвистов – народ цзе не приравнивался к сюнну и не рассматривался как их составная часть ни китайцами-современниками, ни осведомленными китайцами-потомками (т.к. «Цзиньшу» составлена к 646 г. по сводке V в. и другим источникам). Постоянное выделение в источниках деятелей народа цзе и связанных с ним конкретных событий и послужило основой для составления В.С. Таскиным свидетельств о цзе в отдельную книгу (1990)[†].

Источники свидетельствуют и о том, что в устах древних китайцев, в угоду давней этно-географической традиции, цзе в ряде случаев обобщенно именовались ху или жунами вместе с иными не китайскими племенами. Последнее обстоятельство позволило В.С. Таскину однажды заключить: «шесть варварских племен – это хусцы: сюнну, цзе, сяньби, ди, цяны и ухуани, ведшие кочевой образ жизни» (1989, с. 20), но в иных случаях китаист не раз отождествлял ху только с сюнну (1989, с. 189, прим. 70; 1990, с. 7). Этот термин, действительно, нередко выступал синонимом сюнну, но всякий раз его содержание следует выводить из контекста. Ху как наименование скотоводческих племен, живших не только в ордоской излучине Хуанхэ, но и к западу и востоку от нее – от Ганьсуского коридора до Ляодуна, известен со второй половины IV в. до н.э. и, вероятно, изначально, с позднечжоуской традиции, носил обобщенное значение (Васильев К.В., 1998, с. 215, карта; Боровкова Л.А., 2001, с. 37-42). Возможно, поначалу слово ху означало «дальний народ» (Боровкова Л.А., 2001, с. 38).

Жуны – понятие еще более древнее. Уже с середины I тыс. до н.э. этот давний этноним, первоначально относящийся к населению современной провинции Ганьсу и Тибета,

(1986, с. 71-134). Иную литературу, вышедшую после начала 70-х гг., И.Н. Шервашидзе, издавая книгу, посчитал нужным учесть (1986, с. 10, прим. 2; 11, 119, 120, 126).

* Эти взгляды восприняты некоторыми китаистами (Сыма Цянь, 2002, с. 445, прим. 56). К сожалению, в посмертном издании труда Р.В. Вяткина завершающие большое дело А.В. Вяткин и А.М. Карапетьянц не сочли необходимым отделить свои суждения от вариантов перевода и мыслей самого Рудольфа Всеволодовича.

Пример сложности языкового определения народов по источникам предоставляет отнесение в «Синь Таншу» к потомкам динлинов народа шивэй, особой ветви киданей (Кычанов Е.И., 1980, с. 137). Как и шивэй, киданей ныне обычно считают монголоязычными (хотя, и в российской, начиная с Н.Я. Бичурина (1950, с. 307, 370, прим. 2), и в китайской науке, их относят также к тунгусо-маньчжурской по языку или смешанной монголо-тунгусской народности) (Е Лун-ли, 1979, с. 24).

[†] Следует знать, что «этноним цзе связан с названием местности Цзеши (где они поселились в Китае – И.К.) (современный уезд Юйшэ в пров. Шаньси) и, таким образом, цзе – это лишь географическое определение, а не самоназвание кочевья» (Таскин В.С., 1990, с. 7).

превратился в один из четырех терминов китаецентричного образа мира, связанный не с определенным народом, а с варварами определенной стороны света – западом (Таскин В.С., 1968, с. 7; 1989, с. 226, прим. 49; Крюков М.В., 1970, с. 39; Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1978, с. 275). По «Лицзи», еще с эпохи легендарной древности «живущие на западе называются жун» (Крюков М.В., 1970, с. 39; Переломов Л.С., 1974, с. 19, ср. с. 18, карта; Васильев К.В., 2004, карты 2, 3), т.е. и это понятие не было изначально связано с «северными кочевниками».

Обобщенное восприятие рассматриваемых терминов в эпоху Ранней Хань явно проступает в докладах Цзя И (200-168 гг. до н.э.) императору Вэнь-ди, воспроизведенных в «Синь шу», где гунны-сюнну охарактеризованы как «люди, у которых лица варваров-ху и внешность варваров-жунов» (Ермаков М.Е., 2005, с. 368).

Надо признать, что оба обсуждаемых термина не имели в источниках рассматриваемой эпохи точного значения, а обобщенно именовали многие не китайские народы (ср. особенности карты в излучинах Хуанхэ и Ляохэ – Васильев К.В., 1998, с. 215). Смешение даже таких, к ханьской эпохе скорее уже географических, чем этнических терминов – давняя особенность всей китайской историографии, хорошо осознаваемая современной наукой: «Сыма Цянь (ок. 145 – ок. 85 гг. до н.э. – И.К.), первый создавший в Китае связную историю некоторых сопредельных народов, – по оценке В.С. Таскина (1968, с. 7, 10), – применяет к жившим на севере сюнну не только термин ди, но и жун, и и». Тем самым, великий историограф «порвал с традиционным делением соседних с Китаем народов по территориальному признаку», превратив их псевдоэтнонимы, изначально определявшие северных, западных и восточных соседей древнего Китая, в прямых исторических предков гуннов-сюнну.

Несложно заметить, что при описании событий 349 г. и в некоторых иных случаях источник как объединяет ху с цзе, так и выделяет цзе, говоря «хусцы и цзесцы». Там же, когда речь идет о «шести инородческих племенах», В.С. Таскин сам поясняет: «имеются в виду хусцы, цзесцы, дисцы, цяны, дуани и баские мани» (1990, с. 137, 138, 140, 205, прим. 33, 206, прим. 39), т.е. цзе вновь воспринимаются вполне самостоятельно. Та же позиция местами прослеживается и в предисловии исследователя (Таскин В.С., 1990, с. 8, 10, 13).

В соответствии со сказанным, другие историки-китаисты различают цзе и гуннов. Исследователи считают цзе выходцами из Средней Азии, лишь оказавшимися на Срединной равнине «в процессе “переселения народов”... помимо сюнну, сяньбийцев, цянов и ди». Расселившись в Северном Китае, цзе стали юго-восточными соседями гуннов. В ряде случаев выходцы из цзе были сторонниками гуннских владык, но особое происхождение этих деятелей всегда оговаривается источниками. Тридцать лет, с 319 по 349 г. в Северном Китае существовало государство цзе – Позднее Чжао, враждебное гуннам. Особенно значимо, что до событий конца III – начала IV вв. цзе, в отличие от гуннов и прочих «северных варваров», не имели ни политических, ни культурных контактов с Поднебесной и резко отличались от ее населения внешностью и обычаями (Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1979, с. 21, 22, 25, 26, 28, 71, 72, 256, карта 2, 7).

Стоит также обратить внимание на то, что среди северных народов лишь основатель династии Позднее Чжао цзе «Ши Лэ ввел у себя в государстве закон, предписывавший сжигать усопших» или «разрешил, по обычаю, сжигать трупы умерших». Мнению В.С. Таскина о буддийском происхождении обычая (1990, с. 26, 65) – при имеющихся свидетельствах присутствия буддизма в Северном Китае (1990, с. 103, 104, 123, 125, 180, прим. 59) – противостоит фраза источника: «в соответствии с традициями этого народа» (Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1979, с. 72). Согласно той же «Цзиньшу», в то время сожжение умершего считалось у китайцев страшной посмертной карой (Таскин В.С., 1990, с. 126, 143, 147, 207, прим. 54). Погребальные обряды центральноазиатских гуннов, со времен Ю.Д. Талько-Грынцевича хорошо известны археологической науке, они также ничего общего не имеют с сожжением мертвых (Руденко С.И., 1962, гл. I; Коновалов П.Б., 1976; Могильников В.А., 1992, с. 259-263, табл. 110, 111; Давыдова А.В., 1996).

Нет оснований считать обычным ритуалом цзе и связывать с гуннским похоронным обрядом тайные погребения, совершенные с матерью Ши Лэ и им самим «так, что место захоронения осталось неизвестным», а публично погребались лишь пустые гробы (Таскин В.С., 1990, с. 25, 26, 47, 87). Такие захоронения могли относиться только к конкрет-

ному случаю и в ту бурную эпоху служить уберезению знатных могил от осквернения. В пользу этого свидетельствует явно совершенное захоронение другого императора из цзе – Ши Цзилуна, того самого, что приказал раскапывать «могилы прежних императоров, правителей и мудрецов» ради наживы; пострадала даже гробница Цинь Ши-хуанди (Таскин В.С., 1990, с. 122, 123). Что касается собственно гуннских захоронений, то источники ничего не говорят о скрытности обряда, а отмечают лишь его бескурганность («не насыпают могильных холмов и не сажают деревьев») (Таскин В.С., 1968, с. 5, 40, 135, прим. 107). Археологам хорошо знакомы внешние признаки гуннских захоронений, действительно принадлежавших не к курганным, а к грунтовым погребениям, на поверхности отмеченным невысокими каменными выкладками.

Антропологический тип гуннов надежно устанавливается по трем категориям данных. Письменные источники не отличают физический тип народа от китайского, тем самым, в наших терминах, определяя его как монголоидный. Скульптурное изображение погнанного коном гунна, установленное близ гробницы победоносного ханьского полководца Хо Цуйбина (140-117 гг. до н.э.) в Маолине также воспроизводит плосколицего монголоида (Imperial, 2006. P. 35. Fig. 5; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 25, рис. 2). Раскопки могильников позволили антропологам Г.Ф. Дебецу, И.И. Гохману, С.И. Руденко и Н.Н. Мамоновой установить принадлежность гуннов к монголоидной расе, к ее так называемому палеосибирскому антропологическому типу (сводку данных и библиографию см.: Могильников В.А., 1992, с. 272, 273).

Будучи выходцами из Западного края, цзе имели совершенно иную внешность: «глубокие глаза», «высокие носы», «густые бороды». В трагическом 349 г. именно явное расовое отличие цзе от древних китайцев (как и от монголоидов гуннов) послужило основным признаком в ходе массовой их резни, учиненной по приказу нового императора – китайца Жань Миня (Ши Миня) (Таскин В.С., 1990, с. 16, 17, 119, 138; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1979, с. 26, 256, 257).

Тем самым, для приравнивания цзе к гуннам нет серьезных оснований. Следовательно, даже окажись цзе тюркоязычным народом, считать на том основании тюркоязычными и центральноазиатских гуннов будет неверно.

Новая попытка прочтения знаменитого двустишия по-тюркски оставляет вопросы, которые не обойти серией допущений: предположительными фонетическими толкованиями иероглифической записи чуждой китайцам речи, основанными на реконструкциях пратюркского состояния (относящегося к той ли эпохе?) и предположениях о возможностях его передачи в древнекитайском. Пояснения, данные лингвисткой к полученному ею тюркскому звучанию древнего прорицания, выявляют длинный ряд догадок и натяжек разного рода, касающихся уже сферы самого тюркского языкознания (Дыбо А.В., 2006в, с. 57-60). Велика ли при учете всего этого доля надежности?

О качестве полученных лингвистических реконструкций через китайский свидетельствует показательный для историка пример: первоначальное высшее гуннское титула «шаньюй» ныне вслед за Э. Пулблилэнком восстанавливают как тюркское «тархан» (Дыбо А.В., 2006а, с. 778, 779; 2006в, с. 58; 2007, с. 105). Меж тем, согласно источникам твердо установлено, что «тархан» – титул с совершенно иным содержанием, указывавший на привилегии знати (прежде всего свободы от податей), в то время как «шаньюй», согласно Бань Гу (32-92 гг.), «означает “обширный” и показывает, что носитель этого титула обширен подобно небу», т.е. владетель обитаемого мира. Тем самым, фонетические допущения не подтверждаются хорошо установленным историками содержанием слов[†]. Будем помнить, что титул «шаньюй» просуществовал до начала V в., когда был заменен в степях

^{*} Загадочно для меня упорство, с которым С.Г. Кляшторный сопоставляет с обликом гуннов личины деревянных антропоморфных блях пазырыкской культуры, носителей которой исследователь отчего-то неизменно именуется юэчжами (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 58-60; Кляшторный С.Г., 2002, с. 130-132; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 25). Анализ хромосом, выделенных из тел трех пазырыкских мумий с плато Укок, как известно, показал, что в этих людях текла кровь сибирских аборигенов, наиболее близкая к современным селькупам и кетам, в меньшей степени – к некоторым финно-уграм, например, манси (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., 2001; Куликов И.В. и др., 2006).

[†] Не относятся к делу звуковые, но не содержательные аналогии из сакского и внешние глагольные подобия из тюркских языков (Дыбо А.В., 2007, с. 105, 106), лишь проявляя гадательность подхода в целом.

на «кагана». Но в исторической и поэтической речи самого Китая он бытовал как почетное звание вождя еще и в XI в. (Таскин В.С., 1968, с. 128, прим. 83) и нигде не связывался с титулом «тархан», уже получившим тогда широкое хождение у соседей.

Подобные реконструкции древних некитайских титулов, осуществляемые лингвистами не только без связи, но и вопреки их установленным реальным историческим значениям, уже были по другому случаю показаны Л.Р. Кызласовым (1984, с. 59, 60) и мною, в отношении построений столь сведущего лингвиста-синолога как С.Е. Яхонтов, безуспешно заменившего прочтение Н.Я. Бичуриным древнехакасского титула *ажо* на *инал* в результате восстанавливаемой раннесредневековой китайской звуковой основы, но без учета употребления, звучания и содержания этого титула в русских документах конца XVII – начала XVIII вв. (*ажо*), естественным образом ни в чем независимых от исторической фонетики китайского языка (Кызласов И.Л., 1992, с. 69, 70).

Вполне понятно, что историк, многократно встречая в историко-фонетических поисках лингвистов расходящиеся с установленными прошлыми реалиями несуразницы*, лишается возможности доверять самому избранному языковедами методу звуковых реконструкций через китайский.

Показанная всем вышеизложенным глубоко зашедшая зависимость филологов от построений исторической науки, подчас довольно зыбких, весьма и весьма огорчительна: для специалистов иных гуманитарных дисциплин особенно ценны заключения, полученные при сравнительно-историческом анализе собственно лингвистического материала, недоступного для полноценной обработки в прочих областях знания. С другой стороны, совершенно понятно и то, что языковедам-алтаистам до сих пор не на что опереться, кроме представлений историков, сложившихся на основании письменных источников – развитие археологии еще недавно не позволяло получить необходимые данные.

Однако в последние годы положение в археологии стало меняться. И если в отношении монголистики и тунгусо-маньчжуристики этноархеология (как область этнического опрелеления древностей) по сей день не может, пожалуй, проникнуть в глубокую древность, то археологические признаки древних тюркоязычных народов начинают очерчиваться.

Понятно, что археологии собственными средствами не проследить не только речевых процессов, но даже и более крупных, многообразно проявляющихся в обществе подвижек этногенеза. Но нашей науке присущ анализ культурогенеза в глубоких временных пределах. В родстве материальной культуры скрыто как единство происхождения, так и контактные воздействия, свойственные народам. Разрабатывая генезис наиболее устойчивых, консервативных проявлений культуры, можно археологическими методами проверить сравнительно-исторические построения иных гуманитарных дисциплин.

Сопоставить археологические наблюдения с положением алтаистики о единстве происхождения ряда языковых групп, следовательно, и принадлежавших к ним народов, сегодня, как мы видели, особенно важно. Не следует далее уклоняться и от археологического анализа частного вопроса – показательных в этом отношении особенностей материальной культуры центральноазиатских гуннов.

Археологическому взгляду на алтайскую проблему посвящена вторая часть моей статьи.

Литература

1. Андреев Н.Д., Суник О.П. О проблеме родства алтайских языков и методах ее решения // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 26-35.
2. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981. 135 с.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. I. 381 с.

* Показательно, например, стремление объяснить на Енисее заимствованное из самодийского *кяса* «железо» через тюркское *каш* «магический дождевой камень» (Дыбо А.В., 2007. С. 97), не ведая о существовании и использовании там метеоритного железа «небесного дождя» (Кызласов Л.Р., 1969, С. 119, 198; 1984. С. 111).

4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Составители: Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван. Чебоксары, 1960. 758 с.
5. Благова Г.Ф. Против архаизации тюркологической и алтаистической терминологии // Народы Азии и Африки. 1970. № 1. С. 133-138.
6. Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II-I веках до н.э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2001. 366 с.
7. Васильев К.В. «Планы Сражающихся царств». Исследование и переводы. М., 1968. 255 с.
8. Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998. 319 с.
9. Васильев К.В. Древнейший и древний Китай // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 153-312.
10. Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994. 409 с.
11. Гаджиева Н.З. Актуальные вопросы тюркского сравнительно-исторического языкознания // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989. С. 162-181.
12. Географический трактат «Истории Хань»: описание 25 округов по северной границе империи. Перевод и комментарии Е.А. Торчинова, М.Е. Ермакова, Ю.Л. Кроля // Страны и народы Востока. М., 2005. Вып. XXXII. С. 55-125.
13. Гохман И.И. Заключение. Антропология кетов // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982. С. 77-83.
14. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб., 1996. 176 с.
15. Дёрфер Г. Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 50-66.
16. Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. М., 1986. С. 71-134.
17. Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972. С. 151-223.
18. Дмитриева Л.В. Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. Л., 1984. С. 130-177.
19. Дульзон А.П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Географические названия (Вопросы географии. Сборник 58). М., 1962. С. 50-84.
20. Дульзон А.П. Топонимы Средней Сибири // Известия СОАН. 1965, 5, сер. обществ. наук, вып. 2. С. 107-115.
21. Дыбо А.В. О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997. С. 732-734.
22. Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006а. С. 766-817. (Разделы «Пратюркский и самодийский» (с. 783-786) и «Пратюркский и праенисейский» (с. 786-789) изданы также: Дыбо А.В. О некоторых языковых контактах пратюркского и раннетюркского периода // Тюркские языки: проблемы и исследования. Горно-Алтайск, 2006. С. 57-64).
23. Дыбо А.В. Заключение // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006б. С. 818-821.
24. Дыбо А.В. Еще раз о языке сюнну // V Всероссийский съезд востоковедов «Восток в исторических судьбах народов России». Уфа, 2006в. Кн. 2. С. 53-61.
25. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007. 223 с.
26. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В.С. Таскина. М., 1979. 607 с.
27. Ермаков М.Е. Династия Хань перед угрозой извне (из докладов Цзя И трону). Введение, переводы, заключение // Страны и народы Востока. М., 2005. Вып. XXXII. С. 262-382.
28. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н., Успенский Б.А. Предисловие. Кеты, их язык, культура, история // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968. С. 5-14.
29. Клоусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории // Вопросы языкознания. 1969. № 5. С. 22-41.

30. Кляшторный С.Г. Гунны на Востоке // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. С. 122-140.
31. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.
32. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. 307 с.
33. Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V-III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 75-82.
34. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 248 с.
35. Кормушин И.В. Алтайские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 28.
36. Кроль Ю.Л. Отношение империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. М., 2005. Вып. XXXII. С. 126-361.
37. Крюков М.В. Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II-I тысячелетия до н.э. // Этнонимы. М., 1970. С. 34-45.
38. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978. 342 с.
39. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. 327 с.
40. Куликов И.В., Нефедова М.В., Шульгина Е.О., Губина М.А., Пилипенко А.С., Дамба Л.Д., Кобзев В.Ф., Воевода М.И., Ромашенко А.Г. Палеогенетические исследования останков носителей пазырыкской культуры IV-II вв. до н.э. // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 264-266.
41. Кызласов И.Л. Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай. Ответ оппонентам // Этнографическое обозрение, 1992, № 2, с. 69-76.
42. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.
43. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. 167 с.
44. Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века (История и культура востока Азии, [т. 7]). Новосибирск, 1980. С. 136-148.
45. Макаев Э.А. Рец. на кн.: Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971 // Вопросы языкознания. 1973. № 4. С. 139-142.
46. Миняев С.С. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 74-76.
47. Миняев С.С. Исчезнувшие народы. Сюнну // Природа. 1986. № 4. С. 42-53.
48. Миняев С.С. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001. С. 295-303.
49. Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 254-273, 455-464.
50. Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура и самодийская проблема // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 69-74.
51. Насилов Д.М. Об алтайской языковой общности (К истории проблемы) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 90-108.
52. Насилов Д.М. Алтаистика XIX в. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 150-155.
53. Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 126-136.
54. Норманская Ю.В. Географическая локализация пратюрков по данным флористической лексики. I // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э.Р. Тенишева. М., 2005. С. 300-324.
55. Норманская Ю.В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006. С. 387-435.

56. Норманская Ю.В. Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков // *Аспекты компаративистики. 3 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности [РГГУ]. Вып. XIX).* М., 2008. С. 678-734.
57. Переломов Л.С. Китай в эпоху Лего и Чжаньго // *История Китая с древнейших времен до наших дней.* М., 1974. С. 17-32.
58. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л., 1962. 205 с.
59. Санжеев Г.Д. В.Л. Котвич – пионер нового направления в алтаистике // *Проблемы алтаистики и монголоведения.* М., 1975. Вып. 2. С. 5-17.
60. Симоновская Л.В. Складывание феодальных отношений в III-VI веках // *История Китая с древнейших времен до наших дней.* М., 1974. С. 51-60.
61. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // *Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика.* Л., 1982. С. 144-237.
62. Суник О.П. Тунгусо-маньчжурские языки // *Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык.* М., 1997. С. 153-162.
63. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. Перевод с китайского и комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М., 1975. 579 с.
64. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. V. Перевод с китайского и комментарий Р.В. Вяткина. М., 1987. 364 с.
65. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII. Перевод с китайского Р.В. Вяткина, комментарий Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина. М., 1996. 462 с.
66. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. Перевод с китайского Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, комментарий Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина и А.М. Карапетьянца. М., 2002. 510 с.
67. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. 177 с.
68. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. 486 с.
69. Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 1. Сюнну. М., 1989. 285 с.
70. Таскин В.С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 2. Цзе. М., 1990. 255 с.
71. Тенишев Э.Р. Алтайские языки // *Языки мира. Тюркские языки.* М., 1997а. С. 7-16.
72. Тенишев Э.Р. Гуннов язык // *Языки мира. Тюркские языки.* М., 1997б. С. 52-54.
73. Тугушева Л.Ю. О словосочетании *türk uoçul bodun* в древнетюркских письменных памятниках // *Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности.* М., 1986. С. 116-117.
74. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М., 1991. 396 с.
75. Туймебаев Ж.К. К ревизии фонетического закона Рамстедта-Пельо // *Вопросы тюркской филологии.* М., 2007а. Вып. VII. С. 162-174.
76. Туймебаев Ж.К. Анлаутные губные согласные в алтайских языках // *Русский язык в коммуникативном пространстве стран СНГ и Балтии.* М., 2007б. С. 70-77.
77. Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М. 1958. 294 с.
78. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. 639 с.
79. Шервашидзе И.Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси, 1986. 135 с.
80. Щербак А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании // *Вопросы языкознания.* 1959. № 6. С. 51-63.
81. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. 204 с.
82. Щербак А.М. О ностратических исследованиях с позиции тюрколога // *Вопросы языкознания.* 1984. № 6. С. 30-42.
83. Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994. 192 с.
84. Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). СПб., 1997. 291 с.
85. Щербак А.М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб., 2005. 195 с.
86. Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // *Central Asiatic Journal.* 1973. Vol. XVII, № 1. S. 1-50.
87. Dybo A., Starostin G. In Defense of the Comparative Method, or the End of the Vovin Controversy // *Аспекты компаративистики. 3 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XIX).* М., 2008. С. 119-258.

88. Imperial Mausoleums of China. Beijing, 2006. 192 p.

89. Vovin A. The End of the Altaic Controversy // Central Asiatic Journal. 2005. Vol. 49, № 1. S. 71-132.

Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С.

(г. Новосибирск)

**РАЗВИТИЕ ОХОТНИЧЬИХ ПРОМЫСЛОВ И ОРУЖИЯ
У ТЮРКСКИХ ЭТНОСОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ
ПОД ВЛИЯНИЕМ КОНТАКТОВ С РУССКИМИ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОЕ ВРЕМЯ***

Одним из важных направлений в хозяйственной деятельности кочевых народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона в периоды древности и средневековья, наряду с ведущей ролью кочевого скотоводства, являлась охота. У средневековых тюркских номадов среди разных видов охотничьих промыслов преобладала загонная, или облавная охота на стадных диких копытных животных, которая позволяла не только обеспечить сообщества кочевников продовольствием, но и выполняла важную социальную функцию. Проведение масштабных загонных охотничьих мероприятий для конных отрядов номадов ту же роль, что и военные маневры, или тренировки, в процессе которых отрабатывались приемы ведения согласованных тактических действий.

Само занятие «богатырской» охотой занимало важное место в сонме идеологических представлений кочевой аристократии и профессиональных воинов-дружинников. Охота на быстроногих диких копытных и крупных, опасных хищных животных считалась в кочевой среде в числе самых достойных и азартных видов занятий и время проведения настоящего кочевника, взрослого мужчины-воина. Нередко охотничьи подвиги, наряду с боевыми, административными и дипломатическими заслугами, упоминались и высоко оценивались в посмертных эпитафиях средневековых кочевников. В числе охотничьих трофеев древнетюркских и кыргызских охотников в рунических надписях на памятных стелах упомянуты дикие копытные животные, олени и косули, хищники, волки и барсы, пушные звери – черные соболи (Кормушин И.В., 1997, с. 81, 122, 273). В эпоху средневековья кочевые охотники широко использовали охотничьих собак и ловчих хищных птиц (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., 2002, с. 129). Среди представителей высшей знати и правителей средневековых кочевнических государств встречались заядлые охотники, предпочитавшие занятия охотой другим своим обязанностям. В дипломатической истории Западного Тюркского каганата известен случай, когда его могущественный правитель Тон-ябгу-каган, бывший страстным охотником, встретив по пути на охоту посольства иностранных держав, не пожелал прервать своего занятия, а продолжил охоту, приняв дипломатов лишь после того, как через несколько дней вернулся в свою ставку (Мокрынин В.П., 1975, с. 112). Судя по тексту рунической надписи на стеле с оз. Алтын-Кель в Минусинской котловине, герой этой эпитафии, кыргызский каган Барсбег, любил охотиться на косуль в Черни Сунга, где позднее, в 711 г., сразился с войском восточных тюрков и погиб (Кляшторный С.Г., 1976, с. 261, 265-266).

Охотой на пушных зверей средневековые кочевники если и занимались, то в ограниченном объеме. Большую часть пушнины они получали в качестве дани и в результате торговли от подвластных таежных племен, живших на северной периферии кочевнических государств Центральной Азии. В китайских источниках имеются сведения, что правители кочевого объединения жужаней в Центральной Азии в IV в. н. э. ежегодно представляли ко двору китайской империи, во главе которой находилась сяньбийская династия Вэй, в качестве дани лошадей, соболей и куниц (Бичурин Н.Я., 1950, с. 185). Присутствие в составе ежегодных податей мехов ценных пушных зверей свидетельствует о том, что владения жужаней должны были простираться до границ таежной зоны Сибири. Вероятнее всего меха соболей и куниц жужаньские правители могли получать от вассальных лесных охотничьих племен (Худяков Ю.С., 2003, с. 81). В силу большой ценности и портативности меха могли выплачиваться в виде дани несколько раз от самих охотников

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 07-01-00434а.

своим непосредственным сюзеренам, а теми другим более могущественным правителям. Однако, в последующий период, в середине I тыс. н. э., более значимыми для жужаньских каганов были поставки дани от вассальных племен железными изделиями. В качестве такого «плавильщика» у жужаньского правителя был середине VI в. н. э. вождь древних тюрков Бумын из рода Ашина, предки которого были поселены жужанями на «южной стороне Алтайских гор» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 228). В период существования Первого Тюркского каганата на положении кыштымов у тюркских каганов оказались правители енисейских кыргызов.

В государстве кыргызов на Среднем Енисее занимались вассальные таежные племена – кыштымы, которые платили подати кыргызским правителям мехами – «собольями и белокою» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 352). По свидетельству китайских источников, у кыргызской знати в моде была зимняя меховая одежда. «Меха собольи и рысьи составляют богатое одеяние», а правитель кыргызского государства «Ажо зимою носит соболью шапку» (Бичурин Н.Я., 1952, с. 352). Знатные кыргызы также «зимой делают шапки из соболя» (Кюннер Н.В., 1961, с. 58). Вероятно, значительная часть полученной в качестве дани пушнины использовалась кыргызами для продажи иноземным купцам. Для тюркских каганов большее значение имела дань железными изделиями. В источниках указывается, что кыргызы «делают оружие крайне острое», которое «постоянно вывозят» к древним тюркам (Бичурин Н.Я., 1950, с. 352). Представители кыргызских князей вплоть до эпохи позднего средневековья и Нового времени во время переговоров с российскими властями утверждали, что сами кыргызы на пушных зверей не охотятся, поскольку это не соответствует их «природе» и «обычаям», о получают меха в качестве дани с кыштымов (Потапов Л.П., 1957, с. 19).

В источниках, относящихся к периоду развитого средневековья, в качестве одного из основных видов товаров, вывозившегося из Южной Сибири в страны Средней Азии и Дальнего Востока также упоминаются меха (Материалы, 1973, с. 41-42). В этот период торговля мехами с южносибирскими племенами перешла в руки мусульманских купцов. С образованием Монгольской империи, а затем государств Чингизидов, мусульманские купцы сосредоточили в своих руках не только торговые операции, но и откупали сбор дани с некоторых, покоренных монголами народов Евразии. Из Южной Сибири мусульманские купцы вывозили в качестве основного товара, прежде всего, пушнину (Худяков Ю.С., 1997, с. 11).

Для правителей монгольских государств Центральной Азии и зависимых от них княжеств енисейских кыргызов и телеутов не меньшее значение, чем получение пушнины, имел сбор дани с кыштымов – тюркоязычных шорцев и северных алтайцев, кумандинцев и челканцев, железными изделиями (Сатлаев Ф.А., 1988, с. 209-212). В эпоху позднего средневековья и начальный период Нового времени за право сбора ясака с кыштымов в эпоху позднего средневековья развернулась ожесточенная борьба между князьями енисейских кыргызов и телеутов (Уманский А.П., 1995, с. 136). Сами телеутские кочевники также занимались охотой на диких копытных животных и пушных зверей. В процессе раскопок на площади телеутских городищ-кокуев XVII – начала XVIII вв. в районах Верхнего Приобья А.П. Уманским были выявлены остеологические материалы, свидетельствующие о важной роли охоты на диких животных в хозяйстве телеутского кочевого населения (Уманский А.П., 1995, с. 65).

С началом продвижения за Урал, в Западную Сибирь, русских казаков и служилых людей, основным стимулом для которого было приобретение в качестве дани и охоты пушнины, им пришлось столкнуться с населявшими этот регион коренными тюркскими, угорскими и самодийскими народами, обладавшими орудийным комплексом и многовековыми традициями охотничьих промыслов. В ходе постоянных контактов русских с коренными народами, обе стороны воспринимали друг у друга наиболее эффективные орудия и приемы охоты. В состав служилых людей, которых направляли в Сибирь активно привлекались европейцы: немцы из Прибалтики и германских государств, выходцы из скандинавских стран, поляки, «черкасы» и «литва» – выходцы из Украины и Белоруссии. С конца XVI в. на российскую службу в Сибири в состав казаков и служилых воинов стали активно привлекать представителей коренных народов, в том числе сибирских татар, казахов, выходцев из тюркоязычных племен Саяно-Алтая. Они принимали участие в экспедициях по сбору ясака и военных действиях в качестве проводников, толмачей, воинов (Гемуев И.Н., Люцидарская А.А., 1994, с. 64).

Продвижение русских казаков и служилых людей в западные и южные районы Сибири в XVI – XVIII вв., во многом, диктовалось стремлением расширения податной базы для сбора ясака в «государеву казну» (Словцов П.А., 1995, с. 100). В этот период ясачные сборы имели исключительно важное значение для пополнения российской государственной казны и внешней торговли с Китаем (Шерстова Л.И., 2005, с. 91). В течение многих десятилетий племена кыштымов находились на положении двоеданцев и троеданцев, когда им приходилось платить алман монгольским ханам, джунгарским контайшам, кыргызским и телеутским князьям, и российским властям в Сибири.

Интенсивная охота и сбор ясака со временем привели к постепенному истощению природных ресурсов и злоупотреблениям местных властей, представители которых из корыстных соображений нарушали правительственные указы и распоряжения, в том числе запрет на продажу огнестрельного оружия и боеприпасов сибирским аборигенам. В источниках описаны случаи, когда служилые люди обменивали пищали на пушнину, а затем пытались представить дело таким образом, что это оружие было силой отобрано у них кыргызскими князьями, что влекло за собой военные конфликты (Шерстова Л.И., 2005, с. 92). Как полагает Л.И. Шерстова, в первые десятилетия после присоединения южных районов Сибири к Российскому государству российская администрация существенным образом повлияла на хозяйственную активность коренного населения Саяно-Алтая (Шерстова Л.И., 2005, с. 95).

Традиционный оружейный набор и приемы ведения охоты у тюркских этнических групп в Южной Сибири включал универсальные виды оружия дистанционного и ближнего действия.

Охотничьи угодья телеутов в Верхнем Пиобье располагались в ленточных борах и междуречье Ини и Берди, притоков Оби. По данным исследований А.П. Уманского, телеутские охотники охотились на лосей, благородных оленей, косуль, а также на медведей волков, лисиц, росомах, куниц, горностаев и других пушных зверей (Уманский А.П., 1995, с. 65-66).

Основным охотничьим оружием для приобских телеутов были луки и стрелы. В эпоху позднего средневековья телеутские лучники владели сложносоставными луками. Для охотничьих целей ими использовались стрелы разными типами железных и костяных наконечников. Костяные стрелы имели уплощенные черешки, ромбические и линзовидные в сечении наконечники вытянуто-прямоугольной, удлиненно-ромбической и удлиненно-треугольной формы с шипами. Костяных, или деревянных наконечников с затупленным острием, специально предназначенных для пушной охоты в телеутском наборе стрел не зафиксировано. Вероятно, в охоте на крупных животных, таких как медведи, телеутские охотники использовали копья и рогатины с длинным, линзовидным в сечении пером удлиненно-ромбической формы и кольцевыми завитками на втулке (Худяков Ю.С., 2004, с. 312-313, 315). Подобные наконечники копий были на вооружении у русских воинов в эпоху позднего средневековья. Вполне вероятно, что у тюркских народов Сибири они получили распространение под влиянием контактов с русскими.

Помимо поражения цели метательным и колющим оружием, телеуты использовали для охоты загороди и ловчие ямы. Для охоты на пушных зверей использовались охотничьи собаки. Летом охотники передвигались верхом на лошадях, зимой на лыжах. Наиболее видами охотничьих промыслов для телеутов были загонные охоты на диких копытных животных и индивидуальные охоты на пушных зверей.

С конца XVII в. в арсенале охотничьего оружия и приспособлений у телеутских охотников появились капканы и пищали, русского изготовления. Огнестрельное оружие они приобретали у русских служилых людей и «бухарцев» – торговцев из Средней Азии. Добытая во время охоты пушнина сбывалась тем же приезжим купцам (Уманский А.П., 1995, с. 65-66).

В археологических материалах, которые принято относить к числу памятников теленгитов эпохи позднего средневековья и периода этнографической современности, исследованным в разное время на территории Горного Алтая, также обнаружены предметы вооружения дистанционного действия, которые могли использоваться на охоте. В теленгитском погребении, исследованном в долине р. Улаган, был найден лук со срединной фронтальной накладкой с расширенными концами (Савинов Д.Г., 1981, с. 162). В позднесредневековом захоронении в скальной расщелине в урочище Тожан в окрестностях с. Ело в Центральном Алтае В.А. Кочевым были найдены обломки деревянной кибити лу-

ка, который не имел костяных накладок (рис. 1 – 4, 10) (Кочеев В.А., 1983, с. 154). В составе колчанного набора из этого погребального комплекса, помимо боевых стрел с плоскими железными наконечниками, было семь стрел с костяными наконечниками трехгранного и трапециевидного сечения, удлинненно-ромбической и удлинненно-шестиугольной формы (рис. 1 – 5-9) (Кочеев В.А., 1983, с. 154; рис. 3, 1-7).

Вполне вероятно, что стрелы с костяными наконечниками использовались, прежде всего, для поражения дичи на охоте, хотя в культурах древних кочевников Саяно-Алтая имеются свидетельства поражения такими стрелами и людей. По материалам, собранным археологом и этнографом А.Н. Липским, стрелой с костяным наконечником охотник мог поразить не только мелкую дичь, но и косулю, лося и даже медведя, что свидетельствовало и о возможности поражения человека (Липский А.Н., 1966, с. 114).

С огнестрельным оружием теленгиты, которых русские называли горными, или белыми калмыками, могли познакомиться еще в период зависимости от джунгар в XVII – первой половине XVIII вв. Однако, приобретать такое оружие и использовать его для целей охоты они смогли только после присоединения Горного Алтая к России. Процесс освоения огнестрельного оружия был длительным, о чем свидетельствуют обнаруженные и раскопанные археологические памятники, приписываемые теленгитам. В составе оружейногоклада, обнаруженного местными жителями в окрестностях с. Джебзатор на юге Горного Алтая наряду с кольчугами был ствол и замок от фитильного ружья, которые исследователи относят к XVII – XVIII вв. и связывают с «прикновение русского населения в Сибирь» (рис. 1 – 1) (Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В., 1995, с. 102-104). Еще один ствол фитильного ружья был обнаружен местными жителями в 1990-х гг. в пещере в долине р. Эдиган и передан специалистам по изготовлению предметных реконструкций. Этот ствол был некогда обрезан владельцами примерно наполовину своей длины (рис. 1 – 2). Интересно, что, несмотря на повреждение и длительное хранение в не самых пригодных для этого условиях в пещере, этот ружейный ствол вполне пригоден для стрельбы, как было продемонстрировано в ходе соответствующего эксперимента.

В теленгитском погребении, раскопанном на р. Улаган, наряду с луком и стрелами было обнаружено ружье и пули (Дьяконова В.П., 2001, с. 192). Во впускном теленгитском захоронении XIX в. на памятнике Талдура II в Чуйской степи было обнаружено кремневое ружье с деревянным прикладом и «остатки охотничьего набора – кожаный мешочек, вероятно, с порохом» (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 135).

По свидетельству В.В. Радлова, уже в начале XIX в. у алтайцев постепенно вышли из употребления луки и стрелы, а к середине этого столетия они стали использовать на охоте только огнестрельное оружие. По его описанию, в этот период у них были распространены «алтайские винтовки», фитильные и кремневые ружья, использовавшиеся для стрельбы по крупной дичи. Как правило, эти ружья переделаны из устаревших российских «солдатских» винтовок, поскольку алтайские кузнецы не могли изготавливать ружейные стволы. Старые ружейные стволы укрепляли на длинный, очень узкий приклад с «шарнирной вилкой» – подставкой, которую можно было отгибать вперед и стрелять из ружья с этой подставки. В состав охотничьих принадлежностей входил кожаный пояс с фитильной сумкой, патронташем, пулями и трубки с порохом. Исследователь отмечал, что алтайские охотники «обращаются со своими ружьями очень ловко и умело, заряжают и стреляют очень быстро». Помимо крупных ружей, у алтайцев были и небольшие ружья, которыми они стреляли сидя верхом на лошади. В его работе приведены ружья и охотничьи принадлежности (рис. 1 – 3, 11) (Радлов В.В., 1989, с. 156-159; табл. 7. 3, 5-8).

По данным, собранным этнографами, в XIX в. теленгиты, помимо своего основного вида хозяйственной деятельности – скотоводства, регулярно и активно занимались охотой. Охота носила сезонный характер. Осенью охотились на горных козлов и архаров, поздней осенью и зимой на пушных зверей и медведей. Во время охотничьего сезона они передвигались верхом на лошадях, или на лыжах по снегу. Основным оружием охоты были кремневые ружья и охотничьи принадлежности для хранения пороха и пуль. Помимо ружей, теленгитские охотники продолжали изредка использовать луки-самострелы, которых заряжали стрелами с плоскими ромбическими железными наконечниками, петли для лова пушных зверей, загородки на реках для лова выдр. Теленгитские охотники ис-

пользовали для загонной охоты на копытных животных и пушных зверей охотничьих собак (Дьяконова В.П., 2001, с. 30-35). Во второй половине XIX в. охоты на промысловых пушных зверей велась, преимущественно, для продажи русским купцам.

Важным источником для изучения охотничьего оружия и приемов охоты, применявшихся алтайцами, могут служить наскальные изображения этнографического времени в Саяно-Алтае, на которых изображены охотником, стреляющие из луков и ружей с сошками в горных козлов и маралов (Октябрьская И.В., Черемисин Д.В., 1997, рис. 1-3). Некоторые исследователи усматривают в охотничьих сценах эротический смысл и связывают их не только с промысловой магией, но и ритуалами плодородия (Октябрьская И.В., Черемисин Д.В., 1999, с. 54-56).

В археологических памятниках разных этнических групп кыштымов, исследованных на Среднем Енисее и Причулымье, относящихся к эпохе позднего средневековья и Новому времени, обнаружены предметы, которые могли использоваться универсально для военных и охотничьих целей. Среди таких вещей сложносоставные луки с концевыми вкладышами, плечевыми и срединными фронтальными накладками, стрелы с костяными наконечниками трехгранного, ромбического и шестигранного сечения удлиненно-ромбической формы, а также вислообушные широколезвийные топоры русского ремесленного производства (Худяков Ю.С., 2002, с. 74-76). Некоторые тюркские, кетские и самодийские родо-племенные группы, находившиеся на положении кыштымов в кыргызских княжествах, и вынужденные платить подати кыргызским князьям, халха-монгольским и джунгарским правителям, и сибирским воеводам, для упорядочения и облегчения податного гнета предпочли в XVII – начале XVIII вв. перейти в российское подданство. Представители кыштымов стали нести службу в отрядах служилых людей и способствовали закреплению российской власти на территории Минусинской котловины. В погребальных комплексах разных этнических групп: бельтыр, койбалов, шорцев, качинцев и сагайцев XVIII – XIX вв., вошедших в состав современных хакасов, которые были исследованы В.П. Алексеевым и А.Н. Липским в 1950-х гг. на юге Минусинской котловины, были найдены луки со стрелами. В числе найденных стрел был костяной наконечник со свистункой, а также кремневые ружья (Липский А.Н., 1956, с. 74; табл. 12, 1). В спектре хозяйственных занятий большей части этих этнических групп, вошедших в состав современных хакасов, за исключением скотоводов качинцев, в период этнографической современности важное место занимала охота. В степных районах в XVIII в. еще практиковалась облавная охота на стадных диких копытных животных. Однако, основным видом охотничьего промысла была охота на пушных зверей, которую проводили в осенний и зимний период. Охотники выезжали в тайгу небольшими группами верхом на лошадях, а зимой на лыжах. До начала XIX в. охотники употребляли для стрельбы по различным видам промысловых животных луки и стрелы. В последующий период они стали охотиться с помощью кремневых ружей. В состав снаряжения охотника входил пояс с патронташем и пороховницей. Для охоты использовали охотничьих собак. Для добычи разных видов промысловых животных применялись также самострелы, капканы и ловчие сети (Бутанаев В.Я., 1996, с. 26-31).

Полученная в результате промысловой охоты пушнина очень высоко ценилась. Она служила для оплаты подати российским властям в Сибири и шла на продажу русским купцам. В очень редких случаях, российские власти, заинтересованные в получении мехов, шли на то, чтобы заменить обычный ясак пушниной на изделия из железа, как это было сделано в отношении шорцев. Эта замена была обусловлена острой нехваткой железных изделий в русских острогах Сибири и дороговизной доставки подобных предметов из-за Урала. Впрочем, после того, как острота проблемы снизилась, коренное население Верхнего Притомья было сориентировано на уплату ясака пушниной. Как считает Л.И. Шерстова, повсеместное «пушное содержание ясака» в XVII – XVIII вв. привело к тому, что другие виды хозяйственной деятельности тюркоязычного населения долины р. Томи «оказались свернутыми», а охотничий промысел был переориентирован на пушную охоту (Шерстова Л.И., 2005, с. 95).

Как отметил Л.П. Потапов, среди тюркских этнических групп, бывших в недавнем прошлом кыштымами в княжествах енисейских кыргызов, а также шорцев, камасинцев,

карагасов, северных алтайцев и северо-восточных тувинцев, сложились общие приемы ведения промысловой охоты на пушного зверя таежных районах Саяно-Алтая (Потапов Л.П., 1957. с. 274). Эта общность в охотничьей промысловой деятельности была обусловлена не только особенностями этологии диких животных, служивших объектами охоты, но и схожим набором охотничьего оружия, снаряжения, и приспособлений для ловли, получивших распространение среди тюркских народов Южной Сибири вследствие длительных и постоянных контактов с русскими промышленниками.

Однако процессы этнокультурного взаимодействия в сфере охотничьей деятельности не были односторонними. В свою очередь, русские охотники, продвигаясь в таежные районы Саяно-Алтая, также заимствовали некоторые виды охотничьего снаряжения и приемы охоты у коренного населения.

Литература

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. I. 381 с.
2. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996. 224 с.
3. Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. Служилые угры (один из аспектов русско-угорских отношений в XVI – XVII вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. 1994. № 3. С. 63-67.
4. Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001. 223 с.
5. Кляшторный С.Г. Стелы золотого озера (к датировке енисейских рунических надписей) // Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 258-267.
6. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997. 303 с.
7. Кочеев В.А. Погребение II тыс. н. э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 153-162.
8. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 392 с.
9. Липский А.Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии (II-й в. до н. э. – IV в. н. э.) // Краеведческий сборник. Абакан, 1956. Вып. 1. С. 9-92.
10. Липский А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических источников // Советская этнография. 1966. № 1. С. 105-118.
11. Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. I. 280 с.
12. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 127-153.
13. Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Охота среди скал (древние и современные петроглифы Джурамала) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. 1997. № 3. С. 63-71.
14. Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Оружие, достойное мужчин (по материалам петроглифики Алтая и сопредельных территорий) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. 1999. № 3. С. 51-56.
15. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307 с.
16. Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 146-162.
17. Сатлаев Ф.А. Из истории хозяйственного развития Северного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 182-222.
18. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск, 1995. 675 с.
19. Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. находка кольчуг близ с. Джезатор (Горный Алтай) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. 1995. № 3. С. 100-104.
20. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул, 1995. Ч. 1. 171 с.
21. Худяков Ю.С. Торговые пути, связывавшие Южную Сибирь и «великий шелковый путь» // Вестник Хакасского государственного университета. Абакан, 1997. Вып. III. Серия 3. История. Право. С. 8-17.

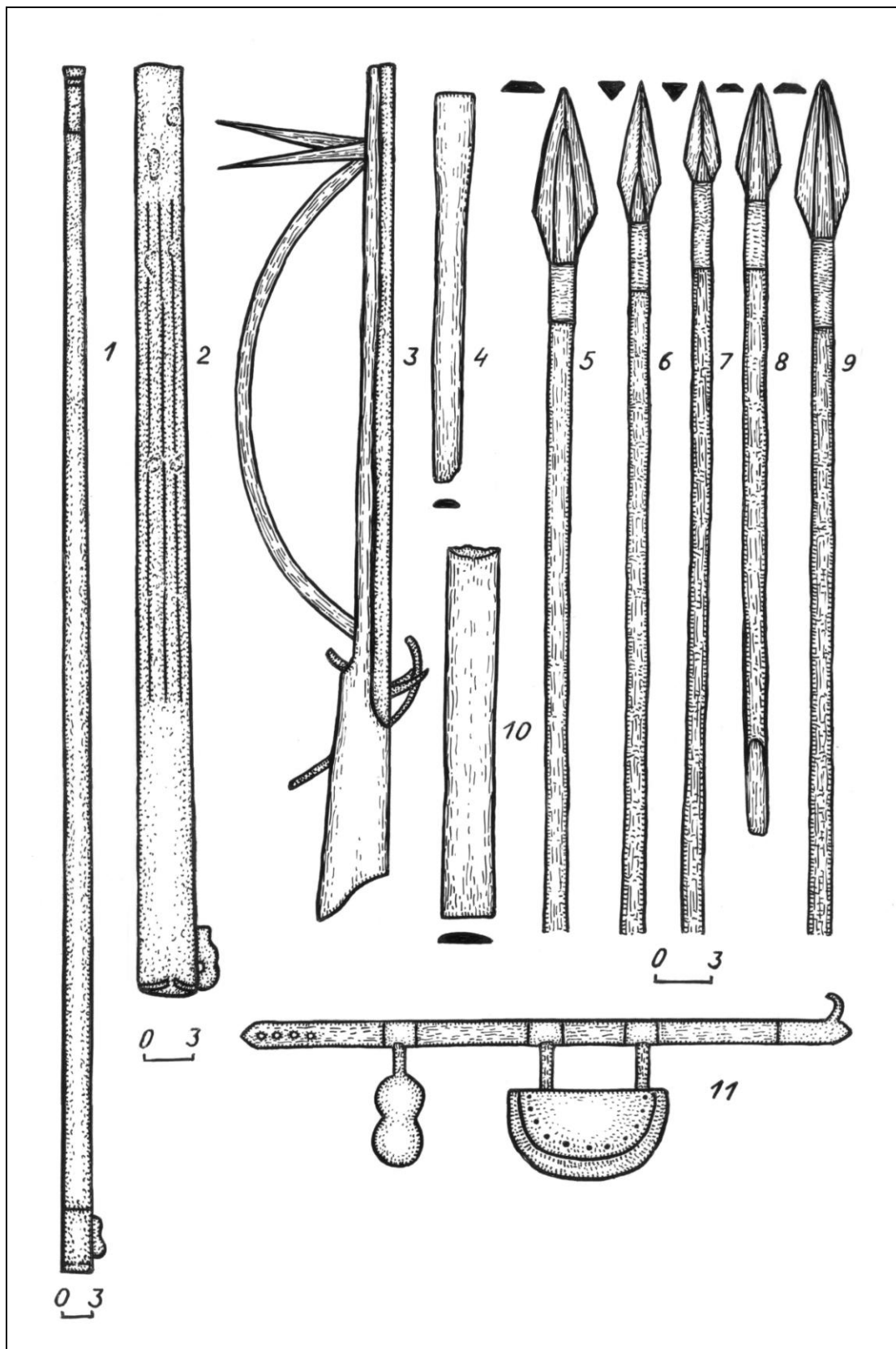

Рис. I.

Охотничье оружие населения Горного Алтая в эпоху позднего средневековья и Новое время: 1, 2 – стволы фитильных ружей; 3 – ружье с сошками; 4, 10 – накладки лука; 5-9 – стрелы с костяными наконечниками; 11 – пояс с охотничьими принадлежностями; 1 – Джазатор; 2 – Эдиган; 3, 11 – этнографические материалы В. Радлова; 4-10 – Тожан.

22. Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего средневековья // Военное дело nomадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 65-88.
23. Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии. Новосибирск, 2003. 240 с.
24. Худяков Ю.С. Комплекс боевых средств Алтая и юга Западной Сибири в эпоху позднего средневековья // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии / Восток – Запад: Диалог культур Евразии. Казань, 2004. Вып. 4. С. 308-318.
25. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3. С. 124-131.
26. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. 312 с.

Чевалков Л.М.
(г. Горно-Алтайск)

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ГОРНОМ АЛТАЕ И ИНСТИТУТЕ АЛТАИСТИКИ ИМ. С.С. СУРАЗАКОВА

Горный Алтай, в отличие от других регионов Северной и Центральной Азии, чрезвычайно насыщен памятниками археологии различных эпох и народов, начиная с каменного века и вплоть до этнографической давности. При этом большая часть древней истории Алтайского горного региона и сопредельных территорий практически не имеет письменных источников или они скудны. Поэтому изучать и восстанавливать исторический процесс в древности вплоть до позднего средневековья приходится с помощью археологической науки с широким применением материалов других научных дисциплин как гуманитарного, так и естественного профиля.

Археологические материалы нашего региона содержат ценнейшую информацию по проблемам происхождения человека, первоначального заселения древним человеком Северной Азии, исторического опыта освоения региона, этногенеза и культурогенеза населения разных исторических эпох, особенностей эволюции социальной структуры и т. д. Кроме того, эти материалы содержат информацию о многих сторонах культуры населения как сопредельных, так и значительно удаленных регионов Евразийского континента.

Накопление знаний о сибирских древностях, в том числе и об алтайских, началось в XVII веке с деятельности кладоискателей – “бугровщиков”. Грабительские раскопки нанесли значительный ущерб археологическим памятникам Сибири. Но, благодаря указам императора Петра I удалось собрать довольно большую коллекцию предметов искусства древних аборигенов данного региона, которая в настоящее время хранится в Эрмитаже.

Научное изучение алтайских древностей положила первая академическая комплексная экспедиция под руководством Д.Г. Мессершмидта, состоявшаяся в 1720 – 1727 гг. Один из маршрутов его экспедиции пролегал через алтайские степи, когда основная часть территории Алтая находилась во владениях Джунгарского ханства. Во время прохождения маршрута он покупал у местного русского населения различные раритеты, добытые “бугровщицеством”.

Первым прямым свидетельством об археологических находках на Алтае следует считать рукопись старшего горного мастера Колывано-Воскресенских заводов Ивана Ивановича Лейбе (1724 – 1782 гг.), в которой, кроме описания руд и минералов, он указывает на “чудские” древние шахты и шурфы Змеёвой горы и на найденные там литые инструменты и каменные молоты. С этих двух моментов, видимо, следует начать отчет истории археологического изучения алтайских древностей, которую можно разделить на два больших этапа познания прошлого. Первый этап начинается с 20-х годов XVIII века и заканчивается первым десятилетием XX века. Второй берет начало с конца 20-х годов XX века и длится по настоящее время. Каждый этап имеет свои характерные особенности.

Так, первый этап является временем первоначального накопления информации об алтайских древностях и постановки первых гипотез о происхождении, этногенезе и культурогенезе аборигенов горного региона. Особенностью данного периода является еще и то, что в данный хронологический отрезок происходит становление самой археологии как науки, формируется российская археологическая школа, методика исследований. Поэтому все исследователи, занимавшиеся археологией Алтая являлись либо учеными-энциклопедистами, либо специалистами (врачи, горные инженеры и пр.) узкого профиля, но имеющие возможность частых поездок по долгу службы, во время которых они и производили свои археологические наблюдения.

В 1768 – 1774 гг. состоялась большая экспедиция академика П.С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь. Для нас представляют научный интерес его наблюдения над горными выработками Алтая. Исходя из этих наблюдений, он выдвинул мысль о том, что прародина финнов и венгров находится на Алтае. Путешествуя по отрогам Тигирецкого хребта, П.С. Паллас положил начало изучению алтайского карста. Ему принадлежат первые сведения по геологии, палеонтологии, археологии и антропологии пещер бассейна среднего течения реки Чарыш.

В XIX веке изучение алтайских пещер продолжили известный натуралист Ф.В. Геблер, служивший инспектором медицинской части Алтайского горного округа, управляющий Змеиногорским краем горный инженер А.И. Кулибин и выдающийся русский геолог Г.П. Гельмерсен. В первой половине 30-х годов XIX века ими были осмотрены пещеры по правому берегу р. Чарыш в районе Чагырского прииска и собрана коллекция костей ископаемой фауны, среди которой определены: носорог, лошадь, олень, бык, лама, тигр, гиена, пещерный медведь и пр. Позднее, в 1870 г. академик Ф.Ф. Бранд обобщил материалы по ископаемой фауне северо-западного Алтая. Его выводы использовал известный русский археолог А.С. Уваров, который в 1881 г., критически осмыслив данные по алтайской спелеофауне, пришел к выводу о возможности обитания в пещерах Алтая первобытного человека эпохи камня. Позднее, во второй половине XX века, эти выводы были блестяще подтверждены советскими археологами, открывшими миру ряд пещер Алтая с уникальными находками эпохи палеолита (Усть-Канская, Денисова, Страшная и др. пещеры бассейна рек Чарыша и Ануя).

Одним из известных ученых, занимавшихся изучением древней истории Сибири и Центральной Азии в рассматриваемый нами период был известный ориенталист (востоковед) Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов (окончил Берлинский университет; получил звание доктора философии). Исключительна роль В.В. Радлова в научном археологическом изучении Алтая, которое он начал с 60-х гг. XIX в. В 1865 г. он производит раскопки больших курганов с каменной наброской пазырыкской культуры скифского времени: Берельского и Катандинского. Оба кургана достигали 30 м в диаметре и высоты до 2,2 м. Они были ограблены еще в древности, тем не менее, находки, сделанные в процессе раскопок являлись уникальными для того времени. Так в Катандинском кургане в грабительском лазе Радлов обнаружил две шубы, которые в настоящее время находятся на хранении в Эрмитаже. Кроме этого достоянием археолога стало большое количество предметов быта, украшения из дерева, керамики, металлов и прочие вещи. Свои исследования В.В. Радлов сопровождал подробным описанием процесса раскопок, обряда захоронения, вещей и графическим их изображением.

Кроме этого В.В. Радлов раскопал большое количество захоронений бронзового и железного веков, собрав обильный вещевой материал, иногда уникальный. Археологические работы велись в долине реки Урсул, в Чуйской, Катандинской и Берельской степях.

На основании своих археологических исследований с 1862 по 1902 гг. В.В. Радлов выделил четыре культурно-исторических этапа в Западной Сибири: 1 – бронзовый и медный период (медные рудники, художественное литье); 2 – древний железный период (скифские курганы, тюрки кочевники); 3 – новейший железный период (малые каменные курганы, узкогорлые сосуды, обилие железа, тюрки охотники); 4 – позднейший железный период (малые курганы, земледельцы, упадок культуры). В своей работе «Сибирские древности» В.В. Радлов попытался опубликовать источники по археологии Сибири. Книга не утратила своего значения, как первоисточник, до сего времени. А в книге «Aus Sibirien» он опубликовал археологические и этнографические материалы.

Материалы по археологии, собранные В.В. Радловы не потеряли своего значения и в наше время. Он заложил основы Сибирской скифологии, благодаря его раскопкам курганов бронзового века под с. Онгудай, уже в 30-е г. советский археолог С.А. Теплоухов, обобщив

свой материал из Минусинской степи и материал Радлова, выделил афанасьевскую культуру раннего бронзового века. Археологические и этнографические материалы Радлова были использованы при написании трудов Л.П. Потапова «Очерки по истории алтайцев» и С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири». Заканчивается первый этап открытием в 1911 году М.Д. Копытовым, писарем Бийской волостной управы, алтайского палеолита.

Второй этап характеризуется тем, что в это время исследованиями алтайских древностей занимаются профессиональные археологи научных центров Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Барнаула, Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. С самого начала они развивают комплексный подход в своих изысканиях, т.е. привлекают для полевых и кабинетных, аналитических работ специалистов различных научных направлений. В настоящее время комплексный, мультидисциплинарный метод археологических исследований является обычной практикой профессионального археолога.

Отправной точкой для второго этапа следует считать 1929 год, когда были произведены раскопки I-го Пазырыкского кургана в долине реки Большой Улаган Улаганского района. Это было время, когда только закончились боевые действия против повстанцев Алтая (белобандитов). После раскопок В.В. Радловым больших Берельского и Катандинского курганов, полевые исследования принесли значительные результаты. Была обнаружена подкурганная мерзлота, благодаря которой великолепно сохранились предметы из органики: бальзамированные погребенные, трупы лошадей, предметы из войлока, украшенные богатой аппликацией, предметы из дерева и пр. Работами руководили М.П. Грязнов и С.И. Руденко, сотрудники Института материальной культуры г. Ленинграда. Кроме этого в 30-е годы прошлого века археологи под руководством Г.И. Сосновского производили исследования стоянок каменного века в районе села Сростки и г. Бийска. Результаты их исследований были опубликованы перед войной. Они дали основания сравнить палеолит Алтая с уже известными стоянками Афонтовой горы под г. Красноярском.

Археологические изыскания на территории Горного Алтая возобновились во второй половине 40-х годов прошлого века масштабными раскопками больших курганов пазырыкской культуры в урочище Пазырык на правом берегу реки Б. Улаган Улаганского района, организованными С.И. Руденко. В 50-е годы им исследовались могильники Баш-Адара и Туэкты бассейна реки Урсул Онгудайского района. Раскопки больших курганов скифского времени, проведенные им, дали массовый материал для понимания пазырыкской культуры Алтая. Под его руководством, также, в 1954 г. была исследована палеолитическая стоянка в Усть-Канской пещере, оказавшейся на то время древнейшей в Сибири. Раскопки С.И. Руденко дали мощный толчок для дальнейшего изучения древней истории Алтая археологическими методами.

В 60-е годы в Горном Алтае начинает свою деятельность А.П. Окладников, один из крупнейших советских исследователей азиатских древностей. Начало его работы связано с открытием в 1961 году палеолитического местонахождения на реке Улалушке в г. Горно-Алтайске. Результаты исследований позволили поставить Улалинку в ранг древнейшего археологического памятника Сибири. В результате раскопок рыхлых глинистых отложений Улалинского холма А.П. Окладниковым собрана коллекция примитивных изделий первобытного человека из желтого кварцита, который в изобилии имеется в окрестностях и русле реки. Каменную индустрию Улалинки А.П. Окладников отнес к категории кварцитового палеолита, а по технике расщепления квалифицировал как разновидность галечной технологии. Он же отметил аморфность и морфологическую неустойчивость готовых изделий и подчеркнул, что «эти странные вещи по совокупности оббивки и общей примитивности формы выглядят как родные братья древнейших орудий – чопперов из Пенджаба и «галечных орудий» Африки.» В целом, основываясь на ряде признаков, ученый отнес индустрию Улалинки ко времени, предшествующему мустьерскому, а может быть ашельской культуре, т.е. к нижнему палеолиту (в абсолютном исчислении это промежуток времени от 250 до 300 тыс. лет тому назад).

Для определения возраста геологических слоев привлекались специалисты геологи: И.М. Гайдук, О.М. Адаменко, С.Л. Троицкий и др., использовались методы палеомагнитного анализа и термолюминесцентного датирования. Мнения о возрасте стоянки у специалистов разошлись. Геологи датировали рыхлые отложения, содержащие кварцитовые гальки то самаровско-тазовским межстадиалом, то самаровским оледенением, то концом тазовского оледенения, на-

чалом казанцевского потепления (в абсолютном исчислении от 100 тыс. до 350 тыс. лет назад). Термолюминесцентный и палеомагнитный методы дали даты от 690 тыс. до 1,5 млн. лет от наших дней для желтых глин, подстилающих покровные суглинки. Данные, полученные геологом С.В. Николаевым в конце 70-х годов, показали, что желтые глины имеют миоценовый возраст, т.е. соотносятся с палеомагнитными датами, а вышележащие суглинки могут быть отнесены к только к сартанскому (аккемскому). Между двумя пачками этих отложений оказалась “временная пропасть”, т.е. промежуточные осадочные слои оказались уничтоженными временем, поэтому каменные изделия первобытного человека оказались зажатыми между очень древними и относительно молодыми геологическими слоями, т.е. переотложенными, о чем говорил еще в свое время академик А.П. Окладников.

Указанные выше факты вызвали острую дискуссию в научном мире по поводу времени существования стоянки и наличия реальных орудий труда древнего человека. Собранный А.П. Окладниковым консилиум из ведущих специалистов в области археологии палеолита признал, что среди многочисленных галек с аморфными плоскостями имеется около сотни артефактов, включающие ядрища и отщепы, чопперы, чоппинги, анкоши и серийно представленные скребла.

В настоящее время известно большое количество стоянок с галечной традицией как в Южной Сибири, на юге Дальнего Востока, так и в Монголии и Китае. Определены их типологические и технологические характеристики. Для стоянок с галечной индустрией характерны микро - и макрочопперы и чоппинги, орудия с носиком, галечные скребла, обушковые ножи, нуклеусы с минимальной подправкой ударной площадки. Галечная индустрия Северной Азии характеризуется бессистемной первичной обработкой и орудийным набором на гальках или сколотых с них крупных галечных отщепах. Наиболее древние стоянки такого типа находятся в Китае, возраст их определяется от 600 тыс. лет и древнее. На территории Монголии подобные памятники датируются не моложе 400 – 500 тыс. лет, а для юга Сибири их возраст можно предполагать в 300 – 400 тыс. лет, а может быть и древнее.

Таким образом, современные знания о палеолите дали новое подтверждение выводам академика А.П. Окладникова о том, что Сибирь была заселена человеком в глубокой древности и о реальности существования Улалинской стоянки. Тем не менее, остался открытым вопрос о возрасте Улалинского палеолитического местонахождения.

В дальнейшем археологические исследования под его руководством А.П. Окладникова распространились на территорию всего Горного Алтая. Были открыты и изучены десятки памятников каменного века, местонахождения петроглифов, памятники раннего бронзового и железного веков. Многие из них со временем приобрели мировую известность. Такие как Кара-Тенеш (исследовался памятник В.И. Молодиным и А.П. Погожевой), Кара-Бом, Денисова пещера, комплексы петроглифов Средней Катунь и пр. объекты.

В 70-е годы изучение курганов рядовых кочевников пазырыкской культуры начал В.Д. Кубарев, научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН СССР. За два десятилетия научного поиска им было собрано огромное количество фактического материала по эпохе раннего железа, по древнетюркскому периоду, что позволило по новому взглянуть на древнюю историю нашего региона.

В 60 – 70-е годы прошлого века, воодушевленные исследованиями С.И. Руденко и А.П. Окладникова, в Горном Алтае работают экспедиции Эрмитажа, Ленинградского университета, центрального Института археологии г. Москвы. Их возглавляли такие известные археологи как С.С. Сорокин, Д.Г. Савинов, А.С. Могильников и др.

Благодаря исследованиям выше указанных археологов расширились хронологические рамки изучения древней истории Алтая. Кроме традиционного изучения палеолита и пазырыкской культуры, стали накапливаться знания по бронзовому веку Алтая, по гунно-сарматской эпохе и прочим периодам древней истории региона.

Во второй половине 70-х годов к научным изысканиям на Алтае приступает археологическая экспедиция Алтайского университета. В результате интенсивных полевых работ барнаульские археологи получили разнообразный в хронологическом отношении материал.

В 80 – 90-е гг. на территории Горного Алтая продолжают интенсивные полевые исследования сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН. За данный период были открыты десятки памятников каменного века и производились их интенсивные исследования. Так, например, достаточно упомянуть открытие и изучение Денисовского археологического микрорайона. Здесь

до сей поры, изучаются археологические объекты эпохи палеолита. С 1998 г. началось новое изучение Усть-Канской пещеры. После раскопок С.И. Руденко в 1954 г., здесь были обнаружены не потревоженные осадочные отложения, пригодные для исследований. Общее руководство изучением пещеры осуществляет академик А.П. Деревянко.

Памятник Усть-Канская пещера находится на правом борту долины верхнего течения реки Чарыш, в 3,5 км восточнее с. Усть-Кан. Географические координаты памятника в системе WGS-84 – 50° 54'40" с.ш. и 84° 48'50" в.д.

Свое название, как археологический памятник, Усть-Канская пещера получила после публикации материалов раскопок 1954 года, произведенных известным археологом С.И. Руденко. На топографических картах гора, где расположен грот, не имеет названия. Русскоязычное местное население называет это место пещерой на «Белом камне», т.к. грот хорошо просматривается с большого расстояния в массиве мраморизованных силурийских известняков, которые резко выделяются по цвету от окружающих гор, сложенных хлоритизированными темно-зелеными сланцами. У коренных жителей – алтайцев есть свое название этого места – Алмыс Туу Боом.

Район пещеры-грома представлен среднегорным резко расчлененным рельефом с широко разработанными поперечными и продольными профилями долин рек Чарыш, Кырлык и Ябоган. При выделении морфогенетических типов рельефа использовались материалы попутных наблюдений, проводившихся при работах на маршрутах, и данные дешифрования аэрофотоснимков, полученные в камеральный и полевой периоды.

Усть-Канская пещера расположена на крутосклонном участке рельефа, на отметке 54 м от уреза воды реки Чарыш и приурочена к массиву мраморизованных силурийских известняков, который представляет собой тектонический блок в поле кембро-ордовикских хлоритовых сланцев в зоне проявления глубинного долгоживущего Чарышско-Теректинского разлома. Окрестности представляют собой выровненные площадки, слабонаклоненные в сторону русла реки.

История археологического исследования Усть-Канской пещеры начинается с 1954 года, с момента открытия ее С.И. Руденко. Описание стратиграфии раскопа 1954 года включало три слоя: щебень с рыхлым заполнителем, красную глину и глыбы известняка. По наблюдениям С.И. Руденко, археологический материал залегал в первом слое. Мощность его у входа составляла 1,75 м. Коллекция фауны Усть-Канской пещеры, по данным С.И. Руденко, включает 1700 костей и их фрагментов, принадлежащих крупным млекопитающим, грызунам и птицам. По ним было выделено 17 видов из отрядов хищных, непарнокопытных, парнокопытных, зайцеобразных и грызунов, а также 12 видов птиц.

Характеризуя каменную коллекцию стоянки, С.И. Руденко отметил важную ее особенность – сочетание в одном комплексе архаичных по форме массивных орудий с грубой обработкой поверхности и орудий сравнительно меньших размеров с более тщательной отделкой рабочих элементов. В целом он датировал стоянку теплой сухой фазой верхнего плейстоцена, предшествовавшей последнему оледенению Алтая. По тому времени это была древнейшая стоянка эпохи палеолита в Северной Азии.

В последующее время материалы Усть-Канской пещеры были пересмотрены в работе Н.К. Анисюткина и С.Н. Астахова. Они сделали два важных вывода: основная часть каменного инвентаря стоянки относится к мустье леваллуазской фации и имеет позднемустьерский возраст; кроме мустьерских в коллекции присутствуют позднепалеолитические изделия, однако эти предметы малочисленны и не влияют на определение общего мустьерского облика индустрии. В середине 70-х годов прошлого столетия стратиграфию Усть-Канской пещеры изучали геологи С.М. Цейтлин и В.А. Панычев. Они уточнили разрезы пещеры и выделили до десятка слоев осадочных отложений.

В связи с открытием и раскопками новых памятников эпохи мустье на Алтае (пещер им. Окладникова, Денисовой, стоянок Кара-Бом и Усть-Каракол) материалы Усть-Канской пещеры начали вызывать особый интерес у исследователей. Но много в них было неизвестного, предположительного и откровенно сомнительного. Поэтому встала проблема повторных раскопок данного археологического объекта.

В 1998 году группой археологов из Новосибирска и Горно-Алтайска был произведен зондаж отложений в центральной камере на расстоянии 11,5 м от капельной линии шурфом (площадью 2 кв. м). Был выявлен не потревоженный предыдущими раскопками участок стоянки первобытного человека.

С 1999 года на пещере начались стационарные исследования группой ученых из Института Археологии и Этнографии СО РАН и Института Алтаистики им. С.С. Суразакова под общим руководством академика А.П. Деревянко. Эти работы проводятся по настоящее время.

Общая площадь раскопа составляет 33 кв. м. За прошедшие полевые сезоны на пещере были произведены следующие виды работ: раскопки на предвходовой площадке и в глубине грота, включавшие в себя разборку грунта, фиксацию найденных археологических находок, промывку грунта, сбор фаунистических остатков. Получены следующие результаты. В целом, время накопления осадков Усть-Канской пещеры отличалось устойчивым климатом без резких перемен, о чем говорит не меняющийся от слоя к слою видовой состав мелких млекопитающих. Геодезическое исследование полости показало большие перспективы исследований четвертичных отложений. Очевидны перспективы для раскопок предвходовых отложений и южной части грота. Собрана значительная коллекция предметов каменной индустрии, костей животных, которая в настоящее время изучается специалистами. По предварительным данным каменная индустрия пещеры относится к раннему и развитому мустье. После проведения работ участок раскопа был законсервирован для дальнейших исследований.

В середине 70-х гг. начинают свою археологическую деятельность сотрудник Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы А.С. Суразаков. Область его научных интересов сосредоточена на изучении памятников пазырыкской культуры. С 1983 г. в Горно-Алтайский научно-исследовательский институт на должность заведующего фотолaborаторией взят Л.М. Чевалков, где он продолжил занятия археологией. С самого начала определилась область его научных интересов – палеолит Горного Алтая. Таким образом, в институте определилось два научных направления в области археологии: алтайская скифология и изучение каменного века. В 1986 г. в институте открыт сектор археологии, первоначально состоящий всего из двух человек: заведующий сектором А.С. Суразаков и м.н.с. сектора Л.М. Чевалков. Вскоре, переводом из краеведческого музея, в сектор был взят еще один сотрудник – Ларин О.В., который стал разрабатывать проблемы истории племен Горного Алтая в бронзовом веке. В последующие годы сектор пополнился новыми сотрудниками: Кочеевым В.А., Тадыкиным С.А., Майчиковым О.В. Кочеев В.А. разрабатывал вопросы вооружения и военного дела древних племен Алтая, а Тадыкин С.А. и Майчиков О.В. выполняли обязанности лаборантов. В 2005 г. в связи с реорганизацией внутри института, сектор археологии, как прочие самостоятельные научные подразделения, был расформирован, а его сотрудники вошли в состав отдела истории, где и продолжают свои исследования.

За годы существования сектора археологии и развития археологической науки в Институте алтаистики были проведены десятки экспедиций, открыт ряд уникальных археологических памятников. Археологи Института алтаистики имеют прочные научные связи с учеными ведущих научных центров: Институтом археологии и этнографии СОРАН, Институтом археологии РАН, региональными научными центрами. Они активно принимают участие в научных форумах различного уровня, где успешно вводят свой материал в научный оборот.

Енчинов Э.В.
(г. Горно-Алтайск)

ОБЫЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА АЛТАЙЦЕВ

Заключение брака знаменует важнейший этап правовой социализации. Создание семьи определяет зрелость человека, после этого он становится полноправным членом алтайского общества, при этом правовые последствия распространяются на родителей и некоторых других родственников брачующихся. Для алтайца, даже и в современных условиях, выбор будущих супругов осуществляется исходя из традиционных семейных ценностей. Особенно это проявляется в правовых обычаях, регламентирующих правовые последствия брака и развода. Большой вклад в изучение семьи, свадебной обрядности алтайцев сделали Н.П. Дыренкова, Е.М. Тоцакова, Н.И. Шатинова, Н.А. Тадина. Труды названных ученых легли в основу написания данной статьи. Неоценимую помощь в написании работы, оказали наши информанты, носители культуры, которые хорошо знают данные обычаи и сами их соблюдают (Список информантов).

Целью данной статьи является обычно-правовой анализ норм традиционного брака алтайцев в XX – начале XXI вв.

Свадьбу стараются по возможности проводить летом или осенью в середине июля или в сентябре-октябре, что наиболее оптимально соответствует циклу сельскохозяйственных работ. Главным условием проведения свадьбы должно быть новолуние. С середины июля до начала августа в сельскохозяйственных работах нет большой и сложной работы, стрижка овец пройдена, скот находится на летних высокогорных пастбищах, а сенокос еще не начался. Именно в этот промежуток времени проходит наибольшее количество свадеб. Так в 11-12 числах июля 2005 года в Усть-Канском районе было проведено 12 свадеб и по окончании сенозаготовительных работ, спуска скота на зимние пастбища, в первую неделю октября еще 10, что по местным меркам очень много. Некоторые люди, которые приходились сразу нескольким молодоженам родственниками просто не успевали побывать на всех свадьбах.

В день свадьбы родственники невесты подъезжают к айлу жениха, согласно предварительному плану семейно-родового совета, их встречают родственники жениха. Встреча обычно приходится на первую половину дня (около одиннадцати часов) и происходит недалеко от дома жениха, если это небольшое село, то встречать могут за километр-полтора до села. Информанты подчеркивают, что встречать гостей тем более тех, у кого они совершили умыкание, нужно открыто и приветливо. На встрече угощают «чеген» (сквашенным молоком), «аракы» (молочной водкой), «курут» (сырчиком), кониной. После встречи гостей ведут в аил и рассаживают согласно половозрастному принципу, статусу и рангу.

Среди родственников невесты могут быть дядя по матери, сестры отца, родные братья, сестры. Родителей невесты среди гостей обычно не бывает, считается, что они должны находиться дома и готовиться к принятию «белкенчек`а» (подношения задней части туши овцы), не выражая при этом своей радости, так как они «потеряли» дочь. Замужество дочери – это «убыль» в их семье. Предварительно родственники невесты, а чаще ее семейно-родовой совет полностью определяют кто и с кем, даже на какой машине поедет на свадьбу. При этом выбираются наиболее благонадежные и правопослушные люди. Согласно современным нормам обычного права чрезмерное употребление алкоголя является нарушением нормы. Если человек его совершает, то на свадьбе его накрывают войлоком и впоследствии он исключается из всех семейных ритуалов.

После непродолжительного отдыха гостей в айле жениха, родственники невесты выставляют напоказ доставленную ими часть «*јѳѳѳ*» (приданого), состоящую из сундука с домашней утварью, ковров и других принадлежностей для убранства юрты (Тадина Н.А., 1995, с.62). Приданное служит материальным выражением основания новой семьи. Привезенное имущество помимо утилитарного значения демонстрирует трудовые навыки невестки. Имущество в основном женское, несколько комплектов летней и зимней женской одежды, орнаментированный сундук с посудой, отрезами ткани, платками, украшениями, бытовыми предметами. «*Киис*» (войлочный ковер) изготавливается самой девушкой и ее ближайшими родственницами незадолго до свадьбы вручную. По качеству его отделки и изготовления оцениваются трудовые навыки невестки. В дальнейшем начинается ритуальная продажа приданого «*јѳѳѳ садары*» (продажа приданого), сторона невесты заранее распределяет, кто, что будет «продавать». В ритуальной продаже стороны демонстрируют не свои коммерческие способности, а переходят психологический барьер в общении с новыми родственниками. Имущество продается за молочную водку, традиционные продукты, а также песни, игры, танцы, игру на народных музыкальных инструментах.

В ритуальной продаже активное участие принимает племянник невесты, он переодевается в зимнюю одежду невесты, закрывает лицо платком и родственники невесты символически его «продают», всячески восхваляя. Делается это с той целью, чтобы не только развеселить публику, но и сбить с толку вредоносных духов, защитить невесту от сглаза. Помимо этого «продажа» племянника, возможно, демонстрирует то, что девушка не одна пришла в новый род и при необходимости может просить помощи не только у своего дяди по матери, но и у племянников. В некоторых случаях продажа имущества откладывается на пир проводов, особенно если невестка из другого района, села, или если привоз подарочного имущества затруднен. После окончания ритуальной продажи новое имущество заносится в дом жениха.

В это время формируется новая группа, преимущественно из женщин рода жениха, в нее в обязательном порядке включаются снохи и молодые девушки рода. Женщины на период свадьбы не допускаются к приготовлению ритуальных кушаний, связанных с мясом, но они активно участвуют в ритуалах, связанных с невесткой. Группа, взяв с собой продукты, в том числе можжевельник, с песнями отправляется к дому брата жениха или его старших родственников по отцовской линии, где в этот момент находится невеста. Жена брата проводит кропление своего очага и досыта кормит невестку, так как в новый род она должна ступить сытой. Затем с печальными песнями группа приводит невесту в аил жениха. Впереди группы находятся двое племянников со стороны жениха (слева) и со стороны невесты (справа). Они несут «кѳжѳѳ» (ритуальный занавес), прикрепленный к стволам молодых берез. Считается, что «кѳжѳѳ» защищает душу невесты от сглаза, порчи. Строго запрещается пересекать такой группе дорогу, идти им на встречу. Если нет другой дороги, надо остановиться и подождать, пока процессия пройдет. Информанты объясняют такой запрет тем, что, перейдя им дорогу, можно нанести девушке и молодой семье сакральный вред, при этом можно заболеть самому и даже потерять свой «тын» (душу), так как вокруг такой процессии могут роиться вредоносные духи.

После ввода невесты в аил ее сажают на кровать за ритуальным занавесом. С этого момента начинаются непосредственно сами ритуалы «алтай той» (традиционной свадьбы).

Комплекс свадебных ритуалов может быть интерпретирован как брачный договор между двумя родами, договор, носящий общественный характер. Брачный договор, особенно в традиционном обществе, заключается не от лица отдельного индивида, а от лица группы в целом, и это является одним из важнейших факторов регулирования отношений между разными семейными общинами (Хребтукова А.П., 1999, с.178). Согласно российскому законодательству, под брачным договором понимается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения (СК РФ, 2005, с.14).

Обычное право алтайцев также понимают под брачным договором соглашение лиц, вступающих в брак. Спецификой такого договора является то, что он распространяется и на брачующиеся группы. При этом он заключается в обязательном порядке один раз и только в начале семейной жизни. К особенностям заключения брачного договора по обычному праву алтайцев можно отнести: особый субъектный состав, форму заключения договора, содержание брачного договора:

- Особый субъектный состав. Участие брачующихся групп в создании новой семьи является не только гарантом и юридическим признанием брака, участие рода в заключении брака является необходимым элементом. Сообщество легализует брачный договор, давая ему юридическую силу (Хребтукова А.П., 1999, с.178).

- Форма заключения договора. Брачные договоры заключались и заключаются большей частью словесно, хотя уже в начале XX века мужья иногда давали расписку, что в случае развода не будет требовать возвращения калыма (Швецов С.П., 1900, с.121). Обычно-правовой брачный договор по-прежнему заключается устно, если гражданский договор подлежит обязательному нотариальному удостоверению, то обычно-правовой общественно-родовому «удостоверению» при обязательном присутствии обоих супругов.

- Содержание брачного договора. В гражданском праве под содержанием понимают условия, которыми его субъекты определяют соответствующий правовой режим имущества (Пятков В.А., 2005, с.42), в обычно-правовом договоре к содержанию кроме имущественных отношения относят отношения супругов и брачующихся групп.

Заключение брака всегда носит правовой характер, в алтайском обычном праве оно сопровождается также выполнением определенных ритуалов, усиливающих его роль в глазах сообщества.

Равенство сторон прослеживается в ритуале заплетания кос. До замужества девушки носили множество косичек, накосные украшения «шаңкы». Сегодня, если девушка знает, что в скором времени выйдет замуж, она начинает отращивать волосы, так как заплетание волос в брачном ритуале очень важно, косы выражают ее новый статус замужней женщины. Правую косу заплетает сноха невесты, левую сноха жениха. Первый фактический договор на свадьбе проговаривается между ними. В.П. Дьяконова отмечает, что с

правой стороны заплетала родственница со стороны девушки со словами: «*Мен берип јадым*» (Я даю ее), с левой стороны – родственница со стороны жениха, со словами: «*Мен алып јадым*» (Я беру ее) (Дьяконова В.П., 1980, с.23). При заплетании кос снохи смазывают косы и свои руки специально приготовленным молоком, в которое добавлен можжевельник. Этот обряд является демонстрацией для «*ээлер*» (духов хозяев дома, аила), что данная девушка выходит замуж и ее родители выполнили свою миссию по созданию ее семьи, что в данном роде появился новый человек, о котором надо заботиться. После того как невесте заплели косы, ей надевают «*чегедек*» (орнаментированный халат, традиционная одежда замужней женщины) и «*кураан ббрүк*» (островерхую шапку из выделанной шкуры ягненка). Обряд смены девичьей прически и наряда на женские означает переход невесты в половозрастную категорию замужних женщин «*келин*» (Тадина Н.А., 1995, с.65).

Следующий важный ритуал – открытие ритуального занавеса. Открывать его может только старший мужчина, дядя по матери или отец жениха. Как описывалось выше, ритуальный занавес, защищавший невестку по пути к аилу жениха, также включает в себе удачу, счастье семьи, и если к нему прикоснуться рукой, то он может оскверниться, поэтому дядя при открытии использует сакрально чистые мужские предметы: рукоятку плети, приклад ружья или можжевельник. В дальнейшем, невестка по отношению к открывавшему ритуальный занавес должна будет соблюдать обычай «*каиндаш*» (избегания). Открывавший, может сразу объявить невестке об обязательности соблюдения избегания: «Имя мое не называй, дорогу мою не переходи!». С открытием «*кбжбгб*» род жениха признавал в невестке сноху. В это время дядя жениха или его брат приносят подношение огню, очагу аила жениха с пожеланием счастья и достатка, подвешивая к ободу треножника внутреннее сало коня или барана совместно с «*жалама*» (ритуальной лентой) (Муйтуева В.А., Чочкина М.П., 1996, с.121).

Подношение огню делает также и жених, глава новой семьи. Дядей или кем-нибудь из старших мужчин рода заранее готовится ритуальный бульон с большим содержанием жира. С просьбой благословения молодой семьи старший дядя, а вслед за ним и жених, три-четыре раза обходят очаг, вливая в огонь ритуальный бульон. Окружающие в этот момент внимательно следят за огнем, считается, что если языки пламени поднимаются высоко, то молодым уготована счастливая жизнь, а если пламя будет стелиться, это предвещает несчастье. Род таким подношением сообщает духу огня о создании нового самостоятельного хозяйства.

Официальным предложением руки и сердца является подношение в присутствии членов рода женихом невесте пиалы молока. Этот обычай полисемантический. В сакральном смысле молоко выражает чистоту помыслов. В пищевом – подношение означает предложение разделить с ним пищу. В материальном – предложение совместно заботиться о скоте и разделить с ним общий кров. После того как невеста принимает пиалу и отпивает от нее, считается, что она стала женой.

Иногда открытию ритуального занавеса предшествует подношение огню и «*башпаады*» (благопожелания молодым), но также эти обычаи могут быть и после открытия занавеса. По нормам обычного права руководить обрядом благопожелания молодой семье может старший дядя по матери или брат отца. Такой человек по очереди называет людей, которые должны благословлять молодых, благословлять могут только «*тоомјылу улус*» (уважаемые люди). После произнесенного благопожелания жених или брат вливают бульон в огонь, тем самым, сообщая духу огня о создании новой семьи. «*Башпаады*» выступает как содержание брачного договора, когда стороны через благопожелания определяют какой бы они хотели видеть молодую семью.

К концу традиционной свадьбы невестка уже как хозяйка очага угощает гостей своим первым чаем, при этом жених колет и заносит в аил дрова. Данный акт выступает своего рода демонстрацией трудовых навыков молодой семьи, после чего молодые признаются самостоятельной семьей. Традиционная свадьба продолжается около полутора часов, затем проводится молодежная свадьба.

С приближением вечера (18-19 часов) сторона невесты постепенно собирается в обратную дорогу. Дядя жениха собирает группу родственников для проводов. Отъехав на ки-

лометр, два от села, они ожидают сватов и устраивают им угощение в дорогу. Главным условием больших проводов является то, что они должны проводиться засветло, чтобы новые родственники спокойно добрались до дому. Исследователь Б.Х. Бгажноков отмечает, что возникновение проводов было связано с необходимостью защиты гостей от нападения, впоследствии они стали демонстрацией уважения, почтения или подчинения (Бгажноков Б.Х., 1989, с.50). На этом собственно и заканчивается свадьба в доме жениха.

Четвертый этап – «*белкенчек*». В тот же или на следующий день сторона жениха доставляет заднюю часть туши барана родителям невесты, которые не присутствовали на свадьбе. Обычай «*белкенчек*» еще известен как «*уча јетириш*» (доставка задней части туши барана). В Усть-Канском районе «*белкенчек*» обычно доставляют на следующий день, информанты объясняют это тем, что «свадьба должна проходить хорошо и спокойно!». Первый день, считается, днем жениха, второй невесты.

В Онгудайском, Шебалинском районе, «*белкенчек*» доставляют в тот же день. По сообщению информантов, в конце XIX века под «*уча*», в свадебном отношении, понималась задняя часть туши коня. В алтайском мировоззрении лошадь, как и баран, относятся к животным с теплым дыханием «*јылу тынышту*», созданным божеством верхнего мира. В качестве «*уча*» можно использовать только животных с теплым дыханием. Продукты, подарки и собственно «*уча*», «*белкенчек*» готовит специальная группа «*казанчылар*» (повора). В комплекс подарков также входят ткани, рубашки, платки, молочная водка, «*эмчек тажуур*» (кожаный сосуд с возвратным молоком для матери девушки). К приготовлению туши не допускаются ни женщины, ни молодые парни. Этим занимаются только старшие, имеющие опыт в ее варке, иногда они могут использовать помощников.

«*Белкенчек*» доставляют родителям невесты. Тушу заносят четверо мужчин, это могут быть братья жениха, ближайшие родственники. Тушу привозят в полуготовом виде. После внесения старшие могут осмотреть мясо, тот же, кто готовил тушу, доваривает ее на огне родителей невесты. Хозяйка из привезенных угощений обязательно делают подношение огню.

Во время варки «*белкенчек*», родственники жениха преподносят родственникам невесты, ее родителям привезенный ими выкуп. Выкуп всегда готовится до свадьбы. Процесс вручения «*шаалта*» проходит в аиле, дядя жениха по матери и его помощники (племянники) вручают «*шаалта*» родственникам невесты, при этом спрашивается у каждого «Правильно ли мы выполнили, или нет?».

Важной составной частью обычно-правового заключения брака является калым.

Калым имеет широкое распространение в мире. По подсчетам Д. Мердока из 250 обществ, 140 патрилокальных имеют калым как составную часть брачной обрядности (Мердок Д., 2003, с.43). Основной функцией «*шаалта*» у алтайцев является компенсация затрат на подготовку приданого. Информанты отмечают, что основным содержанием сватовства, а заказывать «*шаалта*» могут только те родственники, которые принимали сватов, является передача «*кут*» (души ребенка, в значении плодородия и достатка). Согласно алтайскому мировоззрению «*кут*» могут передавать только мужчины рода, и за его передачу они получают право на заказ «*шаалта*». Строго запрещается наживаться на «*шаалта*», кто же игнорирует запрет, в дальнейшем могут не рассчитывать на помощь со стороны сватов. Н. Рулан считает, что в традиционных обществах выкуп помимо компенсации, возможно, выполняет функцию обмена. За право на будущую жену муж передает имущество ее семье. Затем выкуп совместно с приданым возвращаются, но как собственность жены, под управлением мужа (Рулан Н., 2005, с.169).

Сегодня выкуп и сватовство представляют экономическую проблему. Расходы, связанные со свадьбой, на семейно-родовом совете между членами рода стараются распределять равномерно. Информанты при описании своей родовой структуры всегда подчеркивают тесную и столь необходимую связь с родом, также они не представляют, как можно провести свадьбу, «*белкенчек*» без участия и без помощи рода. Аналогичные нормы существовали и в обычном праве русских, в уплате выкупа участвовали не только жених, но вся совокупность лиц, живших с ним. То есть речь идет не просто об отдельных индивидах, но о целых сообществах (Хребтукова А.П., 1999, с.175).

В целом, расходы в равной мере несут обе стороны. Сторона жениха обязана провести сватовство, выкуп, традиционную и молодежную свадьбу, сделать различные по-

дарки стороне невесты, шить традиционную свадебную одежду безрукавку для парня и «чегедек» (традиционную одежду замужней женщины) для девушки. Сторона девушки – пир проводов, приданое, различные подарки стороне жениха. Для стороны жениха размер расходов на проведение сватовства напрямую зависит от того, сколько семей назовет семейно-родовой совет девушки. Эти семьи необходимо посетить сватам.

Информанты справедливо указывают, что сегодня сватовство, как и следующий за ним выкуп, стали серьезной проблемой, особенно в Усть-Канском районе. Данная проблема была в свое время (70-80 года XX века) обозначена Н.И. Шатиновой: «Отрицательным моментом в современных алтайских свадебных обрядах следует назвать удлиненное сватовство в Усть-Канском варианте. Здесь сватам приходится сватать девушку не только у ее родителей, но и у 40-50 других ее родственников, которые естественно никакого участия в воспитании девушки не принимали» (Шатинова Н.И., 1980, с.64). Именно этот обычай информантами называется как потенциально конфликтный. Главной проблемой называется большое количество домов, которые надо просватывать и размеры выплаты «шаалта», который напрямую зависит от количества домов. Высказываются мнения, пожелания и даже требования в отношении снижения количества домов, которые нужно просватывать. В качестве обоснования своих требований приводят не соответствие практики выкупа обычно-правовым нормам, когда заказывать выкуп могут только самые близкие родственники. Так нередко бывает, что семейно-родовой совет девушки, из-за уважения к членам своего рода называет стороне жениха от 40 до 70 домов (на 2001-2007гг.), для сравнения, на начало 60-х гг. информаторы приводят цифры в 25-30 домов; 70-80-х гг. – 40-50; 90-е гг. – 40-50; 2000-2007-х гг. – 60-70. Возможно, такой рост частично объясняется тем, что род хочет выделить и поощрить как можно большее число своих членов, при этом никого не обидев. Но также имеет значение значительное подорожание бытовых товаров, которые и составляют приданное, в результате сторона девушки вынуждена увеличивать число домов, которые нужно просватывать.

Действующий правовой обычай взаимопомощи не только регламентирует выплаты при заключении брака, но и на практике позволяет их произвести.

Принятие сватов означает и посильное участие семьи этого человека в покупке приданного. В Усть-Канском, Онгудайском районах сторона жениха на проведение сватовства в среднем, если названо 50 домов, только на спиртное затрачивает в среднем 15-20 тысяч рублей, без учета дорожных расходов. В эту сумму входит следующее: 2 ящика водки по 20 штук в ящике, для родителей девушки и по 2 бутылки водки и 2 бутылки вина в каждый указанный из домов. В ценовом отношении автор посчитал самый доступный вариант, который включает заводской алкоголь с учетом, что одна единица водки стоит 100 рублей, а единица вина – 80 рублей. Конечная сумма может меняться в зависимости от достатка семьи. Бывают случаи, когда сторона жениха покупает некачественные кустарно приготовленные напитки, что иногда приводит к конфликтам.

В качестве выкупа, вещи заказывают в паре, это могут быть разные комбинации, коробка шоколада и вино; вино – водка; коньяк – «талкан» (растертая ячменная мука). При заказе «шаалта» заказчик обычно точно называет вещь, которую он заказывает, если это спиртное, то называется точное название, марка и количество. По цене «шаалта» не сильно уступает сватовству. Качественное выполнение «шаалта» для рода считается выполнением нормы. На проведение сватовства и выкупа, без расходов на подготовку и проведение традиционной и молодежной свадьбы, в общей сложности тратится до 30 тысяч рублей. Для дотационной республики, где средняя зарплата в селе около 5-6 тысяч рублей в месяц, проведение свадьбы представляет серьезную экономическую проблему.

Другим важным моментом является то, что довольно длительное время выкуп рассматривался как покупная «цена» девушки. Но если учесть, что сторона невесты несет такие же расходы, а в имущественные отношения вступают не только две семьи, а две родовые группы и при этом отношения между ними являются пожизненными, говорить о покупке женщины не приходится. Выкуп предназначен для компенсации потерь, которую несет семья невесты. Кроме того, его значение не является только экономическим: поскольку выкуп выплачивается зачастую долями в течение нескольких лет, он является залогом хороших отношений между семьями мужа и жены.

Тесно связан с выкупом вопрос приданого. Сегодня сторона невесты привозит на свадьбу некоторую часть приданного, которую символически «продает» стороне жениха. В некоторых случаях родственники невесты продажу приданного оставляют на пир проводов, а на свадьбе вручаются отдельные подарки в виде посуды, ковров, предметов быта, при этом символическая продажа ритуально значимых вещей оставляется на пир проводов. После того как родители девушки приняли «*белкенчек*» и каждый заказывавший «*шаалта*» получил свой заказ, гостей просят к столу. Для приехавших гостей, сторона невесты устраивает практически ответную свадьбу. По размаху и количеству гостей свадьба и свадьба в доме невесты практически равны. Пир проводов, свадьба в доме девушки широко распространено и у других тюркских народов, так она является последним этапом свадьбы у казахов «*Үзатар той*» (по каз. пир проводов) (Кисляков Н.А., 1969, с.108), у киргизов «*Үзататуеун-той*» (по кирг. отпускной пир) (Максимов А.Н., 1997, с.127). Но везде она имеет не только религиозное содержание, но и означает обычно-правовое заключение брака, выражающееся в том, что род и родители невесты признают брак.

Во время свадьбы в доме девушки устраивается ритуальная продажа основной части приданого. Заранее еще до приезда сватов сторона девушки на видном месте выставляет все подготовленное имущество. Крупные вещи покупаются только теми из родственников, на которых распространялось право заказа выкупа. Остальные же родственники, в основном это молодые семьи, дарят более мелкие вещи. Семейно-родовой совет девушки при назначении сватовства в обязательном порядке учитывает материальное положение каждой семьи, чтобы после заказа «*шаалта*» они не понесли экономического урона, так как работает принцип «если заказываешь выкуп, то обязательно возвращаешь приданым». Вся система опирается на механизм, который можно описать словами «сколько взял – столько дал» (Малиновский Б., 2004, с.231), что подчеркивает правовой характер этого обычая. Во время символической продажи приданного, сторона невесты требует за те или иные вещи спеть ритуальные песни, сыграть на традиционных инструментах и т.д.

Расходы, которые несет сторона девушки, также в равной мере распределяются среди членов рода, в первую очередь основное бремя ложится на родителей девушки и родственников, которые заказывали «*шаалта*». Со стороны невесты выкуп обычно идет на компенсацию расходов по приготовлению приданого. Если родители или старшие родственники невесты просят у стороны жениха шерсть, ткани, то они полностью уходят на изготовление одежды, войлочного ковра. Информанты подчеркивают, что стремление обогатиться за счет «*шаалта*» считается большим позором. Такой человек уже может не рассчитывать, на то, что ему еще когда-либо позволят заказывать выкуп. Общей суммой затрат на покупку приданого, на сегодняшний день информанты в среднем приводят сумму от 60 до 80 тысяч рублей (без учета средств потраченных на подготовку и проведение пира проводов, дорожных расходов). На первый взгляд, кажется, что сегодня жених тратит (30 тысяч на сватовство и выкуп) гораздо меньше, но нужно учитывать, что, вступая в имущественные отношения, роды, вступают в пожизненные имущественные отношения. Так жених или его сторона при патрилокальном поселении, согласно нормам обычного права, обязаны построить или купить дом.

В ходе проведения всего комплекса свадебного церемониала между родами поэтапно устанавливаются родственные отношения, в первую очередь между близкими родственниками брачующихся. «*Кудагайлар*» (сваты) друг другу стараются «всячески» подчеркнуть новые родственные отношения. Помимо того, что они пили из одного «*тажуура*» (кожаного сосуда с вином), пели одну песню, обменивались трубками, табаком еще и делаются обрядные дары, подношения. Родители жениха во время сватовства родителям невесты делают обязательные подарки «*сый*». Это могут быть различные ткани, вещи, сладости. По свидетельству информантов такие небольшие «*сый*» (подарки) не включаются в состав «*шаалта*», приданного, а относятся к категории личных подарков, если брак по каким-то причинам не состоялся, подарки возврату не подлежат. «*Сый*» взаимен.

По завершению «*белкенчек*» родственники со стороны невесты по аналогии с «*уйдеи*» (проводами) собственно свадьбы, выезжают из села на несколько километров и еще раз обносят уезжающих родственников жениха молочной водкой. Проводами завершается комплекс брачного церемониала.

Существующие в литературе описания семейно-брачных обычаев и обрядов алтайцев в XIX-XX вв. позволяют проследить их историческую эволюцию.

Первая половина XX века в свадебном церемониале имела свои отличия, связанные с бурными историческими событиями этого периода. Появление колхозов и совхозов повлияло на хозяйственные традиции, например, если ранее при отгоне скота на летние пастбища семья кочевала вместе, то в новых условиях семья должна была оставаться в селе. В начале XX века скотоводческое хозяйство южных алтайцев окончательно пришло в упадок в результате сокращения поголовья скота, вызванного политикой насильственного перевода кочевников на оседлость (Тадина Н.А., 1995, с.36). Переход на оседлый образ жизни и ликвидация частной собственности привели к изменениям в обычаях, так например, изменился состав и объем подарков между дядей по матери и племянником. В экономическом плане проведение всего свадебного церемониала стало затруднительным, что повлияло на положение «*бойдон улус*» (холостяков). Холостяк, не имея своего домохозяйства, был лишен многих преимуществ, например, при дележе добычи, если охота была коллективная, было принято, что холостяк должен уступить часть своей добычи женатым товарищам, так как они содержат семьи, и он обязан им помогать. В случае его отказа от дележа, на следующую охоту он отправится один, так как он нарушает обычай взаимопомощи охотников.

В функциональном плане брак в начале XX века, как и сегодня, выполнял функцию правовой социализации, перехода из категории «*бойдон*» (холостых) в «*айылду-юртту*» (с домом и семьей), экономического благополучия, продолжения рода.

Браки оформлялись через сговор юноши и девушки (применяется сегодня), *сговор родителей, насильственное умыкание*. По сообщению информантов, родительский сговор, практиковался до 40-х годов XX века. Он проводился обоюдными заинтересованными родителями, в результате невеста могла не догадываться, кто ее будущий муж. Жениху могли намекнуть или даже рекомендовать невесту. Первые разговоры о браке родители могли вести еще при малолетстве детей или в предбрачном возрасте. По этому поводу исследовательница Н.И. Шатинова пишет, что родители мальчика и девочки договаривались, по достижении детьми определенного возраста их женить: если у одной супружеской пары родится дочь, а у другой – сын, то решали поженить их в будущем; если рождались мальчики, они становились побратимами (Шатинова Н.И., 1980, с.50). Через сговор родители старались обеспечить своему ребенку брак и выполнить свою социальную функцию продления рода. Другими причинами могли быть вопросы социально-экономические: общность пастбищных угодий или их частое пересечение, долгие (незапамятные) добрососедские отношения, постоянная взаимопомощь, обоюдное увеличение материально-экономического ресурса (пастбищ как летних, так и зимних).

Также в начале XX века существовал подтип родительского сговора, когда родители женили детей разного возраста, например, двадцатилетнюю девушку просватывали за десятилетнего мальчика. После сватовства таким молодым ставили юрту, где они жили совместно (Дьяконова В.П., 1980, с.20). По свидетельству информантов такие браки действительно случались, но не были широко распространены и заключались преимущественно среди богатых, состоятельных семей. Причинами такого рода родительского сговора являлись стремление к обоюдному увеличению благосостояния родов и страховка на случай финансовой, хозяйственной некредитоспособности в будущем.

Насильственное умыкание «*тудуп апарган*» (Тоцакова Е.М, 1980, с.82) – тип сговора, который уже к началу XX века по свидетельству информантов встречался крайне редко. Он применялся тогда, когда другие способы сговора терпели неудачу. Аналогичный обычай встречаем в хакасской культуре этого периода. Если девушка не давала своего согласия на брак, то парень, украв девушку, скакал с ней на лошади до тех пор, пока не получал от нее согласия (Дьяконова В.П., 1980, с.25). Для такого типа умыкания мобильная группа жениха состояла исключительно из мужчин, тогда как при сговоре с девушкой и ее ритуальном умыкании могла присутствовать сноха жениха. Группа жениха уже только одной попыткой насильственного умыкания вступала в конфликтные отношения с семьей и родом девушки. Одна пожилая женщина из Усть-Канского района рассказала своей внучке, что ее в свое время (40-е гг., XX в.) «*тудуп апарган*» (насиленно умыкнули), и она до свадьбы не знала, кто ее будущий муж.

Если брак был оформлен через родительский сговор, то родственники жениха совершали официальное сватовство. Сторона невесты при этом устраивала праздник сватам, пир проводов. При данном типе оформления брака аналогичную процедуру встречаем и у других тюркских народов Сибири и Средней Азии (Кисляков Н.А., 1969, с.101; 115; 121; 126). Родители благословляли и напутствовали свою дочь. Родственники жениха сажали невесту на нарядно взнузданную лошадь и, прикрыв занавесом, увозили к жениху (Тадина Н.А., 1995, с.41). В отличие от сватовства, следующего за ритуальным умыканием, в данном случае многие вопросы, связанные со знакомством семей, родов, как и материальные, организационные вопросы решались по мере взросления детей. Если же предварительного сговора родителей не было, то парень просил отца посвататься к определенной девушке. Переговоры велись с ее родителями, при этом основной состав сватов мог состоять из двух, пяти человек, а у бедных часто основной состав состоял из одного отца жениха. Информант из с. Шаргайты Шебалинского района Республики Алтай рассказал, что прадед один сватал бабушку за отца, и сватовство длилось больше месяца.

Информанты сообщили, что были случаи, когда сватов прогоняли и долгое время не давали разрешения на руку дочери. Такое поведение родителей невесты объяснялось тем, что их дочь выходила убегом не за того, за кого она была в детстве просватана, и ее родителям приходилось нарушать предварительные договоренности с родителями другого жениха и как следствие выплачивать или перекупать у них затраченные на их дочь средства. Также такие действия со стороны родителей невесты имели место в результате насильственного умыкания их дочери, что повышало конфликтогенность отношений, так как означало нарушение суверенитета рода. В дальнейшем сваты входили в такой аил «*үйгендү*» (с уздечкой), такого бить не позволялось (Шатинова Н.И., 1980, с.52). По представлениям алтайцев они – конные путники, ударить такого человека одно и то же, что и ударить лошадь по голове, что считается нарушением нормы, которое приведет к разорению виновного и его рода.

С достижением согласия родителей на брак их дочери, сторонами устанавливался день свадьбы. При браках, заключаемых путем предварительной договоренности родителей с обеих сторон, невеста до дня свадьбы находилась в доме родителей. Свадьба начиналась с увода девушки в аил жениха. Данный вид брака был широко распространен, и подробно описан В.В. Радловым. В день свадьбы жених в сопровождении двух молодых людей отправляется к юрте невесты, в шагах в ста от юрты они останавливаются, сходят с коней и с пением свадебных песен шагают к юрте. Родители невесты выходят из юрты и встречают жениха у двери. Затем его очень торжественно вводят в юрту, угощают водкой и тесть передает ему невесту. После этого молодая пара вместе со всеми родственниками отправляется к юрте жениха. Невеста едет на лошади меж двух спутников жениха, каждый из них держит перед собой в седле маленькую березку с прикрепленным к ней пологом «*кбжбгб*», натянутым перед невестой (Радлов В.В., 1989, с.178). При данном виде брака все условия, связанные с выкупом и приданным, обычно были обсуждены еще на этапе сватовства и калым мог быть уже выплаченным или выплачена его значительная часть.

На второй день забивалась двухлетняя кобылица «*байтал*», второй день называли «*байтал баш*» (голова двухлетки), «*баш-кбс челдеери*» (поедание головы – глаз), «*баш-жуш*» (поедание головы), «*баш-той*» (свадьба головы) (Шатинова Н.И., 1980, с.60). На второй день новоиспеченная семья должна была продемонстрировать обществу, что вполне самостоятельно может вести хозяйство. Молодые под присмотром старших варили головы, оставшееся мясо, сервировали стол, демонстрировали знание традиций, ритуалов, собравшиеся люди уже считались их первыми гостями, старшие внимательно следили за соблюдением молодыми обычая гостеприимства.

Выкуп при родительском сговоре обсуждался после достижения согласия отца на брак. При этом размер калыма зависел от достатка брачующихся сторон и состоял из комплекса вещей: кожа, войлок, бархат, шкуры лисы и выдры, ружье, чай, ткани, деньги, молочная водка, овцы, лошади. При сговоре, родители невесты могли заказать довольно крупные вещи как «*бир айгыр*» (один табун), который состоит из одного жеребца и от семи до двадцати кобылиц, иногда могли просить отару овец (около ста овец). Такое могли позволить себе не

все, только «арга-чакту» (живущие в достатке) и эти браки обычно были социально-экономически гомогамны. Калым мог быть выплачен до свадьбы или выплачивался частями: половина до свадьбы, а вторая половина – вместе с доставкой «уча» (задней части туши коня) (Там же, с.53). Информанты сообщили, что при родительском сговоре «шаалта шаар» (заказ выкупа) осуществляли только самые близкие родственники: родители, дедушка, родные братья, братья отца, старший дядя по матери. Сестрам было отказано в праве заказа «шаалта», так как они также уйдут или уже ушли в другой род.

Приданое доставлялось родными невесты в день свадьбы (Тадина Н.А., 1995, с.83). Приданое состояло из двух частей «агаш-таш» (дерево и камень, подразумевается не живые материальные объекты) и «энчи» (приданое скотом). Первая часть состояла из женской одежды, орнаментированного сундука, войлочного ковра, предметов утвари, которые в основной своей массе воссоздают внутреннее убранство аила. Вторая часть – из скота, который молодые получали во время ритуальной поездки в гости к родителям невесты, совершаемой через год.

Информанты отмечают, что парень также получал от родителей свою долю «уулу» либо на свадьбе, или постепенно в течение нескольких лет. Также информанты подчеркивают, что молодоженов надо в обязательном порядке наделять имуществом и скотом, чтобы они заняли свое самостоятельное место в роде. При этом через «энчи» (приданое скотом) молодые получали «мал-аштың сузын» (души, плодовитость скота), следовательно, богатство и достаток.

Через год в рамках обычая «ада-энезине айылдаш» (гостевание у отца и матери невесты) молодая пара специально приезжала, чтобы вернуть матери невесты молоко, в случае неисполнения, пренебрежения обычаем, молодые могли потерять благосклонность родителей невесты. В дальнейшем проблемы, связанные с отсутствием молока у матери, отсутствием молока у коров считались расплатой за несоблюдение обычая. Также информанты говорят, что молодым запрещалось посещать родителей невесты, не вернув им молоко матери.

Таким образом, алтайский брачный церемониал в правовом отношении представляет собой комплекс обычаев и ритуалов, призванных объединить брачными узами не только двух влюбленных, но и два роднящихся рода. Современное свадебное торжество состоит из двух свадеб: традиционной, где основной акцент делается на ритуалы и обычаи, и молодежной свадьбы на европейский манер с вкраплениями элементов традиционной свадьбы. Во время свадьбы в ритуальной форме стороны озвучивают свои благопожелания, содержащие в себе элементы брачного договора, как для брачующихся, так и для их групп. «Белкенчек» включает в себя пир проводов в доме девушки, демонстрирует высокое уважение сторон друг другу, обоюдное юридическое признание новой семьи и санкционирует новые родственные отношения между родами.

Литература

1. Бгажноков Б.Х. Организация пространства и этикет. М., 1989. 182 с.
2. Дьяконова В.П. Свадебная обрядность. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири / Под ред. И. С. Гурвич. М., 1980. С.19-24.
3. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. 239 с.
4. Максимов А.Н. Из истории семьи у русских инородцев. Избранные труды. М., 1997. 295 с.
5. Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей. Избранное: динамика культуры. М., 2004. 450 с.
6. Мердок Д. Социальная структура. М., 2003. 608 с.
7. Муйтуева В.А., Чочкина М.П. Алтай Жаң. Горно-Алтайск, 1996. 208 с.
8. Пятков В.А. Семейное право. М., 2005. 128 с.
9. Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. 749 с.
10. Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2005. 541 с.
11. Семейный кодекс Российской Федерации. М., 2005. 64 с.
12. Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX-XX вв.). Горно-Алтайск, 1995. 207 с.

13. Тоцакова Е.М. К вопросу о традиционной свадебной обрядности телесов и теленгитов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С.75-82.
14. Хребтукова А.П. Брачный договор как элемент обычного права русских // Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 1999. С. 172-178.
15. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981. 183 с.
16. Швецов С.П. Горный-Алтай и его население. Барнаул, 1900. 557 с.

Список информантов

1. Енчинов Валерий Александрович. 1954 г.р. сб́к тодош. Усть-Канский район РА. с.Усть-Кан;
2. Келюев Сумер Викторович. 1983 г.р. сб́к т́лб́с. Усть-Канский район РА. с.Усть-Кан;
3. Козороков Аржан. 1978 г.р. сб́к т́лб́с. Онгудайский район РА. с.Курота;
4. Сакладов Атка́р Константинович 1983 г.р. сб́к тодош. Онгудайский район РА. с.Онгудай.
5. Сакладова Светлана Трофимовна. 1960 г.р. сб́к ара. Онгудайский район РА. с.Лениндьел;
6. Тижин Сергей Алексеевич. 1980 г.р. сб́к кыпчак. Шебалинский район РА. с.Шаргайта;
7. Юкубалин Аржан Трофимович. 1958 г.р. сб́к ара. Усть-Канский район РА. с.Усть-Кан;
8. Юкубалин Евгений Олегович. 1982 г.р. сб́к ара. Усть-Канский район РА. с.Озерное.

Торушев Э.Г.
(г. Горно-Алтайск)

ПРОТЕСТАНТИЗМ У АЛТАЙЦЕВ*

Протестантская Реформаторство начавшаяся в 16 в. являлась следствием вырождения католицизма, и охватила большинство стран Западной и Центральной Европы. Идею оформление оно получила в учениях М. Лютера, У. Цвингли, Ж. Кальвина и др. Важнейшая идея протестантизма – необходимость личной ответственности человека перед богом, авторитет Библии противопоставлялся авторитету церкви. Протестантская этика регламентировала весь образ жизни: ее требования относились к трудовой и социальной дисциплине, она осуждала пьянство и разврат, требовало крепкую семью, приобщения детей к Библии, ее ежедневному чтению, поставила во главу угла бережливость, аккуратность, прилежность, честность. Протестантская этика была одним из решающих факторов в возникновении капитализма и быстрого экономического развития Запада.

Примерно с 90-х годов XX в. протестантизм начал распространяться среди коренного населения Республики Алтай. В данной статье предпринимается попытка описать мотивы и причины, побуждающие представителей алтайского населения быть последователями разных протестантских деноминаций. Интересуемые эмпирические материалы собраны методами опроса и интервью. Исследование проводилось среди алтайцев посещающие церкви находящиеся в г. Горно-Алтайске, свидетелей Иеговы в с. Усть-Кане. Во время собеседования с информаторами в основном задавались вопросы, связанные с причиной побудившие принять ту или иную протестантское течение, и об их отношении к традиционной религии алтайцев и др. Велась беседа и со служителями этих церквей, в том числе с пасторами церкви Евангелистов Пятидесятников, которые находятся в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района и в с. Чепош Чемальского района.

* Работа выполнена при финансовой поддержки РГНФ (проект № 07-01-61104 а/Т).

Большинство информаторов захотели остаться инкогнито, поэтому в работе использованы буквенные инициалы или указан только их пол и возраст. Так же в работе будут описаны наблюдения, которые удалось сделать автору во время проведения служб в этих церквях или в «Зале Царств» (место, где у Свидетелей Иеговы проходит служба – «Школа теократического служения»).

В воскресенье 4 марта 2007 г. в Горно-Алтайской Христианско-Пресвитерианской церкви службу начали около 10⁰⁰ ч. постепенно собралось около 40 человек. Основная часть присутствующих прихожан алтайцы, примерно 80-90 %. Некоторые пришли со своими детьми (4-5 детей). Возраст взрослых 70 % люди от 20 до 40 лет, остальные старше. Подростков 3-4. Пол – у прихожан алтайцев 80 % женщины. В начале собравшиеся, встав в течение 10-15 минут под современную музыку с определённой ритмикой пели песню «покаяния». Песню исполняли два подростка стоя на сцене, остальные прихожане подпевали за ними. При исполнении песни «покаяния» большинство присутствующих пританцовывали, другие прихлопывали ладошками или поднимали верх одну или обе руки. Некоторые начинали читать молитвы. Ритм музыки и сама песня настраивала на позитив. Затем сели и начали проповедь. Вел ее брат Сергей с Новокузнецка. Рассказывал, как привлечь в ряды верующих других людей, раздал хорошо оформленные буклеты – вроде методической памятки для ведения проповеднической деятельности среди населения. По словам ведущего службы, на сегодняшний день приверженцев их церкви боле 500 человек в республике. Говорил о преодолении 5 % барьера паствы от населения Республики Алтай («где будет 5% там и все 90%»). Чтобы паства (братья и сестры) вели проповеди не на улице, пугая людей, а с близкими родственниками, друзьями или коллегами на работе, и чтобы братья и сестры не боялись проповедовать, думая, что они мало знают. А во время проповеди говорили только о боге и путях спасения. Желательно, чтобы каждый помог спастись 20 близким человекам. Далее начал рассказ о святом Павле как о великом проповеднике. В конце мессы все встали, и спели песню покаяния и сделали пожертвования – десятину. По рядам пустили, передавая друг другу, две емкости похожие на сосуды, сделанных из красного материала с отверстием в середине, куда прихожане опускали деньги, кто сколько может. Затем заместитель пастора Л.А. приветствовал вновь вступающую в церковь сестру (предположительно алтайку). Некоторые подходили, поздравляли и обнимали её. А Сергей произнес примерно: «Вострубили трубы на небесах за еще одну спасенную душу».

На первом этаже церкви находится библиотека, где в основном религиозная литература качественного оформления. В самом здании церкви тепло и чисто. Удалось побеседовать с Л.А. который в этот день замещал пастора (сам пастор заочно учится в духовной семинарии и был в отъезде). На заданный вопрос об иерархической структуре служителей их церкви, Л.А. ответил, что служители их церквей имеют следующую структуру, генеральный пастор – пастор (иногда, когда нет пастора на этой должности кандидат в пасторы) – проповедники – миссионеры. Пастора могут выбрать в собрании прихожан. Желательно, чтоб данный человек окончил духовную семинарию. Теологические семинарии протестантских церквей находятся в Москве, Санкт-Петербурге и в других городах России. Во время беседы Л.А. рассказал, что в Горно-Алтайской церкви по статусу положено иметь только пастора. В данной церкви практикуют два таинства, это крещение и вечере. Обряд крещения совершают, погружаясь в воду, который символизирует возрождение человека в сторону вечной жизни: как воскрес Иисус Христос и как он возродился. Определенного времени в совершении таинства вечера нет. Вечере проводят в удобное время, но каждый месяц. Обряд олицетворяет вечеру Иисуса Христа с учениками перед его распятием. С 2003 г. до сегодняшних дней количество прихожан достигла 150 человек. Многие посещают службу не часто, поэтому в воскресные дни количество прихожан 30-40 человек.

Информатору был задан вопрос, как он стал приверженцем протестантизма данной деноминации? Л.А. рассказал, что четыре поколения его предков жило в Узбекистане. В 1990 г. после семейной драмы к двенадцати годам у Л.А. не стало семьи. Его к себе забрала бабушка по матери. После окончания школы он поступает в ПТУ и получает диплом автослесаря. Но никуда на работу не брали. После развала Советского Союза в Узбекистане тяжелое экономическое положение. Он начинает употреблять наркотики и спиртное. Как-то друг

его привел в протестантскую церковь евангелистов, и он понял, что спасение, найдет тут. В г. Горно-Алтайск его привезла жена дяди (брат матери) в 2002 г. Брат матери служил в армии в г. Бийске, познакомился с алтайкой и женился. Живя в г. Горно-Алтайске, он привез к себе и Л.А., который уже пять лет был евангелистом, один год отучился в семинарии в специальном курсе. На сегодняшний день он женат на алтайке, учится в техникуме.

По словам Л.А., спастись можно только через веру во Христа, уверовав в него и святую Библию. На заданный ему вопрос: «Другие религии спасут людей?» Он ответил, что нет остальные ведут в Ад. Также в беседе на вопрос информатору, как он думает, спасение человека это предопределено богом или нет, то есть всё зависит от самого человека или бог уже знает, кто спасется. Л.А. ответил, что всё зависит от человека, от его веры и деяний – если он уверует в Иисуса Христа, то спасется.

Воскресенье 18 марта 2007 г. служба в Горно-Алтайской Христианско-Пресвитерианской церкви началась около 10⁰⁰ ч. Вел её сам пастор Т.А. 30 минут исполняли песню покаяния (Реакция людей на музыку и на песню покаяния, такая же, как во время песни покаяния 4 марта. Пели те же подростки). Затем 5 минут вступительное слово пастора, который просил помолиться за братьев и сестер в селах Шебалино и Козуле. Затем сели слушать проповедь. Пастор рассказывал о значимости Евангелии: «Евангелия это сила, путь к спасению» и т.д. Основная часть присутствующих (собралось около 30 человек) прихожан алтайцы, примерно 80-90 %. Детей около 5 человек. Возраст взрослых 70 % люди от 20 до 40 лет, остальные старше. Подростков около 3 человек. Пол – у прихожан алтайцев 80 % женщины.

По окончании проповеди пастор поблагодарил женщин, которые вымыли помещение в субботу, и попросил мужчин – братьев убрать снег со двора церкви.

В беседе с пастором Т.А. 1969 г.р. удалось узнать, что он сам с Узбекистана, имеет высшее экономическое образование, учился в г. Новосибирске ныне заочно получает высшее духовное образование. На заданный вопрос: «Уходят ли от вас прихожане, если да, то по какой причине?» Он ответил, да уходят, по его мнению, богом уже предопределено кто спасется. На заданный вопрос: «Значит, всё уже предопределено кто спасется, кто нет?» Пастор ответил, да, но этого никто не знает и не узнает до последнего дня.

На вопрос, как он относится к традиционной алтайской религии? Пастор ответил, что Библия это осуждает. Во время беседы на вопрос, что побудила его принять протестантизм? Он ответил: «Почему я стал протестантом, сам не знает, наверно понял истинность веры Христа и Евангелии».

Прихожанке данной церкви алтайке, которой примерно 20-30 лет, был задан вопрос: «Почему она стала ходить в эту церковь?» Информатор ответила, что были жизненные проблемы, потому сюда и пришла. В беседе с другой женщиной алтайкой Р.К. (информатор имеет высшее образование, до пенсии проработала в одной из сел Усть-Канского района учителем истории) примерно 55-65 лет, на вопрос «Почему алтайцы приходят сюда?» Она ответила, что у многих людей были проблемы. Оставшись с ними один на один, люди не знали, как их решить и многие приходили сюда, где была хоть какая-то моральная и духовная поддержка. Так же она рассказала, что отношение пастора к прихожанам очень хорошее, ласковое, даже взглядом поможет, подойдет пожилым поинтересуется, как дела, поддержит словом. «У меня на работе женщина ходит в православную церковь. Она интересуется, спрашивает, правда, что у нас хорошее отношение в церкви, внимательны друг другу. Это наверно и привлекает многих людей, когда им становится тяжело. На день пожилого человека нам людям преклонного возраста сделали специальные подарки. Очень интересно проходят праздники, например пастор, собирал нас на Новый год, веселились, танцевали и всё это без водки, что особенно мне нравится. Хотелось бы, чтоб сюда ходил мой сын, но он категорически отказывается». На вопрос «Как она относится к традиционной религии алтайцев (*Алтай жаң*)?». Р.К. ответила, положительно, хотя по Библии язычество осуждается, «но как я могу, плохо относится к религии моих предков, сама в это всю жизнь верила».

В беседе с другой женщиной алтайкой примерно лет 55-60, удалось узнать, что она родилась в Онгудайском районе, по профессии учитель начальных классов, не раз была на переподготовке по повышению квалификации. Была женой партийного чиновника. Жила в Усть-Кане, когда муж работал там, в райкоме. Затем мужа перевели в обком г.

Горно-Алтайска. После смерти мужа долгое время постоянно находилось в депрессии, болело всё: печень, почки, гипертония. Дочь, внучка и зять тогда уже посещали эту церковь и постоянно уговаривали её, пойти вместе, хотя бы посмотреть. Как-то согласилась, посетила, и понравилось. Сначала болезни не отпускали и даже усилились, но затем всё как рукой сняло. На вопрос как она относится к традиционной алтайской религии? Она ответила, что отрицательно. Беседовал с её дочерью (женщина лет 35-40). Она рассказала, что после школы училась в одной из среднеазиатской республике СССР, в Институте культуры. После окончания приехала на родину в Горный Алтай, с мужем, выходцем из республики, где она училась. Так как всегда по жизни была активистка, работала в обком комсомола, родилась дочь. С мужем жизнь не сложилась, он стал употреблять спиртное. Потом они развелись, бывший муж уехал на родину. Второй раз вышла замуж, но начались те же проблемы, супруг стал употреблять спиртное. В доме начались постоянные скандалы. От безысходности как-то она пришла в эту церковь, где и услышала, что надо всё прощать, быть терпеливой. В церкви ей стало уютно и хорошо. До этого была яркой атеисткой (работа в комсомоле). Стала ходить с дочерью в церковь, изменила отношение к мужу, стала терпеливой, перестала скандалить. Муж это заметил. «И как-то, после того как мы с дочерью ходили уже 2 недели в церковь, он пошел с нами, и с тех пор всей семьёй ходим сюда, муж перестал пить».

В беседе с информатором молодой женщиной лет 23-25 лет. На вопрос, давно ли она ходит в эту церковь? Она ответила уже два года, но сюда ходит не часто сама живет в одном из сел Усть-Канского района, в Горно-Алтайск приехала на сессию, учится заочно в университете. Как только приезжает на учебу так сюда и ходит. На вопрос, что привлекло её в этой церкви, почему она сюда ходит? Она ответила: «Конкретно не знаю, подруга сначала привела. Вначале не понравилось, но потом стало нравиться». А на вопрос как она относится к традиционной алтайской религии? Она ответила, что отрицательно. Так же удалось побеседовать с подругой данного информатора, которая привела ее в эту церковь примерно одного с ней возраста. На вопрос, что её привлекает в этой церкви, почему она сюда ходит? Она ответила: «Я искала бога и нашла его именно здесь».

В беседе с подростком девушкой примерно 15-17 лет (родители выходцы с Кош-Агача), на вопрос, что привлекло её в этой церкви, почему она сюда ходит? Она ответила: «Бог когда-то помог моей семье, мать и отец пили, придя сюда, они перестали употреблять спиртное. И я благодарна богу за это и поэтому сюда хожу». Она ходит в эту церковь 5 лет, а родители около 6-7 лет.

27.08.07г. с. Усть-Кан.

Информатору В.К. (примерно 40 лет) был задан вопрос: «Почему он стал Свидетелем Иегова?». Информатор ответил, что у него был неосознанный поиск бога. На заданный нами вопрос об отношении его к традиционной алтайской религии (*Алтай жаң*). Он ответил: «В нашей религии нет взаимосвязи, дома нельзя сжигать мусор, огонь в очаге у алтайцев священен, и в него запрещалось кидать что-то плохое. А на улице в огне сжигают мусор. Или коровье молоко алтайцы используют во многих ритуалах, и тут же считается, что корова «*соок тумчукту мал*» – «животное с холодным дыханием»*.

На вопрос как он стал Свидетелем Иегова? Информатор В.К. ответил: «Жена приходила домой с женщиной Свидетелем Иеговы, изучали Библию и др. литературу, а я смеялся над ними мол «опять коммунистические идеи вернуть хотите. Сначала я в какой-то мере опасался, когда жена стала Свидетелем Иеговы, затем осторожно стал изучать Библию и др. литературу, так постепенно втянулся». На заданный нами вопрос об его отношении к идеям коммунизма? В.К. ответил: «Человек всегда верит в хорошее, и я в какой-то мере верил в них. Но коммунистические идеи о рае на земле не осуществимы. Потому что все люди на земле эгоисты, Библия обличает человека. Наша задача в том, чтобы самому обличиться и исправиться».

* В представлении некоторых алтайцев домашние животные делятся на две категории: «*тилу тумчукту мал*» – «животные с теплым дыханием» например лошади, овцы, которых создал верховный бог и «*соок тумчукту мал*» – «животное с холодным дыханием» например коровы и козы, которых создал божество подземного мира *Эрлик*.

На вопрос: «Что привлекает его в Свидетелях Иеговы?» Он ответил, доброжелательное отношение друг к другу. Потом путем изучения Библии понимаешь, понятие божьего слова, Бог для меня стал реальным, значит надо отвечать за свои поступки. До этого я читал разные книги, например буддийскую литературу, но многого не понятного. А, став свидетелем, изучая Библию, я понял логическую взаимосвязь и ответил на многие свои вопросы.

В беседе удалось узнать, что В.К. принял крещение в 2000 г. до этого был «не крещенный возвещатель». Чтоб креститься, человек должен изучить основные принципы Библии, бросить вредные привычки (пить, курить, сквернословить и т.д.). Но главное он должен быть духовно готов к этому. Затем перед крещением старейшины задают вопросы, которые даны в издании «Организованы проводить наше служение». После того, как только на них ответишь, принимаешь крещение, погружаясь в воду (можно в любом водоеме, информатор, например, погружался в сауне).

Информатор О.К. супруга В.К. в беседе на вопрос: «Почему она стал Свидетелем Иегова?». Ответила: «Раньше у меня было много вопросов о смысле жизни, зачем люди рожают детей. Разговаривала с мужем, для чего живет человек, может все в пустую, тяжело существуя без смысла». Сама интересовалась многими религиями, искала истину, читала «Алтайские инородцы» В.И. Вербицкого, В.В. Радлова, а также тибетскую литературу «Лабсана Нарана». Но во всем этом нет простоты многое не понятно. Первую книгу Свидетели Иеговы мне дали 1995 году, называлась она «Устраивай свою жизнь счастливо» о семье, и какую то брошюрку. Книга мне понравилась, но как-то в сердце не отозвалось это всё. Истину стала искать после сильной болезни 1997-98 гг. Стала больше читать журналов и другой литературы свидетелей. Оказывается, у Бога есть требования для человека, чтобы он не делал плохого. Появился смысл в жизни, в этом мире мы временно живем. Мне особенно понравились притчи о мудром царе Соломоне. И всё это мудрость, богатство и дух от Бога.

На вопрос «Как она относится к *Алтай жаң*»? Информатор ответила в нашей традиционной религии много не совпадений. На заданный нами вопрос, сколько человек посещают собрания Свидетелей Иеговы в с. Усть-Кан и какой процент из них алтайцев? О.К. ответила в среднем около 40 человек, 90 % из них алтайцы. Возглавляет их старейшина затем служебные помощники. Они следят за духовностью братьев и сестер. Старейшинами назначают «очень духовных людей», в книге говорится, что старейшины князя – то есть духовно богатые братья.

Информатор А.А. – женщина примерно 65 лет на вопрос: «Почему она стала Свидетелем Иеговы»? Она ответила, что учение Библии ей сразу понравилось, и в середине 90-х она стала Свидетелем Иеговы. После того как больше года изучала Библию, ей многое открылось, и она крестилась. На вопрос: «Как она относится к *Алтай жаң*»? Информатор ответила, *Алтай жаң* она знает мало, потому что воспитывалась в атеизме и многое ей не понятно.

Информатор Л.С. женщина примерно 50 лет рассказала, что раньше она не верила в Бога, была атеистка и даже не интересовалась религией. Но после беседы со Свидетелями Иеговы ей понравилось изучать Библию и жить по ней. Так же одна из причин, заставивший сделать этот шаг, были проблемы в семье. А в Библии есть ответы на многие вопросы. Крещение приняла в 2000 г.

В беседе информатор М.С. примерно 45-50 лет, она рассказала, что Свидетелем Иеговы стала потому что, здесь всё понятно. Иегова бог, Библия божье слово, Иисус Христос посредник. Информатор раньше не задумывалась об *Алтай жаңе* вообще, была атеисткой. Изучая Библию, нашла ответы на многие вопросы.

28. 08. 07г. с. Усть-Кан.

Информатор К.К. женщина примерно 35-40 лет в беседе рассказала, что она раньше была приверженец традиционной алтайской религии. В *Алтай жаңе* многое есть схожее с Новым заветом, например то, что старые люди говорили о конце света и других пророчества. Но многое не понятно, почему мы алтайцы поклоняемся многим богам и духам. Угодно ли всё это Богу, откуда мы знаем это? Мы же не спрашиваем это у него. А ведь он один создал землю, небо, огонь, всё то, чему мы алтайцы поклоняемся. Свидетелями Иеговы я познакомилась через мужа, сначала он заинтересовался, слу-

шал их проповеди у нас дома. Муж бывало, спорил с ними, брал у них литературу, читал. Так постепенно он стал свидетелем. Я наблюдала как бы со стороны, а потом и сама стала изучать Библию, 2001 году крестилась. Понравилось их хорошее учтивое отношение друг к другу, семье, которая должна быть крепкой, уважительное отношение супругов, а также и к жизни, что всё потом воздается в последствие. Так же она информировала, что иеговистов в Усть-Канском районе примерно 60-70 человек, в самом районном центре Усть-Кане проживает 30-40 человек.

Информатор Е.К., который является супругом К.К., рассказал, что впервые с литературой Свидетелей Иеговы он познакомился случайно. По рассказу информатора: «До этого я не верил ни в Бога, ни в черта, рос в селе, где смешанное население верили и во Христа и в *Алтай жаң*, а в школе атеизм». Люди, которые не были Свидетелями Иеговы, дали ему книгу «Ты можешь вечно жить в раю на земле». Затем он стал больше интересоваться и общаться с иеговистами, вступал в дискуссии, споры с ними, иногда засиживался до полуночи в беседах с ними. Так же читал и сравнивал литературу, особенно интересна книга «Жизнь – как она возникла? Путем эволюции или путем сотворения?». «Я понял, что Дарвинская теория об эволюции не состоятельна. А люди которые описаны в Библии существовали на самом деле это уже доказано наукой и учеными. Меня всегда интересовали многие науки, в том числе и история. И истину я нашел именно здесь». Пока Е.К. «не крещеный возвеститель». На наш вопрос, почему он не крестился? Е.К. ответил, что «он чувствует, еще не дошел до этого не вырос».

Информатору Е.К. был задан вопрос «Если он так всем интересовался, значит, он сам, что-то искал (Имея виду религию)?». Информатор ответил: «У любого человека есть потребность в вере, на этот счет у алтайцев есть поговорка «*Тоңошкөдө болзо мўргү*» - Хоть столбу да молись. И поэтому человек неосознанно ищет Бога. А я считаю, что истину я нашел в Библии, которая была написана Богом».

На вопрос: «Ну а если его дети не захотят быть Свидетелем Иеговы то, что он будет делать?». Е.К. ответил: «У детей свобода выбора, если не хотят не надо. Ведь Бог заложил свободу воли. Но до их 18 лет я постараюсь привить любовь к Богу, чтоб они выбрали правильный путь».

Информатор А.С. 1986 г.р. в беседе на заданный вопрос: «Почему он стал Свидетелем Иеговы»? Он ответил, что с 10 лет стал свидетелем Иеговы, этому способствовала его мать (Информатор М.С.). А о традиционной религии алтайцев ему почти ничего не известно.

В августе 2007 года (вечером) в с. Усть-Кане, в здание по ул. Тугамбаева проходила мероприятие «Школа теократического служения». Само строение деревянное примерно 15x10 м. внутри имеется небольшая библиотека с религиозной периодической литературой, всё высокого качества и оформления, в том числе и на алтайском языке. В здания чисто убрано. «Школа теократического служения» проходила в зале, где в три ряда расположены деревянные скамейки примерно в каждом ряду по 7 шт. В передней части зала, куда лицом сидели посетители находилась небольшая переносная кафедра для выступления, а также компьютерный видеопроектор. На бумаге прикрепленной к стене надпись «Близок великий день Иеговы (Софония 1:14, ПАМ)». Пришло примерно 30 человек, мужчин взрослых 5 из них алтайцев 3 возраста от 20 до 45 лет, служение проводили 2 мужчин предположительно не с села Усть-Кан. Детей до 5 лет 2 человека и столько же примерно до 16 лет. Женщины в основном среднего возраста 2 человека старше 60 лет (предположительно одна из женщин старшего возраста казашка). 90 % посещавших служение алтайцы. Мужчины и женщины были опрятно одеты, можно сказать празднично.

Служение началось с песен восхваляющих Бога, исполняли стоя примерно 10 минут. Затем сев начали служение, в основном изучали Библию, по заранее подготовленным вопросам и ответам на них. Религиозная литература доставляется в село Усть-Кан периодически. При просмотре данной литературы (методических пособий по изучению Библии) выяснилось, что все изучается прихожане по единой программе, «спускаемой сверху», т.е. эта литература разрабатывается и печатается в едином центре и потом рассылается по селам РА. В подобной литературе четко указано, что и когда изучать и где брать ответы на эти вопросы; каждая служба расписана по готовым вопросам и ответам. Обучаемый должен дома изучить готовые вопросы и ответы, затем их обсудить во время теократического

обучения. Так же во время службы обучали как вести проповедь. Для этого двое людей уже имеющие опыт в проповедовании показывали, как это делать (нечто вроде театрального представления показывали как вести проповедь). Главный их метод «идти от дома к дому» вести проповедь среди людей, как знакомых, так и незнакомых.

26. 09. 2007 г. село Теленгит-Сортогой Кош-Агачского района.

Пастор протестантской церкви находящейся в данном селе Таханов А.К., на вопрос: «Почему он стал приверженцем протестантизма?». Информатор ответил: «Любой человек ищет бога, и я тоже раньше был в поиске. А так же на многие вопросы нужны были ответы. Затем у меня в семье была большое несчастье. Искал ответ на свои вопросы я и в нашей алтайской религии, но их там не было. Как-то к нам приехали миссионеры протестанты и во время общения с ними, я понял, что нашел то, что искал. Истина именно в этой религии. Вдруг стало многое понятно, и на многие вопросы я нашел ответы именно здесь. Затем поехал учиться в г. Москву на три года с 2000 по 2003» (информатор имеет диплом о высшем образовании, Бакалавр Богословия, окончил Духовную Академию «Благодать» Союза Христиан Веры Евангельской Пятидесятников в России). Затем он стал пастором церкви Евангелистов Пятидесятников, которая находится в доме информатора в с. Теленгит-Сортогой. В церкви так же имелось и религиозная литература хорошего качества оформления.

23. 12. 2007г. в г. Горно-Алтайск, церковь «Новая жизнь». Служение началось в 10⁰⁰ ч. Постепенно с некоторым опозданием собралось примерно 80-100 человек из них около 25% мужчин. Из общего числа прихожан приблизительно 15-20% алтайцы, из них мужчин также примерно 25%. Прихожане стояли и пели религиозные песни, прославляющие Бога (Одна из песен примерно такого содержания: «Слава тебе великий Господи. Слава тебе люблю тебя алиллауя, алиллауя во имя Иисуса Христа аминь»). Песню на сцене исполняли 4 человека две девушки и молодые люди – «Группа прославления» (Использовали инструменты синтезатор у одного молодого человека, а у другого бубен – который используют обычно в концертах) а остальные подпевали. Музыка использовалась современная с некоторой ритмичностью. Во время исполнения прославления большинство присутствующих пританцовывали, подымая вверх руки. Некоторые начинали читать молитвы.

Ведущий служение, выйдя на сцену, попросил помолиться за церкви в селах Кокоря, Чибите, Улагане, Паспауле и др. Затем попросил поднять руки тех, кто пришел первый раз, и им подарили религиозную литературу (предположительно религиозный журнал). Затем он попросил прихожан поприветствовать братьев из церкви «Благодать».

Далее ведущий попросил выйти сестру Анну – женщина примерно 50 лет. Она сообщила, что пастор от бога и кто против него скажет слово, может получить наказание, и она попросила извинение у Господа (возможно у прихожанки были трения с пастором).

Ведущий с оживленной интонацией начал говорить, чтобы прихожане обратились в псалтырь 17 стих 26. Принцип церкви Божьего, должно быть милостивым. Если возникают, какие вопросы или проблемы надо обращаться к пасторам. «Не думайте, что пастор загружен. Маленькие проблемы может решить пастор домашней службы. А при возникновении более сложных можно обратиться к пасторам Андрею и Гере и их женам».

Затем ведущий вел речь о пожертвовании финансовой помощи «десятины» - некоторую сумму денег кто, сколько может, кладут в специальную емкость из материи, которую передают по рядам (и туда кладут деньги, кто сколько может). Говорил об искренней помощи приводя пример из Евангелии от Луки глава 21, стих 1, где отмечено, что дары бедной вдовы для Бога, были важнее жертвования богатых. Так же ведущий службы, вел речь о том что бы, прихожане сдали деньги для покупки каменного угля, для отапливания церкви.

Группа прославления начала петь религиозные песни на алтайском языке. Затем пели и на русском языке. Ритм песни и музыки интересно воздействовал на прихожан. В зале некоторые плакали, или усиленно начинали молиться, восславляя Иисуса Христа, а одна женщина даже запела. Репертуар исполнений в данной церкви различен, пели и про «Русский рок», как на иностранном, так и на русском языке и т.д.

На сцену вывели 15 детей, и женщина (примерно 35-45 лет) попросила, чтобы их благословили на обучение в «воскресной школе» для детей. Затем их вывели из зала, для обучения в данной школе.

Выступил так же пастор Гера. После приветствия он эмоционально начал проповедь: «Мы должны говорить людям, чтоб они уверовались», затем пастор говорил о проповеди, на примере Павла, чтобы прихожане были проповедниками. По словам пастора, Бог разделил людей на избранных – иудеев (последователи Бога), а так же и на эллинов (от слова эллины – Павел вел проповедь у римлян и греков, которые считаются представители Эллинской культуры с языческими богами). И последние должны прийти к Богу (то есть отказать от язычества). «Бог говорит Вы мои руки и ноги. Я хочу, чтобы вы работали через меня вы уникальные люди. Мы можем смело разделить людей на две категории это 1-ые Павел – Саван, и 2-ые Ананий. Павел был гонитель, хулиитель церкви, Господь тронул его на пути к Дамаску. Саван ослеп, упал, был фарисей из фарисеев, а становится одним из величайших проповедников. А что Ананий сидит так сказать в церкви «Новая жизнь» ничего не делает. Он также может сидеть дома и ждать, чтобы к нему пришел Бог. Мы должны идти по пути Павла. Он известен, как великий человек, а про Ананию ничего не известно». Затем пастор рассказывал, что он с братьями и сестрами церкви «Благодать» были в с. Саратан Улаганского района, где многие люди выступили против них, особенно последователи алтайской религии. Пригласили администрацию района и по делам религии с г. Горно-Алтайска. Но конфликт был разрешен в пользу их протестантов, «Закон Р.Ф. разрешает нам деятельность». Люди боятся, что они затеряются, но Бог хочет, чтобы мы были разные (предположительно это высказывание пастора направлено на то, что люди в с. Саратан высказали мнение, что протестантизм будет способствовать исчезновению алтайцев как нации). Так же пастор в своих речах говорил, что им надо молиться за существующую власть, которая поставлена от Бога «и даже нечестивый царь от него поставлен». Всегда надо пытаться, что-то делать и не бояться неудач, и учиться на них.

Ведущий попросил, чтобы на сцену вышли те, кто пришел первый раз, вышли несколько человек. Когда вновь прибывшие выходили, пастор произнес «Бог спасибо, что они откликнулись на твой призыв» и т.д. Рядом со мной женщина алтайка (примерно 45-50 лет) просила своих детей, чтобы они вышли на сцену, дочь (девушка примерно 16-18 лет) и сына (25-30 лет). Дочь вышла, а сын отказался. Данной женщине был задан вопрос: «Что её привело в эту церковь»? Она ответила, что были большие жизненные проблемы, поэтому она сюда пришла. Ей была необходимость близость Бога, общение с ним. И здесь в этой церкви всё это она получила. В данный момент проблемы у её сына, который проиграл много денег в игровых автоматах и не может, остановится, а у него жена и ребенок. Сама женщина родом с Усть-Канского района сейчас живет в Горно-Алтайске. На вопрос: «Как она относится к традиционной алтайской религии»? Она ответила, что положительно каждый Бога видит по-своему. На сцене вновь прибывших приветствовали, поздравляли и молились за них.

Затем на сцену вышел мужчина (лет 25-35) и попросил, кто может, тот внес деньги, потому что они готовят рождество для детей с интерната, а также для зимнего детского лагеря, который будет функционировать с 3-8 января. Так же ведущий службы попросил сдать 150 рублей для подарков детям прихожан и для детского дома.

В заключение на сцену был приглашен человек, который прошел лечение в реабилитационном центре (где лечат от наркомании и алкоголизма). На сцену вышел мужчина (примерно средних лет) который благодарил работников центра. Лечился он 9 месяцев.

Была осмотрена библиотека церкви, где находилась религиозная литература и видео кассеты, все высокого качественного оформления. Некоторые книги и кассеты можно было купить. В самом здании чисто и тепло.

21.09.2008 г. в с. Чепош, Чемальского района, удалось побеседовать с пастором местной церкви Евангелистов Пятидесятников (мужчина 35-40 лет). На заданный вопрос «Почему он стал приверженцем данной церкви?». Он ответил: «Я до прихода в эту церковь страшно пил и постоянно устраивал скандалы драки, семья была в состоянии развала. Когда услышал первую проповедь пастора, мне сначала это не понравилось. И я сказал ему, что у нас у алтайцев своя религия и если они будут продолжать проповедовать, то пригрозил их пристрелить. Но их слова дошли до меня, и я стал задумываться о Боге ведь всё на земле и её саму, а также и нас он создал. Затем стал приверженцем веры Евангельской, и у меня всё в жизни наладилось». На сегодняшний день он получа-

ет и духовное образование в г. Москве учиться на втором курсе в Духовной Академии «Благодать» Союза Христиан Веры Евангельской Пятидесятников в России.

Мною был задан следующий вопрос: «Как он относится к алтайской религии?». Пастор ответил: «Я обращался и к ней, но это ничего мне не дало. У нас алтайцев многие ритуалы совершают спиртным, а это спаивает народ и отношение к питью из-за этого иногда слишком лояльное». В качестве примера он рассказал: «Вот даже простой пример нашего отношения к спиртному, когда я был маленький мой дядя приезжал к нам с водкой и когда ее пил, то через меня передавал кому нибудь *чббчбй** и предлагал, чтобы я сам тоже попробовал и я пробовал».

Из беседы удалось узнать, что большая часть прихожан алтайцы, хотя в Чепеше преобладает русское население. У многих причины, побудившие их стать евангелистами, такие же, как и у информатора или, что-то похожее. Так он рассказал, что к ним ходят супруги, у которых, казалось бы, всё должно быть хорошо; оба с высшим образованием, нормально было и в материальном положении, но семейная жизнь у них не складывалась постоянно были скандал. И придя в эту церковь у них всё наладилось, семья стала крепче.

Затем была осмотрена здани церкви с односкатной крышей, внутри размером примерно 7х3 м разделенное на две части. В месте, где проходит служба, в два ряда были расположены несколько скамеек, напротив их небольшая переносная деревянная кафедра, рядом книжный шкаф, на полке которой находилось религиозная литература хорошего качества и музыкальная стерео система. В здание чисто. Во дворе строилась новая церковь, размером приблизительно 8 м шириной и 15 м длиной. Со слов информатора, большая часть средств на строительство церкви поступают от пожертвования прихожан.

Из данного материала можно сделать вывод, часть людей отдушину от своих проблем и драм находят в данный момент в протестантизме. Почему же именно в протестантизме. У многих алтайцев на сегодняшний день образовался духовный вакуум, которому способствовало ряд причин. Так после событий 1904 г. в долине *Теренг* у алтайцев развивался, как бурханизм так и шаманизм. Эти процессы были прерваны революциями, гражданской войной, позднее атеистической политикой советской власти, которая сначала уничтожила служителей культа как *бурханистов – ярлыкчи*, так и шаманистов – *камов* (шаманов). В начале 90-х гг. XX в. у алтайцев началось этнокультурное возрождение, в том числе и религиозное. Коренное население Горного Алтая и в советский период, в какой то мере оставалось приверженцами своей веры, всегда почитались перевалы, родники и другие особые места, всегда уважительно относились к огню и т.д. А Постепенно атеизм советского периода стер грань между бурханизмом и шаманизмом. Эти религиозные культы трансформировались нечто единое целое. Но процессы возрождения не пошли далее обрядовой стороны. Если раньше при традиционном укладе жизни коренное население Горного Алтая с рождением впитывало свою культуру, жило с ней, а *камы-шаманы* затем позже *ярлыкчи*, как служители культа были той силой, на какое опиралось религиозное воззрение алтайцев, которое слаживалось веками, а может и тысячелетиями. А после постсоветского период, у алтайцев не оказалось таких людей, да и не могло и быть, как говорилось выше, атеизм уничтожил их. А это, значит, образовалось нечто вроде разрыва с тем прошлым, который не возможно возродить. Надо отметить, что на сегодняшний день есть люди, пытающиеся реанимировать традиционную религию алтайцев (многие из них наделенные необычайными способностями, некоторых называют шаманами – *камами*, но в основном – *неме билер улус*- люди с экстрасенсорным даром). В отдельных случаях их деятельность вполне успешна, но эти успехи частные.

Самая главная причина образования духовного вакуума кроется в самом алтайском народе. Как говорилось выше, если раньше при традиционном укладе жизни коренное население Горного Алтая с рождением впитывало свою культуру и религию жило с ней, то после революции 1917 года и в дальнейшем в советский период истории, атеизм внедрялся вместе с грамотностью. Если точнее между всеобщей грамотностью и атеизмом можно ставить знак равно. Как известно легче переделать идеологию неграмотного народа, через внедрение образования. И на сегодняшний день многие алтайцы, получив образование, остаются с

* Пиала, подношение в ней опьяняющих напитков.

духовной пустотой и даже в некотором маргинальном состоянии, а значит, имеет не полное и отрывистое представление о своей религии. Например, некоторые наши информаторы не достаточно знают о культе огня или о роли спиртного в жертвоприношении алтайцев.

Протестантизм заполняет этот вакуум, многие люди получают здесь то, что им надо, в том числе и духовную поддержку. В некоторых случаях получается так, что это единственное место, где от них не отворачивались хоть морально, но помогают. И став приверженцами данного религиозного течения, бросают употреблять спиртное в отдельных случаях семьи которые были в стадии развала, укрепляются, у людей появляется какая то цель в жизни.

Сами протестантские организации в Р.А. большое внимание уделяют на то, чтоб увеличить число своих последователей. И этому прилагаются не малые усилия. Так из изложенного материала мы видим, что во время служб, ведущие рассказывают о методах проведения проповеди среди людей. В некоторых случаях, используя для этого наглядные пособия виде хорошо оформленных буклетов, или показывая нечто вроде небольшого театрального представления, а в качестве примера для подражания, рассказывая о деятельности великих проповедников, например апостола Павла. Главная цель – вооружить прихожан знаниями, а также дать уверенность для проведения проповеднической деятельности. Немаловажное значение имеет то, что, эти организации снабжены прекрасно оформленной литературой и даже написанные на алтайском языке. Из выше изложенного материала видим, что некоторые люди первые шаги к протестантизму сделали после ознакомления с такой литературой. Так же надо отметить особое отношение к новичкам, их приветствуют, поздравляют и т.д. Немаловажно, особенно для молодежи то, что широко используют современную музыку с религиозными песнями, служба становится более динамичной, торжественной и интересной.

Мендешева В.М.

(г. Горно-Алтайск)

ВЫДЕЛКА КОЖИ У АЛТАЙЦЕВ

Ведущей отраслью сельского хозяйства алтайцев всегда было скотоводство. Разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз, частично яков, верблюдов. В XIX в. стали разводить маралов. В условиях полунатурального хозяйства алтайцы сами изготавливали большинство необходимых для повседневной жизни предметов и некоторые орудия труда. Одними из важнейших отраслей домашнего производства были: обработка шерсти, выделка кож и шкур домашних животных. Они служили материалом для изготовления одежды, утвари. Выделкой кож занимались в основном женщины. Это был очень трудоемкий процесс, занимавший у алтаек большинство свободного времени.

Целью данной статьи является рассмотрение традиционного процесса выделки кожи и изготовления ниток в быту алтайцев в конце XIX – XX вв. и современное состояние этой отрасли. Описание выделки кожи и изготовления ниток оставил нам в своих трудах В.И. Вербицкий. Л.П. Потапов дал более подробное описание домашнего производства у алтайцев. В статье также используется полевой материал, собранный автором летом 2008 г.

Подробное описание алтайской техники обработки кожи крупных животных оставил нам Л.П. Потапов. Кожу крупных домашних животных использовали для изготовления кожаной посуды и ремней. Прежде всего, шкуры крупных домашних животных очищались от мездры (остатков мяса), жира и пленки тупым ножом или обломком косы (литовки), чтобы не портить их. Затем шкуру опускали в реку с быстрым течением, предварительно крепко привязав. Держали в воде до тех пор, пока вода не вымывала и не уносила всю шерсть. Затем шкуру вынимали, растягивали и сушили на шесте и других возвышавшихся предметах. Если кожа предназначалась для ремней, то, прежде всего ее, разрезали на три крупные полосы, каж-

дая из которых в свою очередь разрезалась на более узкие ремни. Из них делали принадлежности конской сбруи: уздечек (*уйген*), недоуздов (*нокто*), повода (*тискин*), чумбура (*ноктонынг чылбыры*), подпруг (*коолонг*), вьючных ремешков (*теерки, канја*), нагрудника (*көндүргө*), подхвостника (*куушкан*) и др. Алтайцы, как и все кочевники, широко использовали плетенную из тонких ремешков короткую или длинную плетель (*камчы*).

Для изготовления кожаных изделий, находивших в конце XIX – начале XX вв. широкое применение, шкуру размачивали в воде, мяли, смазывали жиром лошади, медведя или барсука. В зимнее время обрабатывали кожу, предназначенную для шитья обуви. Освежеванную кожу лошади, КРС замораживали в снегу, и шерсть выбривали начисто острым ножом. Далее, шкуру проветривали на солнце до тех пор, пока она не делалась легкой. В летнее время ее зарывали в навоз, где она несколько пропитывалась влагой, затем мяли и смазывали жиром лошади, сурка или медведя. После этого кожу неделю коптели в юрте над дымом очага или в особых земляных печах и еще раз мяли. Если кожу хотели окрасить, то после бритья ее помещали в настой коры лиственницы, шкура приобретала бардовый цвет. Из выделанной кожи шили обувь, сбрую, вьючные сумы, переметные сумины (*арчымак*), перекидывавшиеся поверх седла. Вплоть до XIX века алтайцы делали из кожи лошади, коровы сосуды различной емкости архыт для чегеня, тажуур для молочной водки, борбуй и др. Кожаную посуду шили из сыромятной кожи, иногда с ноги заколотой лошади или коровы, а порою с вымени коровы; снимали кожу наподобие чулка, набивали ее землей. Для этих сосудов сырую кожу, ошпарив в горячей воде и очистив от шерсти, сшивают по известной форме и, насыпав сухой земли, высушивают их возле очага в течение недели и более. Потом землю высыпают, дымят сосуды 7 суток и более. От дыма кожа размягчается, но, просохнув 1 день на ветру, становится очень твердой (Потапов Л.П., 1948, с. 227-228). Полевые исследования показали, что в советское время данная практика выделки кож крупных животных практически не использовалась. Опрошенные мной информаторы сказали, что шкуры крупных домашних животных они не выделывали. Большинство информаторов помнят только то, что освежеванную шкуру животного посыпали солью и складывали вчетверо, затем сдавали государству. В настоящее время выделанную кожу КРС используют в основном для изготовления сувенирной продукции, в частности маленьких *тажууров* (емкости для молочной водки), которые выставляют и продают на национальном празднике Эл-Ойын.

Несколько иным был способ обработки козьих и овечьих шкур. По словам информатора из с. Верх-Ануй Усть-Канского района Арбаковой Валентины Юрьевны 1952 г.р. из рода мундус для шуб выбирали шкуры овец убитых ближе к осени в августе или начале сентября, так как в это время шерсть не сильно отросла после стрижки в начале июня. Считается также, что шуба из такой овчины будет легкой. Только что освежеванную шкуру овец, коз и диких животных растягивали и просушивали на воздухе, вывешивая на распялке и других возвышающихся предметах шерстью вниз. Высохшую шкуру (*чылгый тере*) натирали кашеобразной смесью (*иде*). Ее приготавливали из муки второго сорта, комбикорма и молочной сыворотки. Эти компоненты смешивали и сквашивали. После натирания шкуру наматывают на палку и оставляют на несколько дней. Когда шкура начнет «греться», ее начинали выделывать. Нужно было следить за состоянием такого рулона, т.к. если передержать шкуру то начнет отваливаться шерсть с нее, или шкура начнет гнить. По словам информатора, ее мать Бодина Бокту Папийтовна 1923 г.р. из рода ак-тодош определяла готовность шкуры к выделке по запаху или на ощупь. Как конкретно должна была пахнуть шкура Валентина Юрьевна, к сожалению не смогла объяснить. При высыхании образовывался творожистый слой, который очищали при помощи *күрүпа*, а затем *эдрек*. *Күрүп* представляет собой крючкообразную палку в которую вставлен осколок литовки (рис.1 – 1). Шкуру подвешивали к крючку *ильмек* (рис.1 – 2). Ногу продевали через отверстие, образованное осколком литовки и крючкообразным концом *күрүпа*, и придерживая руками другой конец очищали овчину от мездры. *Эдрек* представлял собой палку длиной 70-80 см, зазубренную с двух краев. Затем следовал процесс обработки растягиванием и дымлением (*ыштаар*) у дымового отверстия аила. Продыmlенная кожа не будет промокать во время дождя. Продыmlенную шкуру мыли водой или сывороткой, сильно выжимали. Затем ее снова наматывали на палку и обматывали веревкой. Когда стечет с нее влага, ее растягивали и суши-

ли. Затем дубили, натирая внутреннюю сторону кашицей из вареной печени домашнего или дикого животного (*буурлап jam*). Для этого вареную печень растирали в ступе, смешивали с чегенем (национальный напиток), сквашивали. Затем кожу скручивали и оставляли на несколько дней. Затем вновь обрабатывали шкуру эдрекон, заканчивая на этом выделку. Выделанная таким образом овчина отличалась исключительной мягкостью, сухостью и белизной и не имела неприятного запаха. Почти такое же описание выделки кожи дала нам Ойношева Валентина Адыровна 1938 г. р. из с. Беш-Озек Шебалинского района. Только она готовила *иде* из чегеня смешанного с комбикормом. В течение осени алтайки шили из овчин шубы (рис. 2) и тулупы. Обработанные козьи шкуры шли на теплые зимние штаны, безрукавки и теплые одеяла (*жууркан*).

Бичиленова Мария 1939 г.р., из рода кыпчак из с. Кулада Онгудайского района рассказала другой способ выделки овчины. Она приготавливала *иде* из чегеня смешанного с мукой. Высушенную шкуру натирали этой смесью, ждали, когда она размякнет. Затем, установив *сүргү агаш* (дугообразная палка) на опору, клали на нее шкуру и литовкой очищали ее от мездры. После этого ее мыли сывороткой, оставшейся после приготовления молочной водки, чтобы вывести остатки жира. В советское время использовали для этой процедуры хозяйственное мыло или стиральный порошок. Вымыв шкуру, прикладывали конечности к двум палкам. Далее сворачивали ее вовнутрь, так чтобы шерсть была наружу. Затем концы этих палок клали крест на крест, чтобы они не размотались (*чалый салып jam*). После того как стечет вода, шкуру подвешивали на крючок (ильмек) за одну конечность, затем скребли шкуру ножом, удаляя тем самым остатки воды и сыворотки. Далее ее расстилали и сушили. Не доводя до сильного высыхания, кожу мяли руками. Затем дубили, натирая внутреннюю сторону кашицей из вареной печени и сыворотки. После этого обматывали ее вокруг одной палки и туго перевязывали веревками. Через день шкуру разматывали, подвешивали и очищали при помощи *күрүпа*. Затем посыпали мукой и вычищали ее литовкой. На этом процесс обработки заканчивался. По словам информатора, жители ее села перестали копить овчину с 70-х гг., т.к. овчинные шубы вышли из повседневного использования, их стали носить только по праздникам.

Выделка шкуры ягненка или козленка была несложной. После просушки шкуры ее шерсть мыли водой или сывороткой, внутреннюю сторону шкуры смазывали чегенем, снимали мездру при помощи эдрекон. Эти шкуры использовали для изготовления алтайских шапок, безрукавок, варежек и др.

Для сшивания кож использовали сухожильные и волосяные нитки. Использовали волосы с гривы или хвоста лошади. По словам Делдошпоева Владимира Кымовича 1963 г.р. из с. Келей Усть-Канского района, волосы с гривы и хвоста лошадей обрезали весной, когда выжигали тавро на лошадях. Волосы обрезали специальным инструментом *кынгырак*. Кынгырак обычно имел деревянную рукоятку, а лезвие с двух краев было очень острым, внешне напоминал усеченный меч. На изготовление сухожильных ниток требовались жилы лошади или крупного рогатого скота. У убитого животного отделяли ножом жилы со спины и ног ниже колен. Более подробно описала нам этот процесс Бичиленова Мария из с. Кулада. Вдоль позвоночника животного с двух сторон разрезали мясо, стараясь не повредить сухожилий. Затем примерно посередине вводили узкий ремень, обхватывали им сухожилия и вытягивали. Сухожилия должны легко выйти. Далее сухожилия высушивали в аиле в течение недели, затем били по ним молотком или колотушкой. Из мягкого сухожилия можно было отделять волокна различной толщины, из которых в свою очередь можно было сучить нить. Сучили нитки на голых коленях ладонью руки. Нитками собственного производства шили все виды одежды и обуви. В настоящее время изготовление и применение сухожильных и волосяных ниток потеряли свою актуальность, и технология их получения, видимо, скоро будет забыта совсем.

Подобные способы обработки были известны многим тюркским народам, в частности тувинцам, калмыкам, монголам, телеутам, хакасам и др.

Таким образом, мы видим, что в технологии обработки кожи у алтайцев существовали мелкие различия в способах выделки. С 90-х гг. идет возрождение традиционных промыслов, в т.ч. и кожевенного производства. Сейчас шкуры, предназначенные для изготовления шуб, при выделке не копят, т.к. исчезла необходимость повседневного их ношения.

Традиционные овчинные шубы алтайцы теперь носят в основном лишь во время национальных праздников. Но у многих людей поколения 60-х гг. дома еще хранятся овчинные шубы, изготовленные по традиционной технологии еще их родителями. Широкое распространение получает изготовление из козьих шкур теплых одеял (жууркан), алтайских шапок из лапок различных диких животных, безрукавок для детей из шкур ягнят и др.

Рис.1
Күрүп (1) и ильмек (2) (музей с.Ело Онгудайского района).

Рис.2
Овчинная шуба (музей с.Ело).

Литература

1. Вайнштейн С.И. Тувинцы – тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 217 с.
2. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. 257 с.
3. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 223 с.
4. Патачков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII – XIX вв.). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1958. 103 с.
5. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. 505 с.
6. Эрдниев У.Э., Максимов К.Н. Калмыки: историко-этнографические очерки. – 4-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 429 с.

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Чейнин Э.В.

(ГАГУ, исторический факультет, IV курс)

Научный руководитель – доцент, к.и.н. В.И. Соёнов

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧОЛУШМАНСКОЙ ДОЛИНЫ

В Чолушманской долине имеется множество археологических памятников. В их число входят наскальные рисунки – петроглифы; курганы с земляными и каменными насыпями больших и малых размеров; каменные изваяния и столбики-балбалы; овальные и четырехугольные ограды из каменных плит; оленные камни; стелы; остатки оборонительных сооружений, оросительных каналов и металлоплавильных печей. Археологические памятники свидетельствуют о жизнедеятельности населения, жившего здесь в различные хронологические периоды (Белекова Э. Адагызов В., 2007).

Первая комплексная экспедиция была организована В.В. Радловым в 1861 году. Он в Чолушманской долине обнаружил рисунки изваяний, стелы, балбалы. Результаты экспедиции, опубликованные Радловым, сохраняют свое значение в качестве первоисточника для археологического изучения Чолушманской долины (Радлов В.В., 1989; Белекова Э.А., 2006).

В 1878-1880-е годы две комплексные экспедиции на Алтай совершил Н.М. Ядринцев. В ходе путешествий он пристальное внимание уделял археологическим памятникам. Многочисленные курганные группы исследователь встречал в долинах Чолушмана, Башкауса, Чуи и Катуня. Так, в урочище Кумуртук в Чолушманской долине он зафиксировал обширное древнее кладбище с огромными каменными насыпями до 100 шагов в окружности и 2,5 метра в высоту. По наблюдениям Н.М. Ядринцева, отдельные курганы соседствовали с каменными фигурами, от которых в восточном направлении иногда отходила цепочка вертикально поставленных камней. У реки Башкаус он предпринял попытку раскопать основание одного изваяния, выявив при этом две массивные каменные плиты и щебень. Большой интерес исследователя вызвали остатки ирригационных сооружений, сохранившихся в долине реки Чолушмана. На Телецком озере зафиксировал остатки крепости на мысе Артал (Демин М.А., 1989; Белекова Э.А., 2006).

В начале 80-х годов XIX века совершил две экспедиции на Алтай один из крупнейших сибирских публицистов дореволюционного периода, историк и археолог А.А. Адрианов. Во время путешествия 1881 года он обследовал археологические памятники долин Чолушмана и Башкауса, описал курганные группы, каменные изваяния и остатки оросительных сооружений, собрал и вывез многочисленные коллекции по археологии и этнографии (Романова С.В., 2002).

В 1888 году Улаганский район посетил финский археолог И.Р. Аспелин (1842-1915 гг.) вместе с художником Карло Вуори. Они исследовали долины рек Чуя, Башкаус, Чолушман в надежде обнаружить письменные памятники, оставленные предками финского народа (Исследователи Алтайского края, 2002).

В 1924-25 годах в Чолушманскую долину была организована экспедиция Этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко, во время которой были начаты раскопки могил памятника Кудырге. В 1924 году было раскопано 11 могил, в 1925 были вскрыты 10 могил и 6 оградок (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927). Отчеты раскопок были переданы в Археологический комитет, а коллекция вещей была передана лишь в послевоенные годы в Государственный Эрмитаж.

В 1948 году А.А. Гаврилова и С.И. Руденко продолжили раскопки могильника Кудырге. Во время раскопок было выявлено, что могильник Кудырге являлся местом погребения в течение двух исторических периодов. В основной его части находятся погребения ранне-тюркского периода (V-VII вв.), а в северной части – погребения монгольского времени (XIII-XIV вв.) (Гаврилова А.А., 1965). Всего А.А. Гаврилова и С.И. Руденко раскопали 5 могил и 9 оградок. Материалы археологических работ на Кудыргэ, опубликованные А.А. Гавриловой в книге «Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен», изданной в 1965 году, до сих пор являются основным источником по изучению археологии Чолушманской долины (Белекова Э.А., 2006).

В 1983-1985 годах на могильниках Кок-Паш и Коо I Южносибирской экспедицией Кемеровского университета под руководством А.С. Васютина было вскрыто более четырёх десятков курганов гунно-сарматской эпохи (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003).

В эти же годы здесь были проведены разведочные работы сотрудниками Горно-Алтайского областного краеведческого музея В.А. Кочеевым и С.М. Киреевым. Ими были зафиксированы поминальные комплексы, могильники, а также остатки оросительных сооружений в долине Жыланду и около места впадения р. Чульча в р. Чолушман.

В 2000 году Алтайским краевым общественным фондом «Алтай – XXI век» в бассейне р. Чолушман была организована комплексная экспедиция с целью сбора информации о перспективах организации здесь особо охраняемых природных территории. Кроме специалистов-естественников, в экспедиции принял участие археолог А.С. Суразаков, задачей которого был сбор данных об имеющихся в этих местах памятниках историко-культурного наследия. Во время экспедиции были исследованы долины рек Башкауз, Чульча, Чабдар. Обнаружены новые археологические памятники: оросительные каналы рек Чульча, Башкауз и Чолушман (Суразаков А.С., 2003).

В 2001 г. разведочные работы в долине р. Чолышман и на южном берегу Телецкого озера произвели экспедиции И.Л. Кызласова и А.А. Тишкина. Основной целью их работ был поиск каменных крепостей.

В 2002 году сотрудником Института археологии и этнографии СО РАН А.П. Бородовским были осмотрены суваки и стелы на левом берегу р. Чульча. На памятнике Жыланду-I выявлены новые наскальные рисунки (Бюллетень археологических исследований, 2002).

В 2003 году В.И. Соёновым, Т.А. Вдовиной, С.В. Трифановой были произведены разведочные работы, во время которых изучены каменные стены и оросительные каналы в долине реки Чолушман. Ими обследован могильник Кара-Суу, который находится в 30 км от с. Коо на левобережной террасе р. Чолышман около перевала Кату-Жарык. Могильник включает 45 курганов и 5 каменных выкладок (Соёнов В.И., 2003; Вдовина Т.А., 2004; Трифанова С.В., 2004).

В марте 2008 года Г.П. Самаев с помощью местных проводников обнаружил и зафиксировал три оборонительных сооружения: на правом берегу реки Чолушман, южном и восточном берегах Телецкого озера.

В целом, изучение памятников Чолушмана было тесно связано с общим ходом исследований всего Горного Алтая. На данный момент можно выделить три этапа археологического изучения Чолушманской долины.

1. Этап первоначального накопления и осмысления материалов (середина XIX – 20-е гг. XX в.). На этом этапе памятники исследовались в ходе общего изучения Восточного Алтая.

2. Этап систематического изучения археологических памятников (20-е – 90-е гг. XX в.). На этом этапе проводились специальные разведочные и раскопочные работы в Чолушманской долине. На основании полученных материалов были созданы различные культурно-хронологические схемы.

3. Современный этап (начало XXI в.). На этом этапе в долине реки Чолышман производятся только разведочные работы, в ходе которых обследуются уже известные памятники и выявляются новые, но раскопочные работы не осуществляются.

Археологические исследования на Чолушмане имели большое значение для изучения гунно-сарматской, тюркской, монгольской эпох Алтая, Южной Сибири и в целом Евразии. Долина реки Чолушман по-прежнему привлекает большое внимание исследователей. Мы надеемся, что в ближайшем будущем будут продолжены систематические исследования археологических памятников, включающие раскопочные работы.

Литература

1. Белекова Э. Адагызов В. // Улаганнын Солундары. 2007. Вып. 16, 18, 19.
2. Белекова Э.А. Изучение археологических памятников Улаганского района // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Сборник научных трудов. Горно-Алтайск, 2006. С. 235-243.
3. Бобров В.В., Васютин С.А., Васютин А.С. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III-VII века). Новосибирск, 2003. 223 с.
4. Бюллетень археологических исследований в Горном Алтае. 2002 г. Горно-Алтайск, 2002. 24 с.
5. Вдовина Т.А. Изучение оросительных систем Горного Алтая в 2003 году // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып.2. С.116-130.
6. Гаврилова А.А. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племён. М.-Л., 1965.
7. Дёмин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.
8. Исследователи Алтайского края XVII – начало XX века. Барнаул, 2000. 279 с.
9. Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. 749 с.
10. Романова С.В. Из путешествия на Алтай и за Саяны (атрибуция коллекции А.В.Адрианова) // Музей. Традиции. Этничность. XX-XXI вв. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург – Кишинёв, 2002. С.127-132.
11. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудырге на Алтае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Том III. Выпуск 2. С. 37-52.
12. Соёнов В.И. Отчет об археологических исследованиях в Чемальском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском, Усть-Канском, Улаганском районах Республики Алтай в 2003 году. Горно-Алтайск, 2003 (Архив Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай).
13. Суразаков А.С. Отчёт по экспедиции на Чолушман в августе 2000 г. // Археология Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып.1. С.90-99.
14. Трифанова С.В. Материалы к археологической карте Кош-Агачского, Онгудайского и Улаганского районов РА // Изучения историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып.2. С.67-69.

Карушев Р.Н.

(ГАГУ, исторический факультет, III курс)

Научный руководитель – доцент, к.и.н. В.И. Соёнов

КЕРАМИКА АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ЧЁБА

Население каждого периода древней истории оставляет после себя различные материальные остатки своей деятельности, дошедшие до нас в виде археологических памятников. Их изучение позволяет нам в той или иной степени достоверности реконструировать культуру населения, проживавшего в определённое время на конкретной территории.

Памятники афанасьевской культуры долгое время относили к эпохе энеолита и бронзы, т.к. других культур не было известно. В свое время было высказано предположение (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с. 74 и др.), что население афанасьевской культуры могло оставаться основным, хотя и не единственным, вплоть до 8-6 в. до н.э. Ведь памятники афанасьевской культуры были открыты по всей территории Горного Алтая, а находки, к примеру, большемысской, каракольской культур – только в отдельных микрорайонах. Вопрос о границах распространения афанасьевской культуры и особенностях её контактов с населением предгорий и равнин Алтая разработан слабо (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю., 1997). Процесс изучения идет

медленно и, тем не менее, за последние годы получено значительное количество материалов. За последние 25-30 лет было обнаружено около 100 памятников этой культуры.

В полевые сезоны 2006-2007 года под руководством В.И. Соёнова осуществлялись археологические работы на поселении Чёба, находящемся в 9,5 км юго-восточнее с. Еланда Чемальского района. Поселение Чёба обнаружено в 1989 году В.И. Соёновым (Киреев С.М., 1990; Соёнов В.И., 2007). Поселение располагается на надпойменной террасе правого берега р. Катунь. В 2006 году в юго-западной части террасы был заложен раскоп, который был завершён в 2007 году.

За период раскопок в слоях поселения Чёба был обнаружен обширный комплекс фрагментов лепной керамики как неорнаментированной, так и орнаментированной. Материалы различны по культурно-хронологической принадлежности, предварительно их можно отнести к периоду энеолита-бронзы, раннего железа и средневековья (Соёнов В.И., Трифанова С.В., 2006, с. 8-10).

Большое количество керамики представлено фрагментами лепных толстостенных и тонкостенных сосудов афанасьевской культуры толщиной 0,4-1,4 см. Причем разброс в толщине на одном фрагменте в разных участках может достигать до 0,3 см. Формовочная масса плотная, цвет фрагментов колеблется от темно-коричневого до серого. Керамика заглажена с обеих сторон предположительно каменным шпателем, о чем свидетельствуют отчетливые следы с внутренней стороны. Они представляют собой полосы сплошных параллельных тонких штрихов и редких неглубоких и аморфных бороздок, соответствующих рабочему краю орудия.

Комплекс керамики данной культуры представлен различными элементами орнамента. Посуда украшалась косо поставленными линиями и оттисками гребенчатого штампа.

Среди комплекса керамики имеются много фрагментов венчиков, большая часть из которых – прямые. Один из таких венчиков представлен кусочком размерами: ширина 3,7 см, длина 3,9 см. С внутренней стороны он гладко заглажен, по-видимому, камнем или сухой травой. Снаружи кусочек украшен частыми линиями, нанесенными техникой прокатывания, доходящими до самого края сосуда. Имеются и фрагменты венчиков со слегка выгнутым краем. На них нанесены прочерченные косые линии, пересекающиеся с идентичными линиями, направленными поперек.

По приему орнаментации керамический комплекс довольно разнообразен: в нем присутствуют такие техники нанесения орнамента, как «прочерченная», «насечка», «шагание с протаскиванием», «накалывание». Такое разнообразие способов орнаментации показывает нам непохожесть орнаментов, что свидетельствует о большой фантазии и богатстве культуры афанасьевцев, лепивших глиняные сосуды.

Таким образом, в результате археологических раскопок поселения Чёба на Средней Катуни выявлен керамический материал, относящийся к афанасьевской культуре. Следовательно, Чёбу можно добавить в круг афанасьевских памятников.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С.52-77.
2. Киреев С.М. Отчет об археологических исследованиях в долине р.Чеба на Средней Катуни в 1989 году. (Зона затопления Катунской ГЭС). Горно-Алтайск, 1990.
3. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю. Вопросы датировки и происхождения афанасьевской культуры Горного Алтая // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С.61-64.
4. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. Барнаул, 1995. 150 с.
5. Соёнов В.И. Новые памятники Алтая эпохи бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Выпуск №6. С.25-44.
6. Соёнов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского госуниверситета в 2006 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г. (Археология, этнография, устная история). Барнаул, 2007. Выпуск 3. С.8-10.

Константинов Н.А.
(ГАГУ, исторический факультет, II курс)

Научный руководитель – к.и.н. С.В. Трифанова

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛУЧНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ПАМЯТНИКА КАЛБАК-ТАШ

Петроглифы – неотъемлемая часть истории человечества и один из наиболее важных источников по изучению развития человеческого общества. По петроглифам можно судить не только о мировоззрении людей, наносивших рисунки на камень, но и об экономическом, техническом уровне развития общества на определенном историческом этапе.

Особый интерес вызывают изображения антропоморфных фигур в петроглифах. Рисунки воинов и охотников с оружием являются одним из важнейших источников для реконструкции комплекса вооружения, определения родов войск и тактики ведения боя, для общей характеристики уровня развития военного искусства. Наиболее распространенными антропоморфными сюжетами являются изображения людей вооруженных луками и стрелами (Окладников А.П., Худяков Ю.С., 1981, с. 22).

Нами было рассмотрены материалы одного из крупнейших памятников наскального искусства Горного Алтая – петроглифического комплекса Калбак-Таш.

Из всей группы лучников Калбак-Таша 24 изображения датированы эпохой бронзы, все они опубликованы (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001). Они выполнены с помощью сплошной и контурной точечной выбивки, возможно, изображения, выполненные техникой граффити, не сохранилась, либо такая техника не применялась.

При систематизации изображений лучников мы подробно описали каждое изображение. На Калбак-Таше встречены две композиции, вероятно, изображающие сцены боя и пять композиций – сцены охоты и шесть – изображений одиночных лучников.

В первой композиции передающей сцену боя два лучника изображены лицом друг к другу. Первый лучник в серповидном головном уборе, ориентирован вправо. Туловище изображено в профиль, правая рука согнута в локте, прямые ноги – в фас, стопы не выделены. Лук простой формы, стрела в виде прерывистой линии, тетива не натянута. Вторым лучником в серповидном головном уборе ориентирован влево. Туловище изображено в профиль, одна из рук согнута в локте, прямые ноги изображены в фас, стопы не выделены. Лук простой формы, тетива и стрела не прорисованы (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 468) (рис. 2,1).

На второй композиции передающей сцену боя два лучника изображены лицом друг к другу. Первый лучник ориентирован вправо. Туловище изображено в профиль, правая рука согнута в локте, ноги слегка подогнуты, выделены стопы. Лук простой формы, стрела в виде прямой линии. На поясе висит предмет похожий на булаву. Вторым лучником ориентирован влево. Туловище изображено в профиль, ноги слегка подогнуты, выделены стопы. Одна рука непропорционально длинная. Лук простой формы. На поясе изображены два предмета: один предмет похожий на булаву висит на поясе, другой – в виде вытянутого прямоугольника, направлен вверх (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 486) (рис. 2,2).

Одиннадцать лучников входили в состав композиций, изображающих сцену охоты. На первой композиции изображена сцена охоты, в которой участвуют три охотника. Первый лучник в серповидном головном уборе, ориентирован вправо. Шея, туловище и конечности изображены с помощью тонких линий. Левая рука откинута назад, согнута в локте, держит продолговатый предмет (стрела?). Лук простой формы. На поясе изображен предмет похожий на колчан или налучие. Вторым лучником в серповидном головном уборе, ориентирован вправо. Правая рука согнута и отставлена назад. Лук простой формы, ноги слегка вогнуты назад, на поясе изображен предмет, напоминающий ножны. Подчеркнута мужская половая принадлежность. Третьим лучником в серповидном головном уборе ориентирован влево. Правая рука согнута в локте, ноги слегка согнуты, выделены стопы. На поясе изображен висящий предмет, возможно, нож. Подчеркнута мужская половая принадлежность (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 636) (рис. 2,7).

В сцене охоты изображенной на второй композиции участвуют два лучника. Первый лучник стреляет из лука, стоя на коленях. Он в грибовидном в головном уборе, ориентирован вправо, одна рука согнута, другая держит кибить. Лук простой формы, тетива изображена в виде толстой линии. На поясе круглый предмет. Подчеркнут мужской пол лучника. Второй лучник в грибовидном головном уборе, ориентирован вправо. Ног не видно, т.к. часть рисунка сколота. Лук простой формы (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис.630) (рис. 2,6).

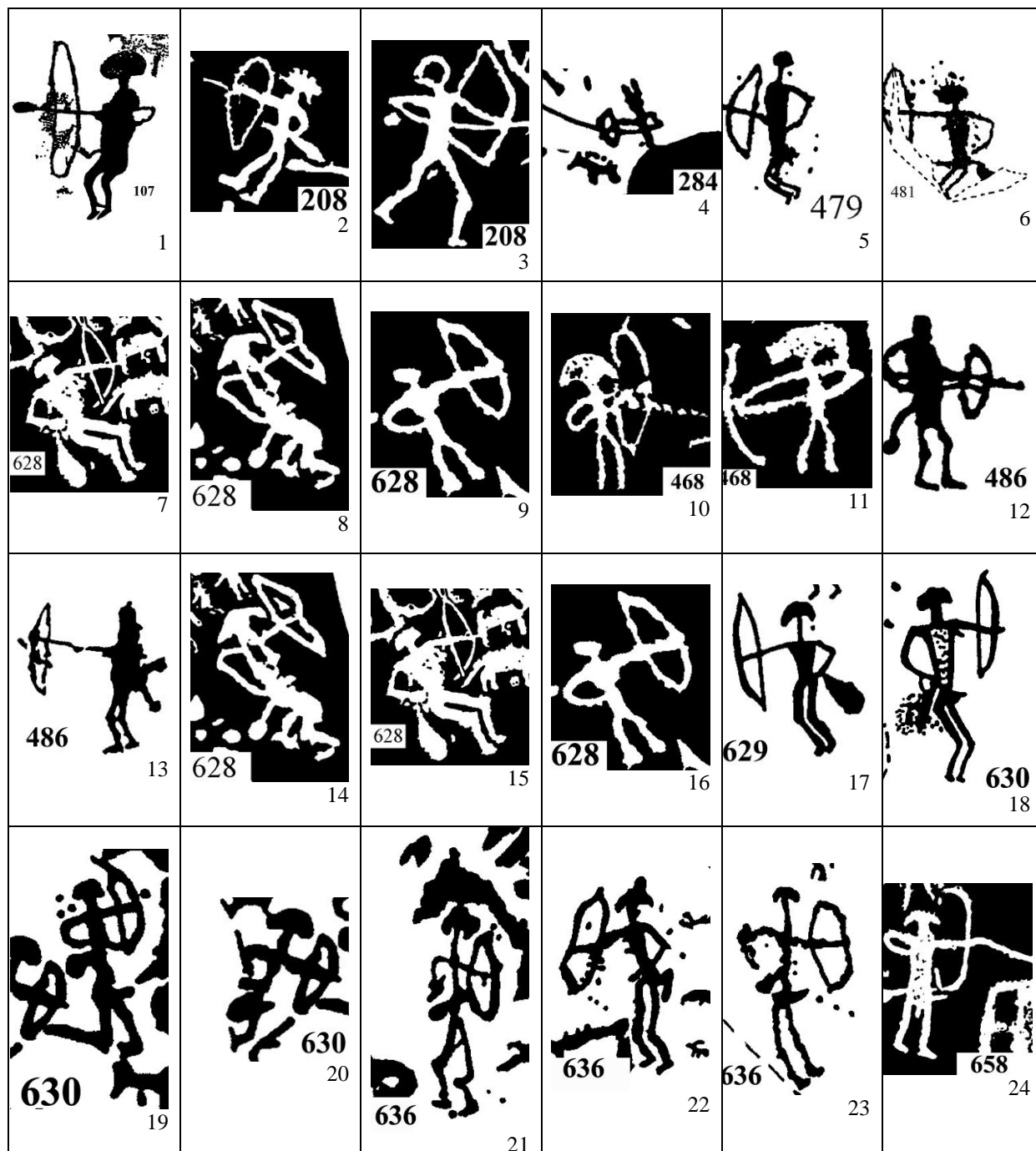

Рис.1

Изображения лучников с петроглифического комплекса Калбак-Таш
(по В.Д. Кубареву, Э. Якобсон).

Рис. 2
 Изображения лучников
 с петроглифического комплекса Калбак-Таш
 (1, 2 — сцены боя; 3-8 — сцены охоты)
 (по В.Д. Кубареву, Э. Якобсон).

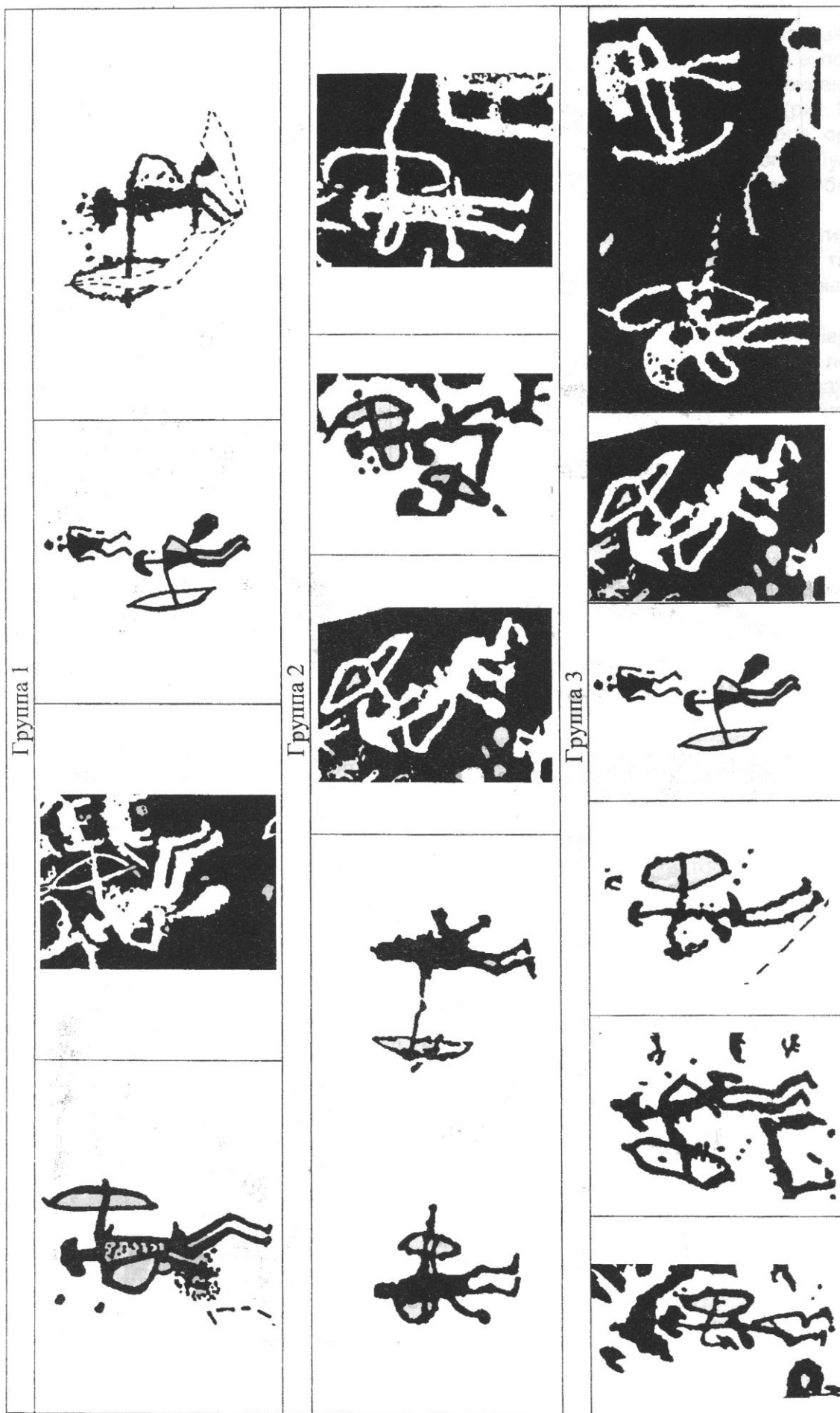

Рис. 3

Изображения лучников с петроглифического комплекса Калбак-Таш (по В.Д. Кубареву, Э. Якобсон).

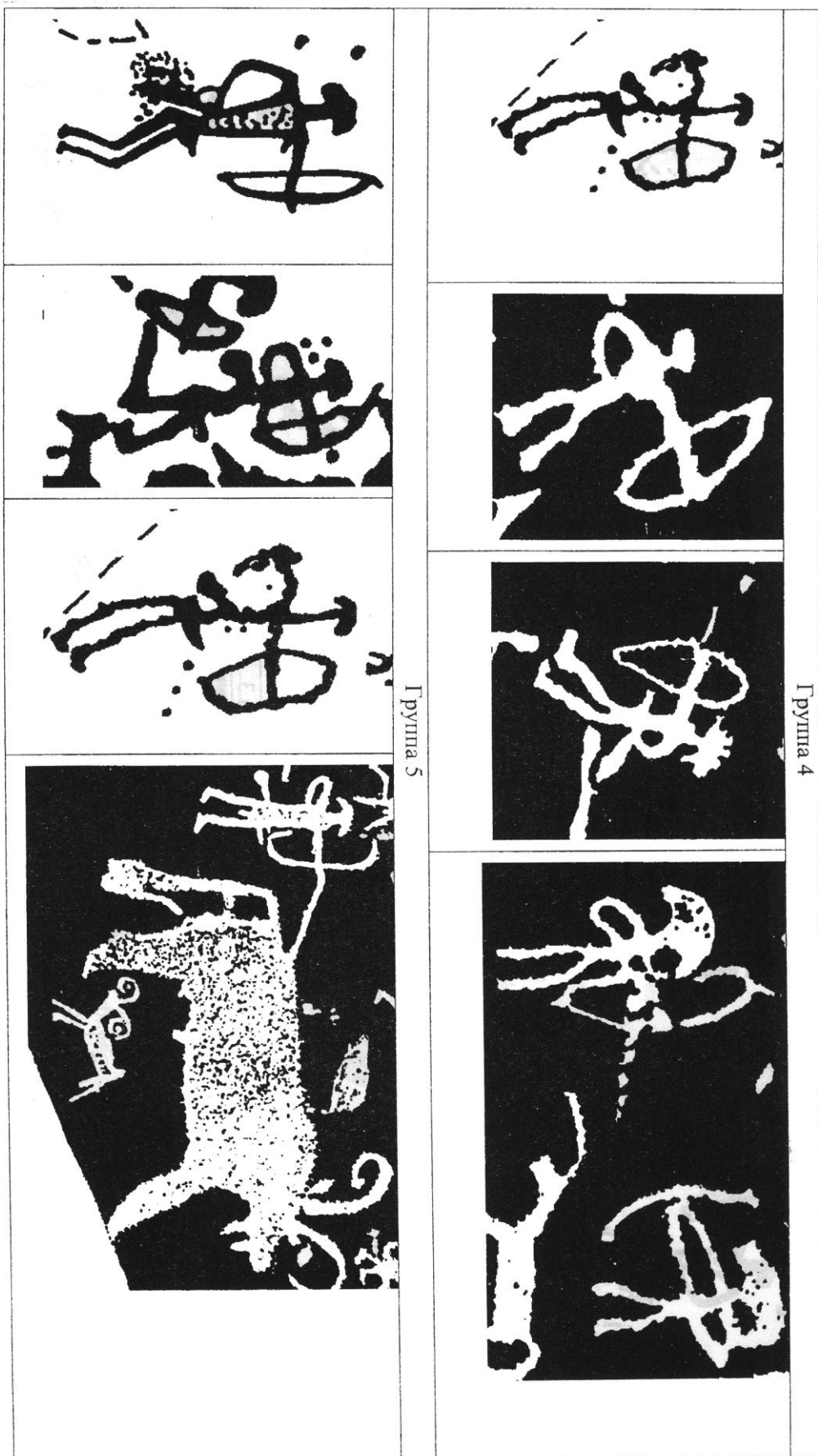

Рис. 4

Изображения лучников с петроглифического комплекса Калбак-Таш
(по В.Д. Кубареву, Э. Якобсон).

Третья композиция изображает сцену охоты, на которой голова лучника изображена при помощи контурной выбивки. Лучник ориентирован вправо, одна рука согнута в локте. Ноги изображены в движении. Лук простой формы, стрела соединена с изображением марала, который датируется эпохой бронзы (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 208) (рис. 2,3).

Четвертая композиция изображает лучника в серповидном головном уборе, ориентированного вправо. Одна из рук согнута в локте, ноги прямые, выделены стопы. Лук простой формы, тетива не изображена. Стрела соединена с зооморфным существом (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 658) (рис. 2,8).

В пятой сцене охоты изображен лучник в рогатом головном уборе, ориентированный вправо. Одна рука согнута в локте, расположение ног проследить невозможно, так как повернутое изображение лучника выбито изображение лося, датируемого эпохой бронзы (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 284) (рис. 2,4).

В шестой композиции представлена сцена охоты с участием трех лучников. Первый лучник в серповидном головном уборе, ориентирован вправо. Одна рука согнута в локте, приставлена к боку. Ноги изображены подогнутыми, стопы выделены. Лук четко выраженной образной формы. На поясе изображен предмет похожий на булаву. Поза напоминает танец. Второй лучник в серповидном головном уборе, ориентирован вправо. Одна рука согнута в локте. Ноги прямые, выделены стопы. Лук простой формы, отражены тетива и стрела. На поясе изображен предмет похожий на булаву. Подчеркнута мужская половая принадлежность. Третий лучник в грибовидном головном уборе, ориентирован вправо. Правая рука согнута, ноги подогнуты. Лук простой формы. На поясе изображен предмет в виде хвоста (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 628) (рис. 2,5).

Семь изображений одиночных лучников, не включенных в какие-либо сцены. Один лучник в грибовидном головном уборе ориентирован влево. Туловище изображено в профиль, ноги фас, согнуты в коленях (экспрессивная поза) (Кубарев В.Д., 2003, с. 23), выделены стопы. Рука согнута в локте. Лук простой формы, стрела в виде прямой линии, с овальным наконечником (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 107) (рис. 1,1). Второй лучник в рогатом головном уборе, ориентирован влево. Туловище изображено в профиль; рука согнута в локте, держит стрелу. Лук простой формы, стрела в виде изогнутой вверх линии. Проследить расположение ног затруднительно, так как сверху изображения лучника выбит рисунок лося, датируемый эпохой бронзы (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 284) (рис. 1,4). Третий лучник изображен с головой на длинной тонкой шее, ориентирован влево. Туловище изображено в профиль, одна рука согнута в локте, ноги подогнуты, выделены стопы. Лук простой формы, стрела короткая, в виде прямой линии (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 479) (рис. 1,5). Четвертый лучник в грибовидном головном уборе, ориентирован влево. Туловище в профиль, левая рука согнута в локте, ноги согнуты в коленях. Лук простой формы, стрела в виде прямой линии. На поясе изображен предмет в виде хвоста. Рисунок частично сколот (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 481) (рис. 1,6). Пятый лучник в серповидном головном уборе, ориентирован влево. Туловище изображено в фас, рука согнута в локте, ноги слегка согнуты, выделены стопы. Лук простой формы, на поясе изображен предмет в виде хвоста (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 629) (рис. 1,17). Шестой лучник в раскидистом головном уборе, ориентирован влево. Одна рука согнута в локте и приставлена к боку. Ноги прямые, выделены стопы. Лук простой формы, выделены тетива и стрела. На поясе изображен предмет, напоминающий меч в ножнах (Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2001, рис. 208) (рис. 1,2).

В результате систематизации изображения лучников разделены на четыре группы: 1) с предметами на поясе напоминающими хвост (рис. 3); 2) с предметами на поясе похожими на булаву (рис. 3); 3) в серповидных головных уборах (рис. 3); 4) в экспрессивных позах; изображенные в движении (при ходьбе) (рис. 4); 5) с ярко выраженными половыми признаками (фаллофоры) (рис. 4).

Анализ групп изображений лучников позволил выделить ряд признаков, характерных для рисунков эпохи бронзы:

1) Раскидистый (серповидный), рогатый и грибовидный головной убор. Голова часто больших непропорциональных размеров (Кубарев В.Д., 2003, с. 21).

2) Одна из рук практически во всех случаях согнута в локте и приставлена к боку. Не всегда понятно держит рука тетиву или нет.

3) Ноги подогнуты (экспрессивная поза). В двух случаях лучники изображены в движении. В большинстве случаев ноги нарисованы со стопами.

4) Лук с простой кибитью, но встречаются изображения луков м-образной формой. В большинстве изображений стрела показана одной прямой линией, продолжающей руку. Стрела и тетива в ряде случаев не показана, вероятно, из-за технических возможностей художника и схематичности изображений.

5) Наличие предметов, висящих на поясе, так называемые «хвосты». Указанные предметы могут быть булавами, налучиями или мечами. «Хвосты», возможно, действительно являются хвостами, прикрепленными к одежде охотника или воина в обрядовых целях, но возможно являются и сумками, колчанами (Кубарев В.Д., 2003, с. 20).

Таким образом, нами были выделены стилистические и технические особенности изображений лучников датируемых эпохой бронзы. В дальнейшем, при исследовании памятников наскального искусства, мы можем опираться на данную работу при датировке петроглифов.

Литература

1. Окладников А.П., Худяков Ю.С. Образ воина на писаницах Монголии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С 21-29.
2. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Сравнительный анализ изображений лучников на петроглифах Алтая и Тянь-Шаня // Международная конференция по первобытному искусству 3-8 августа 1998 года. Кемерово, 2000. Т.2. С. 60-63.
3. Кубарев В.Д. Наскальное искусство Алтая (из экспедиционных заметок археолога). Новосибирск – Горно-Алтайск, 2003. 128 с.
4. Кубарев В.Д. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск: Изд. Г-АГУ, 2003. №11. С.23-34.
5. Кубарев В.Д. Шаманистские сюжеты // Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск: Изд. Г-АГУ. 2001. №6. С.89-106
6. Кубарев В.Д. Сюжеты и образы Билуут-Толгой // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Выпуск 5. С. 20-24.
7. Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск: Изд. Г-АГУ, 1999. №4. С.77-81.
8. Соёнов В.И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск: Изд. Г-АГУ, 2003. №10. С. 100-106.
9. Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2006. 346 с.
10. Kubarev V.D., Jakobson E. SIBIE DU SUD 3: KALBAK-TASH I (REPUBLIQUE DE L'ALTAI). Repertoire des Petrogliphes d'ASIE Centrale, fasc. Paris: De Boccard, 2001, №3. 2 vols. 481 pp., 15 map., 399 pl.

Штанакова Е.А.

(ГАГУ, исторический факультет, II курс)

Научный руководитель – к.и.н. А.В. Эбель

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Горный Алтай – горная страна в центре Азии, самая высокая область Сибири. Многие горные хребты достигают высоты более 3-4 тыс. метров над уровнем моря. Для этой области характерны межгорные котловины и приподнятые всхолмленные плоскогорья. Ещё одной особенностью Алтая является наличие около 1,5 тыс. ледников (Энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2004). Горный Алтай – также место, где проживали многие древние народы, оставившие о себе крайне скудную информацию. Получение данных об этих культурах осуществляется путём извлечения знаний из, наверное, единственного в своём роде источника информации по данному вопросу – погребальных памятников. Особое

распространение имеют археологические памятники пазырыкской культуры, отличительной чертой которых является наличие подкурганной многолетней мерзлоты. В восточных и юго-восточных долинах Горного Алтая расположено множество курганов этого времени. К таким местам относятся, например, урочище Пазырык, плато Укок и Кош-Агач, долины Юстыд, Уландрык, Сайлюгем и т.д.

В раскопанных курганах средних размеров, представлявших собой ледяные могилы, неплохо сохранились тела умерших и предметы погребальных обрядов. Сохранность артефактов произошла именно благодаря многолетней мерзлоте, образовавшейся в курганах. Многолетняя мерзлота формировалась в условиях континентального климата данного региона. Среднемесячная температура воздуха в январе составляет -32° , в июле – $+13,8^{\circ}$ С. Безморозный период здесь продолжается около 68 дней (вторая половина июня – конец августа). Температура поверхности почвы колеблется от -63° до $+58^{\circ}$ С. Характерной особенностью климата является колебание температур в течение суток. Возникновению островков вечной мерзлоты способствуют малоснежная и длительная зима с низкими температурами (Кубарев В.Д., 1991, с. 16).

Все курганы скифской эпохи принадлежат к одному и тому же типу погребения. Данные погребения имеют следующие общие черты:

- Они представляют собой каменные насыпи различных размеров;
- Под насыпями в глубоких ямах сооружались двойные рублёные бревенчатые камеры;
- Внутри обширной камеры находилась другая, меньших размеров;
- Между насыпями было воздушное пространство;
- Могильные ямы как правило прямоугольные в плане, с отвесными стенками, ориентированными по сторонам света (Руденко С.И., 1954, с.19-20).

Максимальная глубина ям редко достигала 300-330 см. Средние же размеры ям основной массы (71%) исследованных курганов составляли $320 \times 260 \times 240$ см. В малых курганах (29%) могилы почти вдвое меньше по размерам: $160 \times 100 \times 140$ см. Ямы средних курганов иногда полностью забиты камнем. В других случаях камни заполняли только центральную часть могилы, доходя до покрытия погребального сооружения. Дно ям тщательно вымощалось сланцевыми плитками или плоскими гальками толщиной в 10 см. В некоторых курганах настилались полы в продольном направлении. Срубы, как правило, рубились из массивных лиственничных брёвен или плах и устанавливались по центру могильной ямы или в её южной половине. Срубы имеют прямоугольную форму и ориентированы по сторонам света. Размеры сруба напрямую зависят от размеров, количества и половозрастных особенностей погребённого. В больших могилах средних курганов размеры срубов были $320 \times 300 \times 70$ или $300 \times 210 \times 40$ см; в малых курганах – $200 \times 130 \times 40$ см. Большое число срубов в два-три венца, а концы брёвен на углах оставались не отесанными. Отличительной особенностью погребальных сооружений пазырыкой культуры является и покрытие срубов. Составленное из нескольких неошкуренных плах (4-6 штук), оно покрывает срубы всегда в продольном направлении, т.е. с запада на восток (Кубарев В.Д., 1991, с.28).

Ещё одна неотъемлемая часть погребения – погребальное ложе. Ложе, которое представляет собой прямоугольную раму из брусьев с продольными настилом из 3-4 досок. Средний размер погребального ложа составляет примерно 220×110 см. В некоторых погребениях встречаются ложе с ножками.

Необходимым материалом для сооружения курганов древнее население обеспечивали обильные моренные отложения, которые находились повсюду на поверхности естественными россыпями. От того, каким был этот материал, напрямую зависело появление или не появление мерзлоты в кургане. Например, ямы, выбранные в крупном галечнике или щебнистом материке, т.е. в грунте с пористой структурой, хотя и промерзали, но так же хорошо оттаивали летом (Полосьмак Н.В., 1994, с.4). Заполненными же льдом были только погребения, вырытые в плотной однородной глине. С.С. Марченко, основываясь на термометрических исследованиях, пишет, что каменная наброска высотой 0,4-0,6 м способна снизить температуру подстилающих грунтов на $1-3^{\circ}$ С, а слой толщиной 1,5-2 м в различное время тёплого периода снижает температуру подстилающей породы на $3-9^{\circ}$ С по сравнению окружающими грунтами (Марченко С.С., 2007, с. 122). Из-за сурового климата влага, которая проникала в засыпку могильных ям и внутрь камер в результате

выпадения осадков весной, летом и осенью, замерзала в зимний период и не оттаивала летом. Особую роль в проникновении осадков внутрь погребальных камер играло наличие подхоронительных ходов. В качестве примера можно привести могилу со льдом – курган I могильника Ак-Алаха I, относящегося по размерам насыпи к средним ($d = 18$ м), глубиной 2,90 м. Внутри стоял двойной бревенчатый сруб с двойным перекрытием из брёвен и покрытием из нескольких слоёв бересты. Могильная яма была вырыта в слое галечника (как во всех остальных раскопанных курганах на Укоке средних пазырыкских курганах). Несмотря на пористую структуру грунта, вода частично скапливалась не только в яме, но и в срубе, где со временем образовался лёд (Полосьмак Н.В., 1994, с. 3).

Интересно и то, что первые захоронения, как правило, совершались вблизи рек, цепочками перегораживая долину.

Существует общепринятая теория образования мерзлоты в курганах типа Пазырык, которую изложил С.И. Руденко. Фактором, который благоприятствовал развитию и сохранению курганной мерзлоты являлось наличие каменной наброски. Она действовала как теплоизолирующий покров, предохраняющий земляную поверхность от прогревания в летнее время и тем самым, выдерживающей и ослабляющей оттаивание. В зимних условиях наброска являлась фокусом максимального теплоизлучения за счёт несравненно более быстрого, по сравнению с почвенной поверхностью, охлаждения камня и вследствие свободной конвекции в наброске. Если в начале зимы некоторый запас тепла в каменной наброске только в незначительной мере задерживал процесс охлаждения, то весной процесс нагревания сильно затягивался. Замещение тёплого воздуха холодным происходило значительно быстрее, чем холодного тёплым.

Каменная наброска, являясь слабо теплопроводным покровом, изменяла колебания температуры в суточном и годовом её ходе, смягчая пики и уменьшая её абсолютные величины. Легко проницаемая для атмосферных осадков в тёплое время года, резко ограничивая их испарение и действуя, напротив, как конденсатор влаги, она увеличивала общую влажность подстилающей каменную наброску поверхности земли, делая грунт менее теплопроводным. В результате всего этого в каменной наброске и под ней создавался особый микроклимат, отличающийся от микроклимата окружающей курганы естественной поверхности, благоприятствующей усилению и сохранению мерзлотного процесса. Помимо каменной наброски, образованию курганной мерзлоты благоприятствовала и конструкция курганов в целом. Возвышаясь над землёй, она сильнее охлаждалась зимой, грунтовая насыпь промерзала до могильной ямы. Пустоты между брешами и камнями навала в верхней половине могильной ямы являлись своеобразными холодильниками, источником охлаждения которых служила поверхность основания насыпи. В нижней половине ямы погребальная камера, с многослойными берестяными покрытиями, была свободна ото льда. В погребальной камере постоянно происходил контакт и конвекция воздуха. Охлаждённый в пустотах навала воздух опускался в камеру, а более тёплый воздух камеры поднимался вверх к зоне охлаждённой поверхности. Процесс этот протекал непрерывно, усиливаясь в период понижения температуры (зимой) и в период максимального (летом) нагрева грунтов, окружающих курган. Каменная наброска, бревенчатый и валунный навалы, покрытие камеры корой стабилизировали сезонное охлаждение.

«Так, в течение ряда лет, в результате совместного действия климата и особенностей конструкции курганов, под каменными набросками курганов установилось температурное равновесие с образованием линз мерзлоты. Конвекционный процесс мог служить источником конденсации влаги на контактной поверхности и в пределах навала из брёвен и валунов, которые вместе с фильтрационными водами, заполнив пустоты в навале и грунте, приняли также участие в образовании льда на дне погребальных камер некоторых из курганов» (Руденко. 1953, с.20).

Говоря о том, что мерзлота в курганах образуется в сочетании особенностей климата и конструкции самих курганов стоит отметить один противоречивый факт: дело в том, что такие типы курганов встречаются не только на Алтае, но и в других районах Азии, например, в Западной Монголии, Восточном Казахстане, Синьцзяне, Степном Алтае. Данные районы отличаются по ландшафтно-климатическим условиям, однако на их территориях в некоторых раскопанных курганах присутствовала мерзлота. Так может особенности ландшафта и климата играют не столь важную роль? Или всё-таки играют?

Из всего сказанного выше возникает вопрос: подкурганная мерзлота – это особый способ сохранения оболочки человека после смерти населения Горного Алтая рассматриваемого периода времени или же простое стечение обстоятельств, прихоть природы? Лучший способ проверить гипотезу – это практика. Мы предлагаем воссоздать одно из погребальных сооружений и пронаблюдать изменения температурных условий и процессов конденсации влаги внутри кургана.

План реконструкции памятников скифской эпохи следует разделить на несколько этапов:

- очистить могильную яму;
- восстановить внутреннюю конструкцию кургана;
- установить датчики, фиксирующие температурные изменения внутри погребения;
- восстановить внешнюю конструкцию кургана.

В качестве образца для реконструкции можно взять небольшой объект – Ак-Алаха I, курган 2. Диаметр каменной насыпи данного кургана около 11 м. Верхняя часть каменной насыпи в основном из крупных галек. Могильная яма, вытянутая по линии СВ-ЮЗ занимала большую часть внутренней площадки кургана. Её размеры в верхней части 3,95×2,7 м, в нижней – 3,1×1,9 м. Первое перекрытие из дерева обнаружено на глубине 1,76 м от края ямы. Оно состояло примерно из 12 брёвен. Размеры перекрытия 1,7×2,7 м. Скелет лошади был обнаружен на глубине 1,8 м от края ямы. Он лежал вдоль северной стенки ямы на специальной ступеньке.

На дне ямы находился небольшой сруб размерами 2×0,95 м. Судя по толщине смёрзшегося слоя дерева, над погребением находились два перекрытия. Нижнее состояло примерно из семи брёвен. Под этим перекрытием на глубине 2 метра от края ямы на полу находился скелет ребёнка (Археологические памятники плоскогорья Укок, 2004, с.67).

Создав подобное сооружение, мы надеемся проследить и зафиксировать при помощи помещённых внутрь температурных датчиков изменения, происходящие под курганной насыпью. Это, возможно, в какой-то мере позволит решить некоторые проблемы, возникающие при изучении пазырыкской культуры.

Литература

1. Археологические памятники плоскогорья Укок. Новосибирск, 2004. 256 с.
2. Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. 224 с.
3. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 224 с.
4. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 192 с.
5. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 304 с.
6. Марченко С.С. Климатология, география, геология // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы. Горно-Алтайск, 2007. 338 с.
7. Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы. Новосибирск, 1994. 126 с.
8. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в Скифское время. М.-Л., 1953. 404 с.

Сипатрова А.Г.

(ГАГУ, исторический факультет, II курс)

Научный руководитель – доцент, к.и.н. В.И. Соёнов

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ ТЮРОК САЯНО-АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вооружение тюрков представляет большой интерес для изучения истории Евразии и военного дела средневековых воинов. Многие отечественные и зарубежные исследователи анализировали различные аспекты развития военного дела и вооружения тюркского времени. Изучением этих проблем занимались С.В. Киселёв, И.Л. Кызласов, Ю.С. Худяков, Б.Б. Овчинникова, В.В. Горбунов, М.В. Горелик и др. Основными источниками по изучению военного дела и вооружения тюркского времени являются: археологические

источники (находки остатков вооружения в погребениях, поселениях и т.д.); изобразительные источники (изображения оружия на изваяниях, петроглифах, миниатюрах, настенной живописи); письменные источники (тюркские рунические надписи и литературные произведения, китайские, персидские, арабские и др. литературные произведения).

Оружие ближнего боя тюрков состояло из копья, меча или сабли, боевого топора, кинжала, боевого ножа.

Мечи – это длинное оружие рубяще-колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из основной монолитной конструкции, в которой выделяется поражающая часть и несущая часть – черен. Важным дополнением в конструкции меча являются такие, чаще всего отдельные, части, как перекрестье и детали рукояти: обкладка, обмотка, навершия, штифты, штыри, бляхи и обоймы (Худяков Ю.С., 1986, с. 27).

Сабля – это длинное оружие рубяще-режущего и колющего действия. Её основные конструктивные элементы совпадают с мечом, а главное отличие состоит в изогнутом клинке, характер изгиба придаёт выпуклость основному (фронтальному) лезвию. Сабля в некоторых случаях была орудием боя по отступающему противнику, то есть бегущего врага рубили со спины, не ожидая встретить серьёзного сопротивления. В таких условиях лёгкая сабля являлась оптимальным оружием: она не утруждала руку и, выводя врага из строя, обычно не лишала его жизни – побеждённые становились пленниками. Для серьёзного наступления использовались мечи либо палаши.

Термин «палаш», наиболее часто используется для обозначения прямых однолезвийных и одно-лезвийно-двухлезвийных клинков. Видимо, палаши являлись более универсальным оружием, чем сабли, так как ими можно было не только колоть, но и рубить. В эпоху средневековья палаш получил значительное распространение (Горбунов В.В., 2002, с.48).

Боевой нож – это относительно короткое однолезвийное оружие режущее-колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из монолитной конструкции, включающей поражающую часть – клинок и несущую часть – черен. Дополнительными деталями ножа являются навершие, перекрестие и упор в месте перехода клинка в черен. Клинок мог иметь различный профиль: прямой, вогнутый, выгнутый, 8-видный, что корректировало степень поражающего действия. Окончание клинка, как правило, делали острым, придающим изделию колющую функцию. К боевым ножам принято относить экземпляры с длиной не короче 13 см и толщиной спинки не менее 0,3 см (Горелик М.В., 1985, с. 11).

Боевой топор – это оружие ударно-рубящего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из двух основных отдельных частей: поражающей – бойка и древка – топорища. Боевые топоры от универсальных и рабочих отличаются меньшими размерами, более узкий клинок, наличие чётко выделенного, более длинного обуха.

Копья – это оружие колющего и таранного действия. Тюркские наконечники копья составные, втульчатые, относятся к ассиметрично-ромбическому типу по форме пера, которые в сечении также ромбические (Худяков Ю.С., 1986).

Кинжалы в тюркских погребениях довольно редкая находка. Это двухлезвийный клинок с большой рукоятью и перекрестьем, колюще-режущего действия. Возможно, что со временем кинжал как боевое оружие постепенно выходил из употребления и мог остаться либо в качестве отличительного знака воинского ранга, либо в качестве украшения (Lui Mao-Tsai, 1958).

Рассмотренное выше оружие ближнего боя позволяет констатировать высокий уровень военного искусства и вооружения тюркских воинов. Высоким было и качество оружия, о чём свидетельствуют технологические исследования (Овчинникова Б.Б., 1990). В результате анализов установлено, что наконечники стрел были изготовлены способом горячейковки при температуре 950-1100⁰ С, поэтому на металле не осталось следов деформации. Микроскопические анализы предметов вооружения и оснащения тюркского воина свидетельствуют о развитии видманштетовой структуры, которая образуется на поверхности шлифов в результате перегрева изделия во времяковки. Металл приобретает характерные черты литого, который уступает в прочности ковальному. Температурные рамки технологии довольно высокие в случае перегрева получается видманштетова структура, которая лишает изделие преимуществ ковального металла.

Оружие ближнего боя в основном изготовлены из низкоуглеродного железа. Содержание углерода в большинстве предметов равно 0,25-0,4%. Науглероживание происхо-

дило во время металлургического процесса. Но и не исключена возможность потери углерода с поверхности изделий во время его длительного пребывания в огне (например, при кремации трупа вместе с вооружением).

Оружие ближнего боя тюрков Саяно-Алтая и Центральной Азии отличалось высоким качеством, типологическим разнообразием и высокой действенностью. Анализ предметов вооружения, а также элементов военного дела дают представление о комплексе вооружения и свидетельствуют о высоком уровне военного искусства тюрков.

Литература

1. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая III-XIV вв. Часть 2. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
2. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в V–X вв. Свердловск, 1990.
3. Lui Mao-Tsai. Китайские хроники. М., 1985.
4. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Кучукова Д.А.

(ГАГУ, исторический факультет, III курс)

Научный руководитель – доцент, к.и.н. В.И. Соёнов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО КОСТЮМУ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЯ

Костюм является важным этнографическим признаком и служит внешним выражением этнического самосознания (Кубарев Г.В., 2005, с. 26). Как любая категория материальной культуры, костюм несет на себе отпечатки заимствований и взаимодействия различных традиций. Причинами заимствований могли быть военное и политическое подчинение, целесообразность и практичность в использовании, мода и т.д.

Костюм, несомненно, следует рассматривать и как определенную знаковую систему или язык. Кроме того, те или иные элементы костюма указывали на пол, возраст, социальный статус и имущественное положение человека. Наконец, одежда, как и многие другие вещи умершего человека, выступала у тюркоязычных народов в качестве его временного заместителя, вместилища души.

Тема костюма древних тюрков затрагивалась во многих научных работах. Как правило, детали одежды анализировались в монографиях, посвященных древнетюркским изваяниям, Л.А. Евтюховой, А.Д. Грача, Я.А. Шера, В.Д. Кубарева. Существуют также статьи С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова о внешнем облике и одежде древних тюрков, а также отдельные разделы в монографиях Б.А. Овчинниковой, С.И. Вайнштейна и др. Вопросы взаимовлияния и взаимодействия тюркского и восточнотуркестанского костюмов отражены в работах С.А. Яценко.

К древнетюркскому времени принадлежат разнообразные археологические памятники Горного Алтая – курганы и поминальные комплексы: Кудыргэ, Курай, Катанда, Яконур, Узунтал, Юстыд и др. (Соёнов В.И., 1993, с. 22). Из-за слабой изученности городищ и неукрепленных поселений тюркского времени, погребения, несомненно, являются наиболее информативными и важными археологическими источниками. Исследования археологических памятников проводили С.И. Руденко, А.Н. Глухов, М.П. Грязнов, А.А. Гаврилова, Л.А. Евтюхова, С.В. Киселев, Ю.Т. Мамадаков, Д.Г. Савинов, В.Д. Кубарев, Г.В. Кубарев, Ю.С. Худяков и др.

По имеющимся археологическим данным можно выделить следующие элементы костюма: кафтан, шуба, рубаха, штаны, головной убор, сапоги.

Кафтан – верхняя мужская и женская двубортная одежда с глубоким запахом и поперечным центральным швом. Рукава кафтана могут быть длинными или короткими – до локтя. В верхней части (до пояса) кафтан достаточно плотно облегал корпус и заужен в

талии, тогда как его подол расширен (Кубарев Г.В., 2005, с. 32). Кафтан, как правило, снабжен одной, двумя или несколькими застежками в верхней части, а подол может иметь разрезы для удобства при верховой езде. Последнее указывает на его кочевническое происхождение. Кафтан, как правило, имеет подклад и является утепленной одеждой.

На многих фигурах показан менее или более глубокий вырез верхней распашной одежды, открывающий шею и часть груди (Кубарев В.Д., 1984, с.27). Детали одежды на изваяниях позволяют предположить существование двух вариантов одного и того же кафтана. Основные характеристики одного из них: распашной, двубортный, слегка приталенный. Он имеет длинные узкие рукава и довольно большие треугольные отвороты лацканы. Ширина отворотов свидетельствует о ширине запаха. В некоторых случаях отвороты фиксировались застежками. В верхней части (до пояса) кафтан имел от одной до трёх застёжек. Судя по изображениям, ими служили шнуры с узелком и петли, а, возможно, пуговицы. Вторым вариантом того же кафтана являлось изделие с вырезом на груди, но без отворотов и воротника.

Археологические текстильные находки, являющиеся остатками целых изделий, существенно дополняют характеристику древнетюркского кафтана. Так, можно утверждать, что практически все кафтаны имели подклад и были утепленными, меховыми: между лицевым и подкладочным шелком зафиксированы остатки тонкого войлока (на могильнике Юстыд). На могильнике Кудыргэ от одежды остались небольшие обрывки шелковой ткани и застежки, принадлежности поясов, обувные пряжки. Ткани шелковые, темно-коричневые, плотные, находились в могилах с конем, на плечевой могиле погребенного (могила 9), под украшением – застежкой и на войлоке от сумки (могила 11) (Гаврилова А.А., 1965, с. 38). Остатки такой же ткани на обувной пряжке, также в могиле с конем (могила 10), и на поясной пряжке и в области ног в могиле без коня (могила 4) указывают, что эти одежды были длинными.

Третью разновидность верхней одежды, кроме рассмотренных вариантов кафтана, представляет собой, по-видимому, шуба. Не исключено также, что это кафтан с меховым воротником. У некоторых изваяний на груди и вокруг шеи изображены меховые воротники.

Судить о нижней одежде древних тюрков значительно сложнее, так как на изображениях она почти всегда закрыта верхней одеждой, а целые изделия в погребениях отсутствуют. Несомненно, под верхнюю одежду поддевалась рубаха. Её верхняя часть иногда показана в вырезе кафтана на груди изваяния. Можно только предполагать, что рубаха была достаточно длинной и не заправлялись в штаны.

Археологических находок штанов в Горном Алтае не было. Нет и их изображений. Однако по имеющимся материалам сопредельных территорий можно предположить, что штаны были короткие, доходили до середины голени и заправлялись в сапоги. Штаны могли изготавливать из разных материалов и быть утепленными.

Разнообразные головные уборы также изображались на изваяниях. Наиболее распространенным следует считать головной убор в виде небольшой шапочки типа тюбетейки. Высокие головные уборы различных типов и оформления могут рассматриваться как атрибуты знати. Головные уборы, очевидно, изготавливались из следующих материалов: основа – кожа, войлок, мех, которые могли быть покрыты орнаментированным шелком.

Сапоги представляют собой важную часть комплекса одежды. На изображениях они часто скрыты кафтаном. Маленькие серебряные и медные обувные пряжки обнаружены в области ног в двух женских погребениях (могилы 10, 14) могильника Кудыргэ. Кроме того, в могиле 4 найден кусок кожи, сшитый сухожильными нитками, вероятно, от обуви.

Таким образом, археологический материал позволяет охарактеризовать такую значимую категорию материальной культуры, как костюм. Привлекая изобразительные источники наряду с археологическими данными, можно сделать попытку реконструкции костюма раннесредневековых тюрков.

Литература

1. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Изд-во «Наука», 1984. 180 с.
2. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
3. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Изд-во «Наука», 1965. 144 с.
4. Соёнов В.И. Археологический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1993. 95 с.

Ковалев С.Г.

(ГАГУ, исторический факультет, III курс)

Научный руководитель – доцент, к.и.н. В.И. Соёнов

БОЕВЫЕ ТОПОРЫ НА АЛТАЕ (VII-XIV ВВ.)

Оружие ближнего боя ударно-рубящего действия в археологических памятниках встречаются гораздо реже, чем предметы вооружения дальнего боя. На Алтае в памятниках рассматриваемого периода найдено 10 боевых топоров на 8 объектах (Горбунов В.В., 2006). Они представлены целыми или незначительно поврежденными железными топорами (бойками). На территории Горного Алтая обнаружено 8 топоров: 5 экз. в курганных погребениях (Узунтал-V, к. 2, Катанда-II, к. 2, Джолин-I, к. 9, Чобурак-1, к. 2 (2)), 3 экз. в составе тайников (Отукту-Оозы, тайник; Нижне-Тыткескенская Пещера-1, тайник). В Лесостепном Алтае известно всего 2 топора, оба – случайные находки (Акимовка, Кашкарагаиха-1). Поэтому находки данной категории вооружения очень важны для оружейведения: по ним можно предполагать темпы развития защитного доспеха, судить о месте топора в составе комплекса вооружения воина, а по характеристикам топоров – наносимые повреждения защитному доспеху.

Боевой топор – это оружие ударно-рубящего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Можно предположить, что в основном боевые топоры предназначались для поражения защищенного доспехом противника, т.к. этот вид оружия был более эффективным, чем использование для данной цели оружия колюще-режущего действия (мечи, палаши и т.д.) в ближнем бою. Боевой топор состоит из двух отдельных частей: поражающей – топор (боек) и несущей – древко-топорище. Боевые топоры отличаются от рабочих меньшими размерами, более узким клинком и наличием четко выделенного, более длинного обуха (Худяков Ю.С., 1983; 1986; Горбунов В.В., 2006). Можно полагать, что данные свойства позволяли быстро манипулировать топором в бою. Конфигурация топоров (легкий, узкое лезвие, высокий бронебойный обух) из могильников Узунтал-V, к. 2, Катанда-II, к. 2 характерна для легкого кавалерийского оружия.

Удельный вес боевых топоров в вооружении средневекового населения Алтая был значительно меньшим, чем видов клинкового оружия. Однако интенсивное развитие доспеха, против которого топор являлся наиболее эффективным средством ближнего боя, заставляло воинов Алтая применять и совершенствовать это оружие. Политическая ситуация в кочевом мире в период раннего средневековья стимулировала совершенствование технологии оружейного ремесла, базирующегося на местной металлургии и металлообработке. Расширение потребности в вооружении также частично компенсировалось за счет привоза и заимствования более совершенных образцов оружия из Средней Азии, а также захвата оружия в качестве военного трофея. В период с VII по X вв. н.э. на Алтае появляется целая серия новых видов и типов оружия ближнего боя: сабли, мечи, боевые топоры, кистени, часть из которых была изобретена алтайскими оружейниками, а часть заимствована в результате военно-политических контактов с другими народами. Внедрение топора в боевую практику у средневекового населения Алтая начинается в тюркскую эпоху и фиксируется на протяжении VII-XIV вв. н.э. Можно и предположить, что внедрение боевого топора еще и связано с необходимостью расширения диапазона средств ближнего боя в арсенале легкой конницы (Горбунов В.В., 2006).

Типологически ранними являются экземпляры топоров из курганных погребений Узунтал-V, к. 2, Катанда-II, к. 2, Джолин-I, к. 9, Кашкарагаиха-1. Данные экземпляры использовались тюрками с середины – 2-й пол. VII в. н.э. (Худяков Ю.С., 1986). Первые образцы боевых топоров, по-видимому, были заимствованы у алано-болгарских племен. Там тюрки, вероятно, могли убедиться в эффективности боевых топоров в ближнем бою и в дальнейшем разработать свою модификацию боевых топоров с трапецевидными формами клинка

(Узунтал-V, к. 2, Катанда-II, к. 2, Джолин-I, к. 9). Последующее развитие данного оружия в Горном Алтае шло по пути постепенного увеличения общих размеров, при уменьшении относительной ширины клинка, от трапециевидной формы топора (экземпляры из курганных погребений Узунтал-V, к. 2, Катанда-II, к. 2, Джолин-I, к. 9) к вогнуто-прямоугольной (экземпляры из курганного погребения Чобурак-1, к. 2 (2) и из тайников Отокту-Оозы и Нижне-Тыткескенская Пещера-1). Можно предположить, что это диктовалось необходимостью повышения ударной мощи оружия данного вида (Горбунов В.В., 2006).

Литература

1. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая III-XIV вв. Часть 2. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
2. Худяков Ю.С. Вооружение древних тюрок Горного Алтая // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983.
3. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азбелев Павел Петрович – научный сотрудник лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева. НИИКСИ СПбГУ. 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 9 подъезд, НИИКСИ, Лаб. археологии. Тел./факс: +7(812) 5774915, e-mail: azb13@hotmail.com

Акимова (Вдовина) Татьяна Алексеевна – научный сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 16. Тел./факс: 8(388-22)2-36-08, e-mail: vdovina-ta@mail.ru

Алехина Елена Викторовна – выпускница Горно-Алтайского государственного университета

Белинская Карина Ырысовна – аспирантка кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета

Богданов Евгений Сергеевич – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Тел.: 8(383)330-46-48, факс: 8(383)330-11-91, e-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Борисенко Алиса Юльевна – старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, кандидат исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2. Тел.: 8(383)336-43-59, e-mail: aborisenko@mail.ru

Енчинов Эркин Валерьевич – научный сотрудник Института алтаистики им. С.С. Суразакова. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Институт алтаистики. Тел.: 8(388-22)2-53-18, факс (388-22)2-53-04, e-mail: enchinov_e@mail.ru

Карушев Роман Николаевич – студент Горно-Алтайского государственного университета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А.Ленкина, 1. ИФ ГАГУ. E-mail: kaei@gasu.ru

Киреев Сергей Михайлович – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46. Тел./факс: 8(388-22)2-26-53, e-mail: musey_anohin@mail.ru

Ковалёв Сергей Геннадьевич – студент Горно-Алтайского государственного университета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А.Ленкина, 1. ИФ ГАГУ. E-mail: kaei@gasu.ru

Константинов Никита Александрович – студент Горно-Алтайского государственного университета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А.Ленкина, 1. ИФ ГАГУ. E-mail: kaei@gasu.ru

Кубарев Владимир Дмитриевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор Института археологии Монгольской Академии Наук (г. Улан-Батор) доктор исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Тел.: 8(383)330-44-91, факс: 8(383)330-11-91, e-mail: vd@online.nsk.su

Кучукова Дарья Аркадьевна – студентка Горно-Алтайского государственного университета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А.Ленкина, 1. ИФ ГАГУ. E-mail: kaei@gasu.ru

Кызласов Игорь Леонидович – ведущий научный сотрудник, заведующий группой средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН, доктор исторических наук. 117036, г. Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. E-mail: kyzlasovil@mail.ru

Маточкин Евгений Палладиевич – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, кандидат искусствоведения. Тел.: 8(383)330-83-69, e-mail: pallady@ngs.ru

Маточкин Павел Евгеньевич – аспирант СО РАН. Тел.: 8(383)330-83-69, e-mail: pallady@ngs.ru

Мейкшан Илья Александрович – сотрудник кафедры религиоведения и теологии Алтайского государственного университета. 656049, г. Барнаул-49, пр. Ленина, 61. АлтГУ. E-mail: mejkshan i.a. @mail.ru

Мендешева Венера Михайловна – младший научный сотрудник Института алтаистики им. С.С. Суразакова. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Институт алтаистики. Тел.: 8(388-22)2-53-18, e-mail: VodinaV1982@mail.ru

Ойношев Василий Петрович – директор Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, кандидат филологических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 16. Тел./факс: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gornyu.ru

Самаев Григорий Петрович – кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск. Тел.: 8-960-968-25-94

Сафронов Александр Михайлович – выпускник Горно-Алтайского государственного университета

Сипатрова Анастасия Григорьевна – студентка Горно-Алтайского государственного университета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А.Ленкина, 1. ИФ ГАГУ. E-mail: ana-villiss@yandex.ru

Слюсаренко Игорь Юрьевич – научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Тел.: 8(383)330-34-18, факс: 8(383)330-11-91, e-mail: slig1963@yandex.ru

Соёнов Василий Иванович – доцент Горно-Алтайского государственного университета, начальник Горно-Алтайского центра специальных работ и экспертиз, доцент, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, 16, кв.5, e-mail: soyonov@mail.gornyu.ru, soyonov@mail.ru

Степанова Надежда Федоровна – старший научный сотрудник барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул-49, пр. Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)66-84-23, e-mail: nstepanova@mc.asu.ru; nadestepanova@yandex.ru

Торушев Эркем Геннадьевич – научный сотрудник Института алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Институт алтаистики. Тел.: 8(388-22)2-53-18, e-mail: altaistika@mail.gornyu.ru

Уваров Сергей Валерьевич – выпускник Горно-Алтайского государственного университета

Худяков Юлий Сергеевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, профессор, доктор исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Факс: 8(383-2)30-11-91, e-mail: khudjakov@ngs.ru; khudjakov@mail.ru

Чевалков Лев Мирослаович – научный сотрудник Института алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Институт алтаистики. Тел.: 8(388-22)2-53-04

Чейнин Эркемен Вячеславович – студент Горно-Алтайского государственного университета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А.Ленкина, 1. ИФ ГАГУ. E-mail: kaei@gasu.ru

Штанакова Евгения Александровна – студентка Горно-Алтайского государственного университета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А.Ленкина, 1. ИФ ГАГУ. E-mail: kaei@gasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Кубарев В.Д. (г. Новосибирск) ДВА РЕДКИХ РИСУНКА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ЧУЙСКОЙ КОТЛОВИНЫ (ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)	3
Соёнов В.И. (г. Горно-Алтайск) ГОРНЫЕ КАМЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ШИБЕ ЮЖНОЙ ОКРАИНЫ ЧУЙСКОЙ КОТЛОВИНЫ	5
Кубарев В.Д., Ойношев В.П., Розвадовски А. (г. Новосибирск, г. Горно-Алтайск, г. Познань) ЧАШЕЧНЫЕ КАМНИ БЕШ-ОЗЕКА	17
Степанова Н.Ф. (г. Барнаул) ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСХОДНОГО СЫРЬЯ И ФОРМОВОЧНЫХ МАСС КЕРАМИКИ НЕОЛИТА-БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ И ЕГО ПРЕДГОРИЙ	23
Киреев С.М., Алехина Е.В., Сафронов А.М., Акимова (Вдовина) Т.А., Уваров С.В. (г. Горно-Алтайск) ОБЪЕКТ XXI МАЙМИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА	31
Акимова (Вдовина) Т.А. (г. Горно-Алтайск) ПОСЕЛЕНИЕ УРЛУ-АСПАК-1 В МАЙМИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ	37
Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. (г. Новосибирск, г. Горно-Алтайск) НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ (МОГИЛЬНИК КУРАЙКА)	42
Мейкшан И.А. (г. Барнаул) К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛИТЫ ХУННУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (по материалам письменных источников)	58
Азбелев П.П. (г. Санкт-Петербург) ХУННСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТАШТЫКСКОМ ДЕКОРЕ	66
Маточкин Е.П., Маточкин П.Е. (г. Новосибирск) ПЕТРОГЛИФЫ РЕЧКИ ДЕБЕЛЮ	75
Самаев Г.П. (г. Горно-Алтайск) УКРЕПЛЕНИЯ УЙТТУ-КАИ, ТООЛОКА И АРТАЛА	78
Кызласов И.Л. (г. Москва) НОВЫЕ ПОИСКИ В АЛТАИСТИКЕ. I. РАЗРАБОТКИ ЛИНГВИСТОВ-ТЮРКОЛОГОВ	88
Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С. (г. Новосибирск) РАЗВИТИЕ ОХОТНИЧЬИХ ПРОМЫСЛОВ И ОРУЖИЯ У ТЮРКСКИХ ЭТНОСОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КОНТАКТОВ С РУССКИМИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОЕ ВРЕМЯ	102
Чевалков Л.М. (г. Горно-Алтайск) ОЧЕРК РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ГОРНОМ АЛТАЕ И ИНСТИТУТЕ АЛТАИСТИКИ ИМ. С.С. СУРАЗАКОВА	109
Енчинов Э.В. (г. Горно-Алтайск) ОБЫЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА АЛТАЙЦЕВ	114
Торушев Э.Г. (г. Горно-Алтайск) ПРОТЕСТАНТИЗМ У АЛТАЙЦЕВ	124
Мендешева В.М. (г. Горно-Алтайск) ВЫДЕЛКА КОЖИ У АЛТАЙЦЕВ	133

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

	Стр.
Чейнин Э.В. (ГАГУ, исторический факультет, IV курс) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧОЛУШМАНСКОЙ ДОЛИНЫ	138
Карушев Р.Н. (ГАГУ, исторический факультет, III курс) КЕРАМИКА АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОСЕЛЕНИЯ ЧЁБА	140
Константинов Н.А. (ГАГУ, исторический факультет, II курс) ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛУЧНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ПАМЯТНИКА КАЛБАК-ТАШ	142
Штанакова Е.А. (ГАГУ, исторический факультет, II курс) РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ	148
Сипатрова А.Г. (ГАГУ, исторический факультет, II курс) ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ ТЮРОК САЯНО-АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	151
Кучукова Д.А. (ГАГУ, исторический факультет, III курс) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО КОСТЮМУ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЯ	153
Ковалев С.Г. (ГАГУ, исторический факультет, III курс) БОЕВЫЕ ТОПОРЫ НА АЛТАЕ (VII-XIV ВВ.)	155
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	157

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ.**

ВЫПУСК 7

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы – **В.И. Соёнов, В.П. Ойношев**

Статьи публикуются в авторской редакции

Составление, оформление, верстка, корректура, макет – **В.И. Соёнов**

Подписано в печать 07.10.2008. Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная. Гарнитура «Ариал». Усл.печ.л. – 20.
Тираж 300 экз.

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79.
Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай.
Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gornyy.ru